

ВСТРЕЧА

Колонка редактора

Один современный русский богослов сказал, что лучший дар, который мы можем принести Господу к 2000-летию Его пришествия в мир, — это обновленные Духовные школы...

Как? Не вызолоченные купола возрожденных храмов, не многотомные юбилейные издания, а обновленные Духовные школы? Не переоценил ли автор этих слов значение готовящейся реформы? Действительно ли она так безотлагательна и необходима?

Общество, которое сейчас с упованием смотрит на Церковь, требует от пастыря ответов на многие сложные вопросы. И хотя эти вопросы, главным образом, духовного порядка, но для того, чтобы достойно отвечать на них, пастырь, конечно, не должен уступать своей пастве и в плане общего образования. Становление и воспитание образованного священнослужителя — задача Духовной школы. А насколько справляется она со своей задачей?

Кажется, сегодня уже для всех очевидно, что система богословского образования в России действительно нуждается в преобразованиях. Все чаще высказывается мнение о том, что именно на воспитание будущих священнослужителей и должно быть в первую очередь обращено сейчас внимание церковной иерархии и общественности. Более того, именно с проблемами духовного образования связывают все неудачи в катехизации России и нестроения в современной церковной жизни.

Так какой же быть Духовной школе в России накануне 2000-летия пришествия в мир Спасителя? Мы надеемся, что номер нашего журнала, который вы держите в руках, в какой-то мере поможет дать ответ на этот вопрос.

Даниил Еремеев

Содержание

- Не надо думать, что реформа заключается в подписании бумаг... интервью с ректором МДАиС, епископом Верейским Евгением.....2
- Летопись.....5
- Мысли вслух.....12
- На перепутье
Полемика по вопросам реформы высшей Духовной школы в России в начале XX века
Вера Тарасова.....14
- Реформа давно уже назрела... священник Максим Козлов
Н. К. Гаврюшин
А. И. Сидоров.....23
- Воспоминания об Академии
С.Н. Постников.....26
- Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин — отец Востока и Запада
К.Е. Скурат.....30
- Прежнее вернулось переосмысленным... интервью с поэтом В. Афанасьевым.....36
- Старец Иосиф Исихаст архимандрит *Ефрем*.....44
- В темнице был и вы пришли ко Мне...
125 лет тюремному храму
Александр Болонников.....48
- К истории Евфимовского раскола в Константинополе
Константин Ветошиков.....52
- Жертвенник Неведомому Богу иеромонах *Андрей (Мороз)*.....56
- От Львиного Сердца — в львиные когти
Латинское господство на Кипре в 1191-1571 гг.
иеродиакон Исаия (Киккотис).....58
- Судьба "Иргизской исправы"
Из истории старообрядческого раскола
священник Михаил Воробьев.....60

При перепечатке ссылка на "Встречу" обязательна
Редакция благодарит администрацию, сотрудников Канцелярии и ЦАКа МДАиС за неоцененную помощь в подготовке настоящего номера журнала
На 2-й стр. обложки: икона Спаса, XVII век, из собрания ЦАКа МДА
На 3-й стр. обложки: западная стена академического храма Покрова Божией Матери

Ежеквартальный студенческий православный журнал Московской Духовной Академии и Семинарии.

Издается по благословению преосвященного Евгения, епископа Верейского, Ректора МДА и С.
1998 · 1(7)

Учредители журнала:

Московская Духовная Академия

Фонд единства православных народов

Главный редактор

Даниил Еремеев

Выпускающий редактор

Евгений Сиротенко

Отдел богословия и философии

Сергей Елисеев, Сергей Ефимов

Отдел истории и литературы

Дмитрий Моисеев

Отдел информации

Сергей Зрянин, Сергей Черногорцев

Отдел проектов

иеромонах Роман (Лукин),

Игорь Шаповалов,

Михаил Первушин,

Александр Войтенко

Корректоры Д.Моисеев, И.Неродюк,

Н.Колотовкин, К.Дорофеева

Верстка Е.Сиротенко, А.Долгов

Набор С.Вараксина

Художник С.Иванов

Фото С.Пантелеев, Д.Шалаев

Распространение М.Троєглазов

Журнал издается попечением

Фонда единства православных народов

Адрес редакции:

141300, Московская обл.,

Сергиев Посад, Лавра, МДАиС

факс: (095) 973-08-23

Адрес в сети Internet:

<http://www.or.ru>

E-mail: editor@jsciec.ru

IP № 040173 от 15.12.1996

Подписано в печать 20.01.98

Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная № 1

Усл. печ. л. 8. Уч.-изд. л. 8,2

Тираж 2500 экз. Зак. 209

Оригинал-макет изготовлен

редакцией журнала "Встреча"

Отпечатано в типографии

издательства "Дом печати"

432601, Ульяновск, ул. Гончарова, 14

НЕ НАДО ДУМАТЬ, ЧТО В ПОДПИСАНИИ

Ректор Московской Духовной Академии и Семинарии епископ Верейский Евгений, исполняющий одновременно обязанности председателя Учебного комитета при Священном Синоде РПЦ, отвечает на вопросы журнала "Встреча"

— Ваше Преосвященство, Вы уже четыре года возглавляете Учебный комитет при Священном Синоде Русской Православной Церкви и более двух лет Московскую Духовную Академию и Семинарию. Как известно, главной Вашей заботой стали разработка и проведение реформы образования Духовных школ. Существуют ли примеры проведения подобных преобразований в течение последних послереволюционных лет?

— Опыт проведения реформы образования Духовной школы у нас, безусловно, есть, хотя и небольшой. В 60-70 годы были разработаны те программы, по которым, в основном, мы сейчас и живем. В 80-е годы были внесены некоторые изменения в учебный план — соответственно, произошло обновление учебных пособий. Но тогда любые, даже самые незначительные изменения, касались ли они программ или организации учебного процесса, были сопряжены с огромными трудностями. Определялись они во многом сложными отношениями, существовавшими тогда между Церковью и государством.

За последние годы эти отношения изменились — расширились и возможности Церкви. Ситуация для реформы сегодня несравнимо более благоприятная, чем она была во времена ректорства моих предшественников. Думаю, что не воспользоваться этим, было бы непростительной ошибкой для любого человека на моем месте.

— **Какие преобразования предполагает предстоящая реформа Духовных школ?**

— Значительную критику в адрес существующей ныне системы образования вызывает то, что программа обучения в Академии во многом повторяет программу Семинарии. Многих уже не удовлетворяет уровень образования в Семинариях и Академиях, а также программы, существующие в наших Духовных школах. Согласно новой концепции богословского образования, цикл семинарского образования будет

составлять пять лет. По окончании Семинарии выпускнику будет присваиваться звание бакалавра. Образование в Академии решено направить по пути специализации. Система обучения в Академии предполагается двухступенчатая, по схеме 3 + 2. После трех лет учебы и успешной защиты диссертации выпускнику будет присваиваться степень кандидата богословия. Ко второму этапу обучения будут допускаться, естественно, лучшие. Им будет предоставлена возможность в течение двух лет работать над магистерской диссертацией.

— **Владыка, эти изменения будут введены в учебный план Духовных школ уже со следующего учебного года?**

— Лишь частично. Вероятно, все-таки потребуются определенный переходный период. Хотя при обсуждении этого вопроса возникло два мнения: согласно первому, необходимо определенный период (от 2 до 5 лет) обозначить как переходный — в течение этого срока Семинарии, может быть, смогут создать у себя необходимые условия для реформы. Согласно второму, никакого переходного периода объявлять не следует, а новые требования к организации учебного процесса и новую учебную программу определить как нормативные и, следовательно, обязательные для всех Духовных школ. Придерживаясь этой точки зрения, мы должны будем согласиться с тем, что не все Духовные школы смогут и в дальнейшем именоваться Семинариями.

Окончательного решения еще нет. Возможно, в процессе дальнейшего обсуждения будет предложен тот вариант, который и окажется наиболее приемлемым для нас.

— **Не могли бы Вы рассказать, кем и как будет осуществляться проверка и приниматься решение о получении лицензии той или иной Семинарией?**

РЕФОРМА ЗАКЛЮЧАЕТСЯ БУМАГ...

— При Учебном комитете будет создана специальная лицензионная комиссия, которая и будет определять образовательный уровень имеющихся у нас Духовных школ. Сейчас решается вопрос о возможности взаимодействия Учебного комитета и Министерства образования в вопросах предоставления образовательных лицензий.

— **А Московская Духовная Академия имеет лицензию?**

— Да, с прошлого учебного года. И не только Академия, но и Семинария, а также Регентская и Иконописная школы.

— **Утверждены ли уже процедура присвоения и наименование богословских научных степеней: кандидат, магистр, доктор, а также звание бакалавр?**

— Утвердили только бакалавра. И сразу возникла проблема: чтобы Семинария могла дать бакалавра, она должна перейти на новую образовательную систему. Московским и Санкт-Петербургским Духовным школам, я надеюсь, это будет несложно. Сложно — в периферийных школах. Некоторым из них не по силам даже нынешняя программа: нет преподавателей, низкий уровень подготовки абитуриентов, нет денег... Не присваивать выпускникам таких Семинарий звания бакалавра? Но это составляет необходимое условие для поступления в Академию...

Надеюсь, что в ближайшее время из этой действительно сложной ситуации будет найден выход, а иначе — бессмысленно говорить о лицензировании и вообще — о реформе.

— **А как Вы относитесь к возможности проведения открытых защит дипломных и кандидатских работ в нашей Академии, к возможности приглашать оппонентов из числа преподавателей светских вузов?**

— Пока Академия не получит аккредитации, все это не имеет смысла. А потом — посмотрим, но не нужно забывать, что оппонент должен обладать и каким-то минимумом богословских знаний. Даже если речь идет о сугубо гуманитарных областях знаний: истории, языках, литературе и т.д.

— **Какие требования теперь будут предъявляться к научно-исследовательской работе студентов и преподавателей МДА?**

— Система и сам принцип присвоения научных степеней у нас всегда был иным, чем в светских вузах. Кандидатская работа, в общем-то, и не претендовала на характер самостоятельной научной работы. Таковыми должны были быть магистерская и докторская работы. Новая образовательная программа предполагает, что требования к научным работам студентов и преподавателей МДА будут приближены к требованиям вузовским. Но какими они будут — сказать пока не могу: вопрос еще не решен.

— Любая реформа, а тем более, реформа образовательная, нуждается, в первую очередь, в высококвалифицированных специалистах. Предполагается ли более тесное сотрудничество со светскими учебными заведениями или Вы надеетесь на собственные кадры — будущих преподавателей из числа нынешних студентов?

— Я считаю, что просто необходимо приглашать людей из вузовской системы. С моей точки зрения, это, безусловно, положительное явление. Алексей Иванович Сидоров, отец Валентин Асмус, отец Максим Козлов, Николай Константинович Гаврюшин, Юрий Анатольевич Шичалин и многие другие — замечательные преподаватели, опытные педагоги — пришли к нам из светских вузов. Их деятельность — то живое звено, которое соединяет некогда искусственно противопоставленные системы государственного (светского) и церковного образования. Меня очень радует и то, что между Московской Духовной Академией и Московским университетом восстановились хорошие взаимоотношения.

— Возрождая традиции духовного образования в России, мы используем опыт и православных школ зарубежья. Владыка, будут ли иметь наши выпускники возможность получить богословское образование в зарубежных школах?

— Один из первых удачных опытов подобного рода был в середине 80-х годов. Тогда по два человека были направлены на обучение в Духовные школы Сербии, Болгарии, Польши, Чехословакии и Румынии. Сейчас больше десяти выпускников наших Семинарий обучаются в Греции, в Афинском и Фессалоникийском университетах. Надеюсь, что в ближайшее время еще несколько выпускников получат возможность продолжить обучение в зарубежных учебных заведениях. Мы, безусловно, заинтересованы в продолжении этой традиции. Нам нужен опыт других школ, и мы благодарны им за помощь.

— Владыка, теперь Вам вопрос как ректору Академии: планируется ли расширение издательской деятельности Академии? Ведь издательская деятельность — это своего рода способ реализации интеллектуального потенциала, творческих возможностей школы.

— План есть, создан уже и издательский совет — его возглавляет доцент МДА Николай Константинович Гаврюшин. Проблема — в финансировании, потому что, к сожалению, бюджетные деньги не рассчитаны на издательскую деятельность. Нужно искать благодотворителей.

— До сравнительно недавнего времени должности ректора Академии и председателя Учеб-

ного комитета не были объединены. Что послужило причиной совмещения этих должностей?

— Мне думается, что в этом есть определенные преимущества. Ведь кто, по сути, осуществляет реформу Духовной школы: вносит изменения в планы, в программы, кто создает эти самые программы, кто является авторами наших учебников — в основном, преподаватели Духовных школ. Ректор живет одной жизнью с теми, для кого осуществляется реформа и кто осуществляет реформу. Реально он оказывается погружен в ту жизнь, в тот учебный процесс, сложности и противоречия которого он должен не только как ректор, но и как председатель Учебного комитета пытаться разрешать. Ведь Московские Семинария и Академия — центральные Духовные школы РПЦ — как в зеркале отражают проблемы всех наших периферийных школ.

— Какие качества, на Ваш взгляд, должны быть определяющими для ректора Духовной школы?

— В первую очередь — достойный образ жизни. Мне кажется, вряд ли что-нибудь получится у человека, даже обладай он многими талантами, если его не будут уважать те люди, руководить которыми он поставлен. Если же говорить о ректоре как о главе Духовной школы — считаю, что он обязательно должен быть хорошим администратором.

— Владыка, последний вопрос: сейчас все Ваше внимание, как главы Учебного комитета, направлено на предстоящую реформу. Но, предположим, реформа прошла. Ваши дальнейшие планы?

— А что значит “прошла реформа”?

— Приняты основные ее положения.

— Но это еще не значит, что реформа прошла. “Приняты основные положения” означает лишь то, что определили направления, в которых должны произойти изменения, и смысл самих изменений. Определили теоретически. Реформа пройдет тогда, когда теория начнет претворяться в жизнь, в реальную жизнь Духовных школ. Начало реализации нашей программы, я думаю, должно показать и сильные, и слабые ее стороны. А раз так, опять необходимо будет что-то пересматривать, решать иначе. Не надо думать, что реформа заключается в обсуждении и подписании бумаг. Подписали, утвердили — реформа завершена. Этот момент, на самом деле, означает лишь ее начало...

*С владыкой ректором беседовали
Даниил Еремеев, 3 курс МДА
и Нази Арутюнян, Учебный комитет*

Реставрация Чертогов

первых числах сентября 1997 г. Иконописная школа при Московской Духовной Академии начала осуществлять художественную реставрацию экстерьера Царских Чертогов, в которых распо-

ложены Академический храм в честь Покрова Божией Матери и Церковно-Археологический кабинет. Как памятник архитектуры конца XVII-го века, это здание является важным элементом всего архитектурного ансамбля Троице-Сергиевой Лавры. Фасады верхнего этажа Чертогов расписаны "в шахмат". Сдвоенные окна второго этажа украшены изразцовыми наличниками. Над окнами — широкая лента фриза из многоцветных поливных изразцов. Все это со временем потеряло вид и теперь приводится в первоначальное состояние.

Работа, в целом, идет по плану, хотя ее осложняют неблагоприятные погодные условия. Но на это будущие иконописцы смотрят как на одно из испытаний, которые неизбежны в любом благом начинании христианина и которые он должен преодолевать. Студенты трудятся с воодушевлением и хотят как можно скорее привести здание в соответствующий вид.

Ребята считают, что участие в реставрационных работах пополнит их пока еще небогатый опыт в этой об-

ласти. Конечно, изразцы и "шашки" это не фрески, но все-таки и они имеют непосредственное соприкосновение с храмом, что небезразлично для будущих иконописцев. Руководит реставрационными работами и активно участвует в них заведующий Иконописной школой игумен Лука.

Пожелаем нашим братьям помощи Божией в их кропотливом труде и скорейшего завершения намеченного объема работ.

*Владимир Воронцов,
2 курс Иконописной школы*

Армавирский православно-социальный институт — первый выпуск

В начале 1998 года результаты своей деятельности явил миру Армавирский православно-социальный институт. Этот вуз примечателен тем, что совмещает в себе как светское, так и духовное образование, что получило свое отражение в его названии. Кстати, это — единственное учебное заведение подобного рода на юге России. Религиоведение, психология, юриспруденция и журналистика — вот лишь часть тех наук, которые можно изучить в нашей alma mater. Некоторые студенты, не дожидаясь вручения диплома, начинают свою трудовую деятельность. Рукоположенные в священник сан они совершают богослужения (благо, институт располагается бок о бок с городским собором), а журналисты работают либо внештатны-

ми корреспондентами, либо "штатниками" в редакциях местных газет.

Идейным вдохновителем вуза явился протоиерей Сергей Токарь, выпускник Московской Духовной Академии (ныне ректор АПСИ). Требования, предъявляемые к абитуриентам, несколько отличаются от требований других вузов. Поступающие в институт должны быть православными. На всех факультетах читается ряд богословских дисциплин, рекомендуется участие в богослужениях. "Ректор, студенты — это, конечно, хорошо, а как насчет преподавательского состава?" — может спросить читатель. Наряду со своими институт приглашает специалистов из других вузов города и даже из других стран (среди "своих" как светские преподаватели, так и священнослужители). Наличие высококвалифицированных кадров требует жертв в виде платы за обучение на всех факультетах, кроме религиоведения. Но надо заметить, что плата щадящая.

Студенты имеют возможность посещать школу древнерусской живописи и искусства, а также передавать свои знания подрастающему поколению, работая преподавателями в воскресной школе, которая, как и иконописная, существует под эгидой института. Несмотря на трудности, пока что единственный православный вуз Кубани вручил дипломы своим первым и, надеемся, не последним выпускникам.

*Максим Шиян, Денис Клименко,
2 курс АПСИ*

Главный корпус АПСИ

Миссионерская поездка редакционной группы

В рамках совместной молодежной просветительской программы "Россия: слово, философия, культура", в которой принимают участие три студенческих православных издания: журналы "Встреча" (МДАиС) и "Фома" (МГИМО), а также газета "Татьянин день" (МГУ), состоялась миссионерская поездка по городам Ставропольского края членов редакционных групп "Встречи" и "Татьянин день". Поездка стала возможной благодаря поддержке Фонда единства православных народов и Ставропольского Фонда духовного просвещения. На Ставропольской земле редакционная группа имела ряд встреч с разнообразной молодежной аудиторией.

Мы прибыли в Ставрополь в субботу, 18 октября, и на следующий день мы были за воскресной литургией в кафедральном Андреевском соборе. По окончании богослужения мы осмотрели расположенную на территории собора Ставропольскую Духовную Семинарию. Отметившая в прошлом году 150-летие своего существования, Ставропольская Семинария — первая из возрожденных в конце 80-х годов русских Духовных школ. За прошедшее время старанием своих ректоров она приведена в цветущее состояние.

В понедельник, 19 октября, мы были приглашены в музыкальное и художественное училища Ставрополя, в которых беседовали с преподавателями и учащимися. Тема беседы была выбрана нейтральной: "Пути духовного развития современной молодежи", однако первая же встреча в музыкальном училище показала, что наше свободное, неформальное общение со своими в большинстве своем невоцерковленными сверстниками неизбежно приобретает миссионерский характер. С нашей стороны аудитории были предложены четыре сообщения: "Что такое Церковь?" (Д. Еремеев), "Значение образования в духовной жизни человека" (С. Елисеев), "Пути духовного и светского образования в России" (Е. Сиротенко) и, наконец, "Секты и молодежь — проблема духовной безопасности" (А. Егорцев). В дальнейшем насыщенность выступлений варьировалась в зависимости от состава аудитории. Особо содержательной оказалась встреча в художественном училище. Около четырех часов в зале, вмещавшем более 200 человек, продолжалась оживленная беседа, затронувшая те вопросы современной церковной жизни, которые волновали местную интеллигенцию и учащуюся молодежь.

20 и 21 октября мы имели возможность принять участие в торжествах по случаю 30-летия епископской хиротонии местного правящего архиерея — митрополита Ставропольского и Владикавказского Гедеона.

Классическое образование

Интервью журнала "Встреча" с протоиереем Иоанном Знаменским, благочинным округа Кавказских Минеральных вод, директором православной классической гимназии г. Кисловодска — единственного учебного заведения подобного рода на Северном Кавказе

— Отец Иоанн, расскажите, пожалуйста, с чего начиналась гимназия?

— По благословению Высокопреосвященнейшего Гедеона, митрополита Ставропольского и Бакинского, 1 сентября 1992 года при Свято-Никольском соборе города Кисловодска была открыта единственная на Северном Кавказе Православная Свято-Никольская классическая гимназия, которой присвоили статус конфессионального общеобразовательного учреждения. Она имеет лицензию на осуществление образовательной деятельности в сфере начального общего и основного общего образования, так как уровень преподавания соответствуют требованиям, предъявляемым общеобразовательным учреждениям. Гимназия аккредитована Управлением образования Ставропольского края.

— Что гимназия представляет собой на сегодняшний день?

— Первыми учениками гимназии стали воспитанники воскресной школы. Сейчас в гимназии 120 учащихся (с 1 по 6 класс) и 22 преподавателя, из них пять — в священном сане.

— Каким образом строится духовное воспитание гимназистов?

— Во-первых, нужно сказать о том, что уже при отборе детей, желающих учиться в гимназии, первостепенное внимание уделяется воцерковленности родителей ребенка, потому что процесс воспитания в гимназии и дома должен быть однородным. Недопустимо, чтобы воспитание дома шло вразрез с теми моральными и нравственными принципами, которые преподаются в гимназии.

Особенность современной действительности в том, что родители через детей приходят в Церковь, но это вовсе не предполагает пассивности или медлительности родителей в деле собственного духовного возрастания. Они должны не только словом, но самою своею жизнью показывать пример. Поэтому на классных собраниях большое внимание уделяется родителям, проблемам их воцерковления. Для нас далеко не безразлично — венчаны или нет родители наших гимназистов.

Воспитанию благочестия у учащихся мы придаем огромное значение и в этом вопросе придерживаемся следующего принципа: можно допустить завышение оценки по успеваемости, но нельзя этого допустить при оценивании поведения. Если выпускник гимназии будет иметь недостаточные знания по одному из общеобразовательных предметов, то в этом случае мы можем найти оправдание, что этот ученик не имеет особых способностей к этому предмету, но если окончивший гимназию будет безнравственным человеком — ни ему, ни нам оправдания нет. В учебный процесс входит обязательное, раз в неделю, участие детей в Божественной литургии. Не менее одного раза в месяц все учащиеся гимназии причащаются Святых Христовых Тайн. В наши задачи входит воспитать в детях потребность, кроме нарочитых дней, самостоятельно участвовать в богослужении и приступать к таинствам Покаяния и Евхаристии.

— В Православной школе существует опасность привыкания учащихся к святыне. Само оценивание церковных предметов может неправильно ориентировать детей в духовном развитии. Как решается эта проблема в Вашей гимназии?

— Хотя мы находимся и на начальном этапе, но проблема эта у нас уже является. Решить ее одними лишь наставлениями и нравушениями невозможно. Воспитать в детях благоговейное отношение к святыне можно только личным примером педагогов гимназии. Кроме того, детей мы стараемся назидать на примерах из жизни святых, которые рассматриваются на специально тому посвященных предметах и классных часах. Изучая духовные дисциплины,

на Северном Кавказе

мы требуем от детей не только знания пройденной темы, но и осознания и воплощения в жизни тех нравственных уроков, которые предлагает нам Священное Писание.

— **Какой будет программа в старших классах?**

— В старших классах к общеобразовательным предметам будут добавлены и классические: латинский язык и преподавание античной культуры.

— **Первый выпуск гимназии еще не скоро, и все же, что Вы думаете о будущем Ваших выпускников?**

— Будущее наших гимназистов будет устроиться, конечно, по промыслу Божию, но православное мировоззрение и классическое образование, полученные в нашей гимназии, позволят нашим выпускникам самим определить дальнейший путь в жизни.

Наша цель, прежде всего, воспитать православного человека. Очевидно, не все выпускники гимназии продолжат свое образование в Духовных Семинариях и Академиях, и не все станут священно-служителями. Господь их призывает трудиться в разных званиях, вероятно, они будут строителями, учителями, врачами, но они должны быть светом миру.

— **Накладывает ли отпечаток на жизнь гимназистов близость Кисловодска к мусульманскому миру?**

— Безусловно, накладывает. И это выражается, прежде всего, в том, что мы требуем от наших учащихся как знания основ исламской религии, так и способности, опираясь на Священное Писание, доказать заблуждения мусульманства.

— **Что, на Ваш взгляд, требуется сейчас от молодого священника — выпускника Духовной школы?**

— То, что требуется сейчас от выпускника Духовной школы, требовалось и будет требоваться во все времена бытия Церкви. Это требование-напоминание молодой священник всегда имеет с собой и на себе. Оно начертано на иерейском кресте: *Образ буди верным словом, житием, любовью, духом, верою, чистотой* (1 Тим. 4,12). Если не соблюдается это требование, то значит нет и призвания к великому священному служению, которое святые отцы называют искусством из искусств. Выпускник Духовной школы, несомненно, должен не только овладеть суммой богословских знаний, но и воспитать в себе жертвенную любовь к пастве. Только тогда он сможет быть всем для всех, чтобы привести ко спасению хотя бы некоторых.

— **Батюшка, Вы — выпускник Московских Духовных школ, какие у Вас остались впечатления от студенческих лет?**

— Как величайшую милость Божию, явленную на мне, воспринимаю свое обучение в Московских Духовных школах с 1979 по 1986 годы. На всю жизнь осталось неизгладимое впечатление от святости самого места Лавры преподобного Сергия Радонежского, от молитвенных подвигов ее братии, к которым стремились быть причастными все студенты и воспитанники. С величайшей благодарностью молитвенно вспоминаю мудрого владыку ректора — ныне митрополита Киевского и всея Украины Владимира — чуткого и внимательного ко всем нуждам студентов. Исполнен чувства искренней благодарности и ко всей профессорско-преподавательской корпорации. Подавляющее большинство наставников нас учили не только словами, а жизнью, они передавали студентам частицу своих благодатных душ и могли с дерзновением говорить своих питомцам: «Подражатели нам бывайте, как и мы Христу». Время обучения в Московских Духовных школах — самый счастливый период в жизни, воспоминание о котором всегда сопровождается светлыми и радостными чувствами.

По окончании литургии и чествования маститого иерарха мы посетили расположенный поблизости от кафедрального собора Ставропольский университет. Здесь, на факультете журналистики, мы имели беседу со студентами, которая была не менее интересной, чем предыдущие — будущих журналистов волновала профессиональная сторона издательского дела, а мы, видя их неподдельный интерес, были рады поделиться с ними своим опытом.

В последующие дни мы побывали в Кисловодске и Пятигорске. В этих поистине благословенных местах редакционная группа пользовалась гостеприимством благочинного округа Кавказских Минеральных Вод протоиерея Иоанна Знаменского. Встреча с отцом Иоанном и знакомство с его широкой деятельностью оставили у нас самое глубокое впечатление. Вот уже шесть лет при возрождающемся Никольском соборе г. Кисловодска действует руководимая отцом Иоанном классическая гимназия, которая дает своим воспитанникам полноценное среднее образование в православном духе. Дети, а их около двухсот, ежедневно присутствуют на утренней молитве (молитвы читаются и поются хором), а также участвуют в богослужении. Каждому из нас была предоставлена возможность провести урок в одном из классов гимназии. Минуты, проведенные в небольших, теплых аудиториях, останутся для нас, быть может, самым светлым воспоминанием от всей поездки. После подчас утомительных и напряженных дискуссий по вопросам вероучения и церковной жизни с людьми, имеющими смутное религиозное сознание, общение с ангелоподобными детьми, которые принимали то, что мы могли им сказать, с открытым сердцем, явилось подлинным утешением для нас.

В Кисловодске мы посетили также среднюю школу № 19. Школа эта представляет из себя уникальное явление: вот уже пять лет благодаря своему директору, который одновременно является атаманом местного казачества, она придерживается патриотической и православной направленности. Здесь обучается 1500 детей (многие из них мусульмане), однако ни на национальной, ни на религиозной почве конфликтов в школе не возникает. Сама школа представляет из себя подобие историко-патриотического музея, причем стенды и экспозиции развернуты прямо в классах. Здесь, в актовом зале прошла наша встреча со старшеклассниками, а вечером того же дня в одной из аудиторий школы — с местным казачеством.

На следующий день мы ознакомились с храмами и достопримечательностями Пятигорска, и, напутствуемые благословением отца Иоанна, возвратились в Москву.

Евгений Сиротенко, 3 класс МДС

Первый "Открытый день Московской Духовной Академии"

2 ноября 1997 года в МДА в рамках программы "Открытые дни Московской Духовной Академии", инициатором которой выступает студенческий православный журнал МДАиС "Встреча", состоялась встреча студентов и преподавателей московских вузов с профессором Академии, доктором богословия А.И. Осиповым.

Со вступительным словом к гостям обратился заведующий отделом проектов журнала "Встреча", иеромонах Роман (Лукин). Он отметил, что этот день является незаурядным для Московских Духовных школ, и выразил надежду, что реализуемая программа позволит возродить прерванную традицию добрых отношений между светскими и духовными учебными заведениями.

Затем состоялась лекция профессора А.И. Осипова на тему "Что такое Православие?", после которой лектор ответил на многочисленные вопросы, волнующие аудиторию, такие как:

"Нельзя доказать, что Бога нет, а как доказать, что Бог есть?"; "Почему существует столько зла, если Бог добр?"; "Что дает светская наука для спасения души?";

Завершая встречу, отец Роман поблагодарил профессора и многочисленных гостей за проявленный интерес и внимание, после чего всем желающим была предложена обзорная экскурсия по Троице-Сергиевой Лавре и Московской Духовной Академии.

Предположительная периодичность подобных встреч — один-два раза в семестр. Следите за информацией.

Михаил Первушин, 2 класс МДС

Юбилей Православного Свято-Тихоновского Богословского института

18 ноября 1997 года исполнилось 80 лет со дня избрания святого Патриарха Тихона на патриарший престол. Этот день, который ежегодно отмечается Православным Свято-Тихоновским Богословским институтом

как день институтского праздника, в этом году отмечен также празднованием 5-летнего юбилея института который был создан на основе православных богословско-катехизаторских курсов. Осенью 1990 года группой московских священников был разработан Устав этих курсов, и в январе 1991 году курсы были открыты при Союзе православных братств. Первый набор (около 300 человек) состоял, главным образом, из мирян, имевших высшее светское образование и благословение на учебу своего духовника. Занятия проводили преподаватели и выпускники Московской Духовной Академии и Московского государственного университета. В августе 1991 года состоялся новый набор (после вступительного собеседования на 1 курс было зачислено около 300 человек). Высокий уровень преподавания позволил думать о создании на базе курсов высшего учебного заведения, и уже с осени 1991 года началась разработка нового Устава. Святейший Патриарх Алексей II утвердил Устав Богословско-катехизаторского института и стал его учредителем. Ректором института был назначен ректор курсов протоиерей Владимир Воробьев. В марте 1992 года Институт был зарегистрирован в Министерстве юстиции. В августе 1992 года после вступительных и переводных экзаменов в институт было зачислено 650 студентов, из них 120 человек — на дневное отделение, 530 — на вечернее, а учащиеся катехизаторских курсов были переведены на второй и третий курсы вечернего отделения института. Было сформировано пять факультетов: Богословско-пастырский для подготовки клириков, Катехизаторский для миссионерской работы со взрослыми, Педагогический для преподавания Закона Божия детям, Церковных художеств с отделениями иконоведения, иконописи и шитья и Церковного пения. По просьбе Ученого совета Святейший Патриарх Алексей II присвоил институту имя святителя Тихона, Патриарха Московского и всея Рос-

сии, установив в качестве институтского праздника день его избрания на патриаршество (18 ноября).

Первые годы институтский праздник начинался с архиерейского богослужения в Донском монастыре у мощей святого Патриарха Тихона. После того, как 8 июня 1994 года Святейший Патриарх Алексей II освятил главный престол институтского храма Живоначальной Троицы (на Пятницкой улице) и передал институту часть мощей святителя Тихона, праздничное богослужение совершается в этом храме. Торжественный годичный акт регулярно проходит в здании МГУ на Воробьевых горах, где институту руководством университета гостеприимно предоставляется один из актовых залов.

Юбилейный праздник Свято-Тихоновского института начался с торжественного патриаршего богослужения в институтском храме Живоначальной Троицы. Святейший Патриарх Алексей II освятил два боковых придела Троицкого храма: северный — в честь святого Патриарха Тихона, новомучеников и исповедников Российских, южный — в честь Благовещения Пресвятой Богородицы.

Вечером в актовом зале главного здания МГУ на Воробьевых горах под председательством Святейшего Патриарха Алексея II состоялся Торжественный юбилейный акт института. В президиуме присутствовали митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий, митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, архиепископ Истринский Арсений, епископ Корсунский Гурий, епископ Ванский Антоний (Грузинский Патриархат), епископ Якутский и Ленский Герман, епископ Верейский Евгений ректор МДАиС, епископ Красногорский Савва и ректор МГУ академик В. А. Садовничий. В актовой речи ректор института протоиерей Владимир Воробьев напомнил обстановку избрания святителя Тихона на Патриарший престол, говорил о значении восстановления Патриаршества в России, рассказал о сегодняшнем положении института. Преподавательский состав в настоящее время насчитывает около 260 человек.

Среди них трудятся профессора, доценты, преподаватели МДА, РАН, РАО, МГУ, МГПУ, Московской консерватории, Института им. Гнесиных и других учреждений. В институте на очном отделении учатся более 860 студентов, на заочном — 1341 человек. По благословию Святейшего Патриарха Алексия II и Священного Синода и по просьбам епархиальных архиереев на основании договоров с епархиями образовано 10 учебно-консультационных филиалов института: в 1994 году — в Екатеринбурге и Кемерово, в 1995 — в Уфе, Архангельске и Вильнюсе, в 1996 — в Набережных Челнах, в 1997 году — в Караганде, Сыктывкаре, Якутске и Львове. Филиалы работают по программе заочного отделения.

В июле 1997 года Святейший Патриарх Алексий II утвердил Положение о специализированном диссертационном Ученом совете института, в состав которого вошли профессор и преподаватели МДА, СПбДА, МГУ, МГПУ, ПСТБИ, академики РАН и РАО. По благословию Святейшего Патриарха в институтском совете уже прошла защита кандидатской диссертации В.И. Петрушко "Автокефалистский раскол на Украине в постсоветский период (1989—1996 годов)" и принята к защите работа на соискание степени магистра богословия. Еще в начале лета 1997 года была защищена в СПбДА

кандидатская работа выпускника института священника Олега Давыденкова "Традиционная христология "нехалкидонитов" с точки зрения святых отцов и Вселенских Соборов Православной Церкви".

В своем выступлении протоиерей Владимир Воробьев выразил благодарность Святейшему Патриарху Алексию II и ректору МГУ академику В.А. Садовничему за постоянную помощь институту в его работе. С поздравлениями выступили: ректор МГУ академик В.А. Садовничий, ректор МДАиС, исполняющий обязанности председателя Учебного комитета Преосвященный епископ Верейский Евгений, секретарь Ученого совета СПбДАиС протоиерей Расказовский, ректор Минской Духовной Семинарии архимандрит Леонид (Филь), инспектор Свято-Сергиевского института в Париже профессор протоиерей Николай Озолин, первый заместитель министра по делам национальностей и федеративных отношений В.Н. Туманов, директор Российской государственной библиотеки В.К. Егоров, профессор В.Н. Щелкачев.

Институт поздравили также преподаватель Свято-Сергиевского института в Париже протоиерей Николай Чернокрак, преподаватель христианской Академии в Варшаве протоиерей Михаил Дудич, настоятель православного прихода во Флоренции

священник Георгий Блатинский и другие представители богословских школ, академических институтов и университетов. Огромный зал, рассчитанный на 1800 мест, был переполнен. На празднике состоялась презентация двух книг, подготовленных к институтскому юбилею: "За Христа пострадавшие: Гонения на Русскую Православную Церковь, 1917-1956: Биографический справочник" и "Следственное дело Святейшего Патриарха Тихона". Первая книга содержит 9 тысяч биографических статей о священнослужителях и мирянах Русской Православной Церкви, пострадавших за веру в годы гонений, приводятся многочисленные фотографии и комментарии. Книга явилась итогом большой научной работы сотрудников отдела Новейшей истории Русской Православной Церкви и кафедры Информатики ПСТБИ. Начало работы было положено в 1992 года, когда Святейший Патриарх Алексий II благословил сосредоточить работы по исследованию истории Русской Православной Церкви XX века в ПСТБИ и передать в институт архив Синодальной комиссии по изучению материалов о реабилитации духовенства и мирян Русской Православной Церкви. За эти годы было организовано сотрудничество с архивом ФСБ, с исследователями-энтузиастами на местах, были опрошены многие свидетели. Российский Фонд фундаментальных исследований предоставил институту грант на разработку информационной системы, которая уже имеет выход в Международную компьютерную сеть Интернет (адрес <http://www.pstbi.ccas.ru>), Российский гуманитарный научный фонд предоставил институту грант на издание собранных материалов — "Следственное дело Святейшего Патриарха Тихона", подготовленное благодаря договору с Центральным архивом ФСБ и центром "Университет". В нем впервые опубликованы многочисленные документы и материалы, представляющие огромный интерес для исследователей новейшей истории Русской Православной Церкви.

Филаретовский вечер

2 декабря в Московских Духовных школах состоялся традиционный филаретовский вечер, приуроченный к 130-летию со дня кончины святителя Филарета, митрополита Московского.

Традицию проведения подобных вечеров, которые с 1951 года регулярно устраиваются в Академии заложил Святейший Патриарх Алексий I (Симанский).

В этом году центральным выступлением стал доклад священника Максима Козлова, доцента Академии на тему: "Святитель Филарет Московский в воспоминаниях современников — иностранных путешественников", в котором докладчик обстоятельно раскрыл образ святителя, используя малоизвестные мемуары английских священнослужителей, лично знавших прославленного митрополита.

В заключение вечера хор Регентской школы исполнил духовные песнопения. Впервые в этом году Регентская школа выступает с концертом дважды: первый раз — на Покров Божией Матери женским хором и второй раз — в день памяти святителя Филарета, митрополита Московского смешанным составом.

Концерты эти знаменательны в жизни школы тем, что регентами здесь являются учащиеся выпускного класса, а сам концерт — экзаменом, который оценивается преподавателями.

По традиции филаретовский вечер завершился праздничным ужином.

*Светлана Варакина,
2 класс Регентской школы*

Встреча студентов со Святейшим Патриархом

14 декабря в Большом актовом зале Московской Духовной Академии Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II встретился с учащимися Московских Духовных школ. Эта встреча не была

официальным и заранее запланированным мероприятием, а состоялась по собственной инициативе Патриарха во время его посещения Троице-Сергиевой Лавры.

В своем слове Святейший Патриарх дал в целом положительную оценку процессу возрождения Русской Церкви, указав при этом и на некоторые недостатки в развитии церковной жизни. Его Святейшество особенно подчеркнул необходимость сохранения православного единства, отметив при этом существенную заинтересованность "определенных сил" в отделении русского народа от Церкви.

Особое внимание Его Святейшество обратил на недавнюю провокацию НТВ, выразив еще раз убеждение всего церковного народа, что показ кощунственного фильма "Последнее искушение Христа" явился демонстративной антицерковной и антинародной акцией, целью которой была дискредитация высших религиозных идеалов народа. Святейший Патриарх выразил удовлетворение тем, что отношение студентов Московских Духовных школ к показу этого фильма в большинстве своем совпадает с официальной позицией священнона-

чала (в последнем выпуске "Нашей газеты" — приложения к журналу "Встреча" были опубликованы мнения учащихся по этому вопросу, с которыми ознакомился Патриарх).

Из ответов Святейшего Патриарха на заданные из зала вопросы собравшиеся получили исчерпывающую информацию об обстоятельствах состоявшейся в этом году встречи папы Римского и Его Святейшества, о сложностях церковной обстановки на Украине, о мнении Священноначалия относительно проблемы идентификации останков, которые, как предполагается, принадлежат членам Царской семьи.

Подводя итог встречи, Предстоятель Русской Православной Церкви выразил надежду, что его собеседники, будущие пастыри Церкви, употребят все свои силы в приобретении знаний необходимых для священнического служения.

Его Святейшество отметил, что вся Церковь смотрит на завтрашних выпускников Духовных школ с надеждой, а это накладывает на них особую ответственность перед российской паствой.

Сергей Черногорцев, 1 курс МДА

Международная конференция в Кишиневе

18—21 января 1998 года в столице Республики Молдова г. Кишиневе прошла Международная конференция "Развитие духовности и культуры православных народов как важное условие гармонизации национального многообразия в европейском сообществе". Инициатором ее проведения выступил Российский Фонд единства православных народов, активно участвующий в деятельности Европейской Межпарламентской Ассамблеи Православия (ЕМАП). Представители государственного руководства принимающей страны, а также Молдавской Православной Митрополии сделали все от них зависящее, чтобы диалог съехавшихся на свой форум православных депутатов национальных парламентов, государственных деятелей, дипломатов, ученых одиннадцати стран Восточной Европы, СНГ, Балтии и Балкан по важнейшим проблемам современности проходил в дружественной и плодотворной обстановке.

Накануне конференции, вечером 18 января, прошла встреча организаторов и гостей православного форума с Высокопреосвященнейшим митрополитом Кишиневским и всея Молдовы Владимиром. 19 января, на Крещение Господне, состоялось праздничное богослужение в Кафедральном соборе г. Кишинева, на котором молились все участники конференции.

Открыл конференцию Фонда единства православных народов доктор философских наук В.А.Алексеев. Он предоставил слово Президенту Республики Молдова П.К.Лучинскому, который подчеркнул важность конференции в целом и для Молдовы в частности, ведь в республике более 90% граждан относят себя к православной вере. Тепло поприветствовал участников конференции Председатель Парламента Республики Молдова Д.Г.Моцпан, затем были прочитаны направленные в адрес конференции приветствия Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, Председателя Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Г.Н.Селезнева, Святейшего и Блаженнейшего Патриарха-Католикоса всея Грузии Илии II, заместителя Председателя Правительства Рос-

сийской Федерации О.Н.Сысуева, Генерального секретаря ЕМАП Стилиоса Папатемелиса.

С докладами на конференции выступили Президент Фонда единства православных народов, доктор философских наук В.А.Алексеев, Высокопреосвященнейший митрополит Кишиневский и всея Молдовы Владимир, Президент ЕМАП, Председатель Комитета по делам общественных объединений и религиозных организаций Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации В.И.Зоркальцев. Их выступления вызвали живой интерес у слушателей.

*Праздничное богослужение
в Кафедральном соборе
19 января на Крещение Господне*

На конференции состоялся обстоятельный разговор о необходимости упрочения межнациональных отношений и межэтнических связей в контексте христианского миротворчества, о поиске на этой основе путей разрешения и предупреждения международных конфликтов в современном европейском сообществе.

Особое внимание было уделено в ходе дискуссий вопросам развития духовности и культуры православных народов — одной из важнейших составляющих общего процесса нравственного оздоровления на всем восточнохристианском пространстве и созидательного привнесения этого очищающего потока в жизнедеятельность нашего общего европейского дома, к сожалению, не отличающегося миролюбием и единством.

На конференции была высоко оценена миротворческая деятельность ЕМАП, имеющая большое значение именно сейчас, накануне значительного события в жизни человечества — 2000-летия от Рождества Христова. Конференция призвала священноначалие Поместных Православных Церквей, лидеров национальных парламентов, общеевропейских структур использовать все положительное в деятельности ЕМАП как можно эффективнее во благо народов континента и мира в целом.

Теплые слова неоднократно звучали в адрес Фонда единства православных народов, играющего важную роль в развитии межпарламентского диалога и сотрудничества в интересах упрочения мира в Европе.

Что я жду от реформы

Размышления студентов Московских Духовных школ
о предстоящей реформе духовного образования

Иеромонах Роман (Лукин), 3 курс МДА.

Ожидать плодов от реформы можно лишь в том случае, если будут созданы нормальные условия ее осуществления. К таковым условиям относится, в первую очередь, должное финансирование реформы. Наша профессорско-преподавательская корпорация, включающая в себя ученых с мировым именем, поощряется, мягко говоря, скромно. А любая реформа требует голов, не занятых беспокойством о том, как прокормить свою семью. Необходимо помнить, что будущее Церкви не столько в количестве построенных храмов, сколько в успехе духовного просвещения. Помимо этого, для реализации реформы считаю необходимым создание специальной постоянно действующей комиссии при Учебном комитете (которая должна состоять не только из весьма занятых ректоров и почтенных профессоров).

Иеродиакон Иоанн (Павлихин), 4 курс МДА.

Думаю, что сам подход к реформе, о которой много сейчас стали говорить, неверен. Центром реформы, на мой взгляд, должна стать не Академия, а Семинария. Именно Семинарию необходимо сделать полноценным высшим учебным заведением, которое давало бы священнослужителю образование, совершенно достаточное для несения любого послушания, для исполнения любых обязанностей в Церкви.

Лишь после приведения наших Семинарий в такое состояние можно говорить об Академиях как о научно-образовательных заведениях, в которых должны продолжаться обучение и исследовательскую деятельность единицы — лучшие выпускники Семинарий.

Если же говорить о реформе применительно к Московским Духовным школам, то мне думается, что прежде чем ее здесь начинать, следует сократить число учащихся через сокращение числа мест для поступления. Московская Семинария ввиду этого, видимо, должна стать преимущественно учебным заведением для Москвы и области.

Иеромонах Андрей (Мороз), 3 курс МДА.

Нельзя поощрять растаскивание учебного ведомства по епархиальным квартирам. Все преподаватели и лица, занимающие административные посты в

духовных учебных заведениях, должны, по моему мнению, назначаться и контролироваться Учебным комитетом при Священном Синоде РПЦ. Это даст возможность быстро разрешать возникающие кризисные ситуации в тех или иных Семинариях, а также защитит преподавателей от бесконтрольных перемещений на приходы и тем самым позволит сохранить учебный потенциал этих учебных заведений. Иначе при часто встречающемся нездоровом традиционализме реформа будет никому не нужна. И если не будут приняты соответствующие меры, то думаю, что скоро наша глубинка скажет реформаторам: “Со своим уставом в чужой монастырь (Семинарию) не ходят”.

Савва Гаглов, 2 курс МДА.

Необходимо создать в Академиях реально действующие кафедры. Только при этом условии можно будет надеяться, что Академия будет выпускать преимущественно специалистов, а не дилетантов. Вместе с этим требуется больше внимания обратить на изучение древних и новых языков, и вообще, сейчас исторический уклон в образовании должен быть сменен филологическим. И, конечно, хочется повышения статуса студента в глазах администрации.

Алексей Кузнецов, 2 курс МДА.

Жду привлечения к преподаванию в Академии большего числа специалистов из светских вузов. Жду введения схемы преподавания: лекция — семинар — зачет, поднятия статуса выпускника Академии за счет решения вопроса о признании государством наших ученых степеней, а после этого жду повышения у студентов интереса к преподаваемым дисциплинам.

Василий (Вильям) Буш, 4 класс МДС.

Необходимо создать все условия для полноценного общения студента и преподавателя. Особенно это касается Семинарии, в которой практически не бывает возможности видеть и слышать педагога вне классной аудитории. Может быть, имеет смысл установить специальные преподавательские часы, во время которых все желающие могли бы разрешить свои вопросы, связанные с учебными дисциплинами.

духовного образования?

Было бы больше пользы, если бы преподаваемые в Духовных школах науки были разделены на 2–3 части и изучались блоками. В большинстве американских учебных заведений именно так и делают: в один период времени преподают одни дисциплины, потом — другие. Это позволяет глубже и полноценнее изучить предмет.

Кроме того, сама система ответов на уроках в существующих трудных условиях жизни студентов, при постоянном психологическом напряжении и утомлении, отнюдь не способствует уяснению изучаемых предметов. Мне кажется, что целесообразнее было бы ввести в Семинарии лекционно-зачетную систему обучения и, если есть возможность, сократить количество учебных дней до пяти.

Леонид Севастьянов, 3 класс МДС.

Мы очень много говорим о реформе применительно к учебному процессу и почти не уделяем внимания воспитательной стороне нашей образовательной системы. Между тем первое от второго неотделимо. На мой взгляд, необходимо пере-

смотреть сам подход к воспитанию в Духовной школе... У нас студенты воспринимаются как нечто органически однородное, при этом страдает каждый студент в отдельности. Необходимо выделять индивидуальные особенности каждой личности, стараясь развить их и направить в нужное русло...

Игорь Выжанов, 3 курс МДА.

От реформы жду изменения методов поддержания дисциплины в Духовных школах. Необходимо сблизить наших администраторов со студентами, сделать их взаимоотношения проще.

Хотелось бы видеть устранение изолированности друг от друга мужских и женских, если можно так выразиться, Духовных школ. Кроме этого, надеюсь на введение в Семинарии лекционной системы преподавания и системы зачетов без оценок и в Академии, и в Семинарии, а также улучшение бытовых условий жизни студентов и особенно питания.

КОНКУРС

НА ПЕРЕПУТЬЕ...

ПОЛЕМИКА ПО ВОПРОСАМ РЕФОРМЫ ВЫСШЕЙ ДУХОВНОЙ ШКОЛЫ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА.

Настоящая работа — одна из первых представленных на конкурс "Реформа Духовных школ Русской Православной Церкви", объявленный в прошлом номере нашего журнала

"Теперь не только православные христиане, но и все наши соотечественники, осознающие необходимость возвращения к духовным истокам и историческим корням своего народа, ожидают от православных пастырей деятельного участия и вдохновенного руководства в деле духовно-исторического возрождения России". Эти слова Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, обращенные некогда к преподавателям и студентам Санкт-Петербургской Духовной Академии и Семинарии, ставят нас перед серьезным вопросом — что делается в современных Духовных школах для того, чтобы дать Церкви таких пастырей? На этот вопрос отвечают сами Духовные школы, которые сегодня готовятся к реформе.

Архиерейский Собор 1994 года вынес особое постановление "О задачах Церкви в области богословского образования". В нем предусматривалось разработать к предстоящему Поместному Собору детальную концепцию новой системы богословского образования, которая должна быть направлена на обязательное высшее богословское образование для священнослужителей, преподавателей религии и катехизаторов. В настоящее время ведутся дискуссии и споры о том, какой будет новая концепция, что должна включать в себя предстоящая реформа Духовной школы. Все это напоминает ситуацию столетней давности, когда в России развернулось движение за реформу Духовных Академий.

ПЕРВЫЕ ДИСКУССИИ

Начало XX века — один из самых насыщенных периодов в истории высшей Духовной школы России. Это время работы пяти комиссий по пересмотру Устава Духовных Академий, многочисленных изменений в академическом законодательстве и горячих дискуссий по вопросам преобразований. Именно тогда в Учебном комитете при Святейшем Синоде, на страницах духовной периодической печати, на заседаниях советов профессоров и студенческих собраниях развернулась самая отчаянная борьба за реформу высшей Духовной школы.

С октября 1905 года в академические советы стали поступать студенческие петиции с требованием немедленного введения изменений в действующий академический Устав 1884 года, выработанный в свое время в канцелярии обер-прокурора К.П. Победоносцева. “Нормальное течение академической жизни возможно только при условии коренных ее реформ”, — говорилось в одной из петиций студентов Московской Духовной Академии. В это же время, преподавателями составлялись “записки” к высшей церковной власти с критикой современного состояния духовных учебных заведений. Широкую огласку получило “Заявление” 22-х профессоров Московской Духовной Академии, составленное наподобие “Заявления” 342-х профессоров университетов о нуждах университетского образования. Только массовые волнения и прекращение к концу октября занятий во всех четырех Академиях заставили священноначалие вплотную подойти к академической реформе.

Первым серьезным шагом стал созыв в начале ноября 1905 года комиссии из представителей всех четырех Академий. В результате деятельности комиссии были выработаны общие положения предполагаемых преобразований и с целью “успокоения” Академий и “восстановления нормального хода академической жизни” введены Временные правила. Дальнейшая разработка реформы была продолжена на заседаниях V-го Отдела высочайше утвержденного в январе 1906 года Предсоборного Присутствия, для участия в котором впервые были собраны вместе церковные иерархи, профессора Духовных Академий, специалисты из университетов, представители духовенства и известные общественные деятели. Журналы и протоколы заседаний V-го Отдела Предсоборного Присутствия составили основу для дальнейшего развития академического вопроса и вошли в работу последующих комиссий 1909, 1911 и 1917 годов по пересмотру академического Устава.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПАРТИЙ

В ходе горячих дискуссий, развернувшихся на заседаниях комиссий, выделилось два полярных течения, две партии, которые условно можно обозначить как “автономисты” и “охранители”. Победа одной из партий означала реализацию ее программы преобразований, а следовательно, выбор пути, по которому должна быть направлена академическая реформа. Так, Временные Правила 1906 года и Временный Устав 1917 года явились победой в ходе борьбы за академическую реформу представителей партии автономистов, а Устав 1910 года представлял собой максимальную реализацию программы охранителей, принятую в результате работы комиссии 1909 года. Несомненно, на ход дискуссий и принятие решений оказывала влияние и та историческая обстановка, в которой проходила работа комиссий по пересмотру академического Устава: подъем революционных настроений, направление обер-прокурорской политики и т.д.

В центре дискуссий был Устав Духовных Академий. Обсуждению подлежали все его стороны — административная, научно-образовательная, воспитательная. Прения велись по главам действующего Устава, по каждому отдельно взятому параграфу.

АВТОНОМИСТЫ

Самым животрепещущим вопросом, вызвавшим споры в ходе работы комиссий по пересмотру Устава, оказалась реорганизация академического управления. На повестку дня были поставлены также вопросы о деятельности Учебного комитета, об отношениях между Академиями и епархиальным архиереем, о функциях совета и правления, полномочиях ректора и инспектора. Наибольшую популярность в это время стало приобретать движение за автономию Духовных Академий, поддерживаемое основной массой студенчества и профессуры и возглавляемое наиболее либеральной ее частью. Наиболее яркими апологетами академической автономии были профессора А.И. Бриллиантов, протоиерей А.П. Рождественский, Б.В. Титлинов — из Санкт-Петербургской Духовной Академии, И.М. Громогласов, И.В. Попов, Н.А. Заозерский — из Московской, В.З. Завитневич, В.П. Рыбинский, протоиерей Ф.И. Титов — из Киевской, М.А. Машанов, В.Н. Несмелов — из Казанской Духовной Академии. Большинство из них участвовали в комиссиях по пересмотру Устава и являлись авторами многочисленных статей по академическому вопросу на страницах светской и духовной прессы. Идея автономного академического устройства, выдвигаемая профессорами-автономистами, опиралась на два принципа — децентрализация (освобождение от церковного контроля и ар-

хиерейской опеки, установление самоуправления академических органов — совета и правления) и демократизация (выборная система занятия ректорской и инспекторской должностей, расширение состава совета и правления, участие светских лиц в управлении). Требования автономистов явились ответной реакцией на стеснения, которые испытывали преподаватели в научной и педагогической деятельности. Только автономия, по мнению большинства студентов и профессоров, могла максимально приблизить Академии к жизни, преодолеть известную замкнутость и обособленность. Отстаивая принципы автономии представители этого движения часто обращались к прошлому. Попытки проявления академической самостоятельности усматривались в Уставах 1808 и 1814 годов, а Устав 1869 года представлялся “высшей ступенью самоуправления”, какую только обладали высшие Духовные школы в течение XIX столетия. Начало нового века оценивалось как завершающий этап на пути к академическому самоуправлению. Требования децентрализации и демократизации, несомненно, были в духе общественно-политических настроений времени и соответствовали популярным требованиям, которые раздавались в начале XX века в адрес университетов.

Частичная реализация программы автономистов была возможной в годы революционного подъема. В 1906 году были приняты Временные Правила для Академий, выработанные в ходе деятельности Комиссии по пересмотру Устава 1905 года. Временные Правила устанавливали “попечительное”, а не “начальственное” наблюдение за Академиями епархиального архиерея, расширяли состав совета, допуская в него доцентов, предоставляли совету право окончательного утверждения в ученых степенях, допускали на ректорскую должность светское лицо, но на срок не более шести месяцев. Но по мнению автономистов, Временные Правила являлись лишь минимальной уступкой церковной власти требованиям революционного времени. Полностью программа этой партии была утверждена в 1917 году, когда у власти находилось Временное Правительство, а обер-прокурорский пост занимал известный своими крайне либеральными взглядами князь В.Н. Львов. Временный Устав Духовных Академий, утвержденный 21 июля 1917 года, полностью устранял зависимость от местного архиерея, устанавливал самоуправление совета профессоров и выборность ректорской и инспекторской должностей из лиц как имеющих, так и не имеющих духовный сан. Таким образом, реализации программы партии автономистов в ходе борьбы за реформу высшей Духовной школы во многом способствовала общественно-политическая обстановка в стране — победа левых сил.

ПРОЕКТ ПЕРЕНОСА ВЫСШЕГО БОГОСЛОВСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УНИВЕРСИТЕТЫ

Оживленная полемика возникла также и вокруг другого проекта реорганизации высшей Духовной школы, который выдвинул в Предсоборном Присутствии профессор Киевского университета протоиерей П.Я. Светлов. Он предлагал уничтожить существующий тип школы, а высшее богословское образование перенести в университеты на богословские факультеты. “Наши Академии для блага Православной Церкви не только бесполезны, но и вредны. Они сузили богословскую мысль, совсем непригодны к распространению религиозного образования в обществе, служат оплотом кастового обособления духовенства, — говорилось в докладе протоиерея Светлова, — университетская атмосфера выведет богословскую науку из ее академической замкнутости и поставит в ближайшее соседство с остальным научным миром”.¹ Выступление профессора протоиерея П.Я. Светлова, в котором само право Духовных Академий на существование ставилось под сомнение, явилось ярким свидетельством необходимости проведения скорейших преобразований в высшей Духовной школе. И хотя большинство профессоров не одобрили проект слияния Академий с университетами, но все единодушно высказались за необходимость более близких взаимоотношений высших духовных и светских учебных заведений.

ОХРАНИТЕЛИ

Идеи автономии и слияния Академий с университетами вызвали противодействие у старшего поколения профессуры, у группы ректоров, инспекторов и церковных иерархов, которое вылилось в движение за сохранение действующего Устава. “Не Устав виноват в печальном положении Академий и творимых в них безобразиях, а нарушение Устава, допускаемое безнаказанно², — говорил один из идеологов этого движения профессор Киевской Духовной Академии В.Ф. Певницкий. — Первое, что более всего требуется для Академий, это укрепление в них духа строгой церковности, поддержание строгой дисциплины и неуклонного исполнения требований Устава”.³ Только так, по мнению охранителей, можно было предотвратить влияние светского духа на духовное образование и проникновение революционных идей в академическую среду. Автономия, выборы, самоуправление — все это несло в себе революционный смысл и ассоциировалось с анархией и атеизмом. Административная программа

¹ Журналы и протоколы заседаний Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия. СПб, 1907. Т.4. С.59.

² Там же. С.63.

³ Церковные ведомости. 1906, № 46-47. С.3011.

охранителей опиралась на принцип иерархической организации управления, подчинения духовным властям — ректору, епархиальному архиерею, Святейшему Синоду.

Яркими защитниками охранительного движения стали представители старшего поколения, профессора И.С. Бердников, С.Т. Голубев, В.Ф. Певницкий и К.Д. Попов. Их поддерживала группа ректоров и инспекторов Духовных Академий, а также представители Учебного комитета и Святейшего Синода. Святейший Синод никогда не симпатизировал идее автономии высшей Духовной школы. Буквально через два года после принятия Временных Правил 1906 года была произведена ревизия всех четырех Академий. "Согласно ревизорским отчетам, Святейший Синод усматривает, что жизнь наших Академий, подвергаясь за последние десятилетия частым колебаниям, а также некоторому общему ослаблению в отношении научной энергии и церковной дисциплины, отразила на себе противоцерковные влияния революционных годов"⁴, — говорилось в синодальном указе от 4 февраля 1909 года (№ 1358) об отмене Временных Правил. Заключительным аккордом в борьбе с автономией явился выработанный Комиссией 1909 года академический Устав, составленный на основе охранительской программы и соответствовавший тогдашнему курсу правительства на подавление революционного движения. Новый академический Устав 1910 года строго регламентировал отношения Академий со Святейшим Синодом и епархиальным архиереем, усиливал контроль ректора над преподавательским и студенческим составом, над процессом преподавания и воспитания. Отдельные параграфы свидетельствовали о решительности борьбы со всякими проявлениями автономии в академической среде: "В случаях чрезвычайных ректор безотлагательно принимает решительные меры, хотя бы они и превышали его полномочия" (§42) и "...в потребных случаях Святейший Синод назначает ревизию" (§18). Новый академический устав не нашел сочувствия ни в преподавательской, ни в студенческой среде. Его принятие было встречено шквалом статей в духовной и светской периодической печати. Все одинаково признавали, что это — "дурная переделка старого Устава 1884 года", в "проницающем его духе клерикально-бюрократического централизма".⁵ Принятие нового Устава сопровождалось рядом увольнений и смещений с административных постов наиболее ярких сторонников партии автономистов.

Борьба по вопросу реорганизации управления, развернувшаяся между охранителями и автономистами, явилась не просто столкновением "иерархического" принципа с "демократическим". В ее основе лежали два различных взгляда на задачи высшей Духовной школы.

"ШКОЛЬНАЯ" СИСТЕМА БОГОСЛОВСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Существовавшая в духовных учебных заведениях школьная система богословского образования, которую отстаивали представители охранительного движения, была принесена в XVII веке выпускниками Киево-Могилянской Академии и быстро привилась на русской почве. Построенная по образцу иезуитских школ и изначально носившая отпечаток мощного западного влияния, она восприняла схоластическую систему богословского построения с ее рационалистическими методами, отождествлением догмата с абстрактными юридическими формулами, а следовательно и отвлеченность самого богословствования. "Истина оказалась данной и воплощенной... Никаких подвигов не требуется от тех, кто поступит в школу. Вместо великой роли пророков им дают скромную роль полицейских".⁶ Задачи богословского образования должны были быть направлены на приобретение студентами фундаментальных богословских знаний путем количественного их усвоения. Духовные Академии были призваны готовить образованных богословов, которые стояли бы на страже вероучения и являлись идеологической опорой Церкви и государства. Условия сохранения данной системы образования сводились к формальным принудительно-дисциплинарным мерам — усилению административного контроля над Духовными школами, строгой регламентации учебного и воспитательного процессов, в сущности, всего того, что отстаивали на заседаниях комиссий по пересмотру Устава представители охранительного течения.

Доходившие до абсурда цензурные требования способствовали тому, что ученые силы Академий почти исключительно стали сосредоточиваться на разработке исторических, археологических и филологических вопросов. "Кто писал диссертацию на ученую степень, тот не рисковал братья за наиболее важные богословские вопросы, так как неосторожное выражение, сомнительная частная мысль могли лишить автора искомой степени".⁷

Со второй половины XIX века особенно сильное развитие получает историческое направление в богословской науке. Историческая богословская школа выдвинула свой критический метод — "сомнительное недоверие" к источнику и его тексту. Церковные традиции и весь канонический строй Церкви подлежали критическому исследованию (агиография, литургика, канонизация, старчество и т.д.). Активно стало использоваться понятие теологумена — частного богословского мнения. Вместо свидетельства об истинах богопознания научное исследование превращалось в самоцель. Под предлогом историчности сомнению ста-

⁴ Журналы Совета Московской Духовной Академии за 1908-1909 гг. М., 1909. С.125.

⁵ Московский еженедельник. 1910. №22. С.10.

⁶ Символ. 1983. №10. С.16.

⁷ Труды Киевской Духовной Академии. 1906. №12. С.6.

ла подвергаться даже боговдохновенность соборного разума Церкви. Критическая богословская школа в некоторой степени подготовила почву для обновленчества, прокладывая путь к адогматизму. Таким образом, научные цели высшей Духовной школы были поставлены на первое место. Академия должна готовить ученых специалистов по различным отраслям богословских знаний — так считало большинство профессоров. Максимально благоприятные условия для свободной научной и преподавательской деятельности, по их мнению, могла предоставить только автономия.

“НАС ЗАЕЛА МНОГОПРЕДМЕТНОСТЬ”

Противостояние двух различных взглядов на задачи высшей Духовной школы нашли наиболее яркое выражение в ходе обсуждения научно-образовательной жизни Академий, состояние которой одинаково волновало и охранителей, и автономистов. Единодушно отмечалось понижение образовательного уровня студентов, их равнодушие к богословским наукам, “научный пессимизм” и “атрофия любознательности”, свидетельством чему были полупустые аудитории. Отмечалось, что часто академическое преподавание ничем не отличается от семинарского: “Ни для кого не новость, что Догматика, Нравственное богословие, излагаемые в своем теоретическом, системном виде, считаются у студентов Академии самыми нелюбимыми, лишним растянутым повторением семинарского курса”⁸, — признавал один из преподавателей на страницах журнала “Православный собеседник”. Корнем зла всеми одинаково признавалась многопредметность академического курса. “Я не знаю учебного заведения, где бы изучалась такая масса предметов! Нас заела многопредметность!”⁹ — восклицал на заседании Предсоборного Присутствия признанный летописец Киевской Академии профессор протоиерей Ф.И. Титов.

Прочному утверждению светских дисциплин в духовном образовании немало способствовал тот факт, что долгое время из-за слабо развитой сети светских школ именно Духовная школа служила общеобразовательным нуждам русского общества. На Духовную Академию также ложилась обязанность готовить преподавателей и по светским предметам для Духовных Училищ и Семинарий, узаконенная Уставами 1869 и 1884 годов. С другой стороны, с развитием богословской исторической школы все сильнее стала ощущаться потребность в светских знаниях как вспомогательных при историко-богословских исследованиях. Научные нужды исторической школы постоянно тре-

бовали увеличения числа кафедр по светским наукам, расширения курса преподавания светских предметов.

Эта проблема вызвала два крайних мнения в отношении светских предметов в академическом курсе. Сторонники охранительного направления предлагали полностью устранить все светские дисциплины из курса, так как они “не всегда содействуют богословскому образованию, даже идут вразрез с ним... Студенты ими увлекаются, а про богословие забывают”.¹⁰ Устранив светские науки из академического курса, можно было, по мнению этой части профессоров, решить проблему многопредметности. Опираясь на принцип количественного накопления богословских знаний, охранители высказывались за неделимость богословских наук, их общеобязательность. “Может ли быть настоящим образованным богословом студент, не слушавший ни Догматического, ни Нравственного богословия... Или будет ли обладать полностью богословских знаний человек, не изучавший Церковной истории и Церковного права?”¹¹ — вопрошал профессор В.Ф. Певницкий во время дискуссии по научно-образовательной части Устава в Предсоборном Присутствии. Именно поэтому академический Устав 1910 года, составленный на основе программы охранителей, все богословские дисциплины делал общеобязательными для изучения. Но бесплодность этого проекта уже доказал в свое время Устав 1884 года, выделивший для обязательного изучения 19 богословских дисциплин, но сокративший рамки их освещения. Студенты не в силах были “объединить предметы в чем-либо конкретном, придающем живой и осязательный смысл их работе”, неизбежным следствием чего, по словам профессора Н.Н. Глубоковского, были “поверхностное многознание или малознание, слабость вдумчивости, смелость невежества”.¹²

Большинство же преподавателей Духовных Академий были активными защитниками светских дисциплин в системе духовного образования. В спорах они часто отстаивали идею универсализма духовного образования. Говорилось о важности всесторонней образованности выпускников Академий и в связи с этим

Н.Н. Глубоковский

⁸ Православный собеседник. 1907. №10. С.537

⁹ Журналы и протоколы заседаний Высочайше утвержденного Предсоборного Присутствия. С.110.

¹⁰ Там же. С.68.

¹¹ Там же. С.63.

¹² Глубоковский Н.Н. К вопросу о нуждах духовно-академического образования. СПб., 1896. С.9.

о равенстве богословских и светских знаний. Профессор Московской Духовной Академии И.В. Попов, отстаивая изучение в академическом курсе светской литературы, заявлял: "Широкое знание литературы необходимо для юноши, готовящегося к пастырскому служению, потому что только литература знакомит его с жизнью, с общественными течениями и психологией современного человека, и эти знания необходимы для пастырского воздействия на общество"¹³. Также четко прозвучало требование учреждения кафедры обществоведения для знакомства с правами и законами гражданского общества. Сами по себе эти предложения были весьма существенны для той эпохи. Но увлечение "всесторонней образованностью" грозило подчинением протестантскому образцу пастыря, ищущего подход не к человеческой душе, а к социуму и его свойствам, вместо "душеведца", становящегося просто психоаналитиком. О том, что протестантский подход к пастырскому служению продолжал усиливаться, свидетельствует то, что осенью 1907 года Московская Академия вела переговоры с артистом Малого театра князем А.И. Сумбатовым-Южиным о преподавании декламации будущим проповедникам Слова Божия.

Спор о светских науках в академическом курсе осложнялся тем, что одной из основных задач высшей Духовной школы была подготовка преподавателей светских наук для низших и средних духовно-учебных заведений. С целью освободить Академию от этой двойственности ее задач профессором Н.Н. Глубоковским было предложено отдельно создать при одной из Академий педагогический институт, готовящий педагогов для Духовных школ.

Интересный проект в отношении светских наук предлагали профессора С.С. Глаголев, протоиерей А.П. Рождественский и русский философ С.Н. Булгаков: сформировать духовное учреждение наподобие Академии Наук, где все светские знания получали бы христианское освещение, иными словами, культивировать общественную науку на основе христианского мировоззрения.

Решение проблемы многопредметности защитники светских наук в академическом курсе видели в установлении специализации, которая, разделив дисциплины по группам и отделениям, позволила бы сосредоточить внимание студента на изучении любимого предмета. Вопрос о способах разделения и перегруппировки предметов вызвал массу самых разных проектов и предложений с различными комбинациями наук по отделениям, группам и подгруппам. Например, в проекте Московской Духовной Академии, выработанном в ходе подготовки к Предсоборному Присутствию, выделялось всего пять общеобязательных дисциплин (Священное Писание Ветхого и Нового Завета, Догматика, История древней Церкви и Фило-

софия), остальные предметы делились на пять групп, составленных из 5–6 дисциплин. После первого курса студент мог выбрать любую из групп и в дальнейшем специализироваться по любому из предложенных в ней предметов. Но в целом выработать какой-либо один проект специализации для всех Академий так и не удалось. "Разногласия между Академиями по поводу выбора предметов лежат отчасти в истории самих Академий, которые по своим географическим и этнографическим условиям могут иметь особые учебные цели"¹⁴, — считал профессор И.Г. Троицкий. Все предлагаемые проекты с различными комбинациями наук объединяло одно — в них отсутствовал стержень, органически связующий богословские дисциплины, независимо от их случайной группировки. Всеми одинаково признавалось, что Академия должна дать "цельное знание по известной органически связанной системе наук", но "нынешние академические предметы остаются довольно безразличными между собой и нимало не слагаются... у них нет ни генетической преемственности, ни гармонической связи"¹⁵. Собственно, все споры по научно-образовательной части академического Устава и велись вокруг создания цельной системы богословского образования. Но обсуждение этих вопросов носило поверхностный характер. В дискуссиях профессора — представители различных партий, опирались на опыт академических Уставов 1869, 1884 годов, на опыт реформы университетского образования, но все программы не выходили за рамки существующей системы, имея в виду лишь некоторые изменения этой системы. И автономисты, и охранители мыслили в одних категориях, а их программы одинаково носили отпечаток схоластического рационалистического отношения к богословию. Поэтому неслучайно большинство проектов в отношении учебной части устава сводилось к замене одних предметов другими, к перетасовке дисциплин из одного отделения в другое, то есть к внешним, а не внутренним изменениям. Построить новую систему богословского образования на фундаменте старой, латино-немецкой системы было невозможно.

НЕОПАТРИСТЫ

По-новому взглянуть на реформу высшей Духовной школы в России позволила концепция, выдвинутая так называемой "неопатристической" богословской школой, противостоящей с конца XIX века в лице будущих архипастырей Михаила (Грибановского), Антония (Храповицкого), Сергия (Старгородского), Феодора (Поздеевского) и Илариона (Троицкого) рационально-критической школе. С 90-х годов была предпринята огромная исследовательская работа, движимая стремлением понять, с какого момента в русской богословской мысли произошло смешение

¹³ Журналы и протоколы заседаний Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия. СПб., 1907. Т.4. С.66.

¹⁴ Там же. С. 108.

¹⁵ Там же. С. 153.

православных и католико-протестантских понятий. “Те руководства, по которым мы учились в школе и которые составляют содержание богословской науки, догматической и моральной, заимствованы у католиков и протестантов. У нас только опущены известные всем прямые заблуждения инославия”¹⁶, — писал один из основателей неопатристического движения митрополит Антоний (Храповицкий).

Новая богословская школа выдвинула принципы, отличные от юрицизма латинян и рационалистического произвола протестантов: вместо рационалистического восприятия догмата — его нравственное раскрытие, где догмат не абстрактная юридическая формула, а ключ к нравственному совершенствованию, обожению, в противовес интеллектуальному богословствованию — метод опытного богопознания. Неопатристы указывали на опасность абстрактного богословствования, которое могло привести к расхождению с реальной жизнью. Богословие не может быть только плодом учености, нужен и молитвенный опыт. “Нам необходимо самим опытно, на собственной жизни познать святость, жизненную правду богословия”¹⁷, — говорили представители этой школы. Неопатристы не отвергали научности, как это казалось современникам, они лишь высказывались против культа научности, к которому вел критицизм. Критике неопатристов подверглось усиленное внимание многих профессоров к наследию западных богословов, на которое опиралась отечественная богословская наука и преподавание. Свою независимость русская богословская мысль может обрести, согласно неопатристам, только через возвращение к святоотеческому наследию, возрождению канонического и литургического предания Церкви.

Свои взгляды неопатристы переносили и на духовное образование. Их проект предполагал уничтожение существующей схоластической системы образования и создание на святоотеческом фундаменте нового типа высшего духовного учебного заведения. Духовное образование должно было служить не научным, а пастырско-миссионерским целям: готовить высокодуховных пастырей, являющих словом и примером своего духовного подвига свидетельство о Боге. Конечная цель научных исследований должна была заключаться в свидетельстве об истинах богооткровения. Возвращение утерянной с “латино-немецким пленением” полноты богословского знания должно было быть достигнуто через соединение духовного делания и богомыслия, идентификацию каждой отрасли богословского знания с живой церковной традицией, раскрытие каждой дисциплины академического курса в святоотеческом духе.

Основной костяк богословских предметов должны были составить Священное Писание Ветхого и Нового

Завета, Патристика, Литургика, Церковное право, Пастырское богословие. Предполагалось заново пересмотреть преподавание в стенах Академий Священного Писания. “Нельзя быть богословом-мыслителем, не зная Библии. А ее не знают окончившие Академию, не знают часто профессора, просидевшие всю свою жизнь над исагогикой или специализировавшиеся в одной части Библии, — говорил владыка Антоний (Храповицкий). —

Епископ Феодор (Поздеевский)

Обыкновенно студенты выслушивают длинные и бесполезные гипотезы о времени, месте и цели написания всякой библейской книги и остаются совершенно неосведомленными в ее содержании”¹⁸. В связи с этим предлагалось “основательное святоотеческое научное истолкование если не всех глав и стихов, то, по крайней мере, важнейших мест”¹⁹ и затем систематическое обобщение библейского учения. Рекомендовалось увеличить кафедры Священного Писания, число преподавателей и количество лекционных часов по Писанию. Впервые был поднят вопрос о возведении Литургики в число общеобязательных дисциплин. Как констатировал в 1886 году профессор А.П. Лебедев, Литургика была самой “заброшенной наукой в богословском цикле”²⁰. До изменений в Уставе 1911 года она считалась практически прикладной и преподавалась вместе с церковной археологией. Но согласно неопатристам, в богослужении заключена необыкновенная богословская глубина, оно требует раскрытия содержащегося в нем богодухновенного смысла. Помимо Литургики, в число общеобязательных дисциплин неопатристы возводили Церковное право, поскольку богословие есть и в церковных правилах, канонах, которые являются спасительными нормами жизни. Светские предметы предлагалось, как необязательные, изучать факультативно, по желанию студентов.

УЧЕНОЕ МОНАШЕСТВО

Особое значение представители неопатристического движения придавали идее возрождения ученого монашества. Владыка Антоний (Храповицкий) видел в образованных монахах залог возрождения Русской Православной Церкви. По его мысли, имен-

¹⁸ Никон (Рклицкий), архиеп. Цит. соч. С. 161.

¹⁹ Журналы учрежденной при Св. Синоде Комиссии для выработки проекта нового Устава Духовных Академий. СПб., 1909. С. 140.

²⁰ Глубоковский Н.Н. Русская богословская наука. М., 1992. С. 100.

¹⁶ Никон (Рклицкий), архиеп. Жизнеописание блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Нью-Йорк. 1957. Т.2. С. 330.

¹⁷ Труды Киевской Духовной Академии. 1914. № 1. С. 8.

но ученые монахи должны были преобразить жизнь Церкви изнутри. Духовным Академиям отводилась главная роль в подготовке ученого монашества. В период своего ректорства в Московской и Казанской Духовных Академиях тогда еще архимандрит Антоний (Храповицкий) попытался создать вокруг себя кружки монашеского благочестия. “Его пламенный монашеский дух заражал, увлекал, зажигал сердца, — вспоминал один из студентов Московской Академии. — Монашество в нашем представлении благодаря ему возвысилось до идеала сплоченного братства, ордена рати Христовой, которая должна спасти Церковь от прокуратуры, вернуть подобающее ей место независимой воспитательницы и духовной руководительницы русского народа. Перед нашим взором раздвигалась грандиозная перспектива — восстановление Патриаршества, введение новых церковных начал, переустройство Академий в строго церковном духе”.²¹ Воспитанники владыки Антония, среди которых прославленные архипастыри Евлогий (Георгиевский), Иоанн (Шаховской), а также канонизированные Русской Зарубежной Церковью епископ Иоанн (Максимович) и архимандрит Иустин (Попович), и многие другие видные церковные и общественные деятели стали примером жизнеспособности и оправданности института ученого монашества.

Представители неопатристической школы, таким образом, предложили новую программу преобразования Духовных Академий. Истоки учебно-образовательной реформы неопатристов прослеживаются в проекте известного полемиста рубежа XVI-XVII веков Иоанна Вишенского, который предлагал от грамматики перейти к изучению религиозных предметов, минуя все остальные “латинские хитрости”: “живую диалектику” заменить Часословом, вместо “хитроречивых силлогизмов и веле-речивой риторики” преподавать Псалтырь, вместо философии, “научающей разумную мысль скитаться по воздуху”, изучать Октоих, а затем переходить непосредственно к Нравственному богословию.²²

На частичную реализацию программы неопатристов была направлена деятельность комиссии по пересмотру Устава 1911 года под председательством архиепископа Финляндского Сергия (Страгородского), рядом с которым трудились Антоний (Храповицкий), тогда архиепископ Волынский, и епископ Феодор (Поздеевский), ректор Московской Духовной Академии — представители неопатристического течения, а также, поддерживавший неопатристов, обер-прокурор В.К. Саблер. Высочайше утвержденные в результате деятельности Комиссии изменения в академическом Уставе от 29.07.–26.08. 1911 года учреждали самостоятельные кафедры Литургики, Истории и Обличения раскола и сектанства, устанавливали льготы для студентов-монахов в подготовке к профессоруре.

²¹ Евлогий (Георгиевский), *митр.*, Путь моей жизни. Париж. 1947. С. 40.

²² Милуков П.Н. Очерки по истории русской культуры. М., 1992. Т.2. Ч.2. С. 211.

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ДУХОВНОЙ ШКОЛЫ

З аключительным аккордом развернувшейся в начале XX века дискуссии по вопросу реформы высшей Духовной школы стал спор о воспитательных функциях Академий. Представители партии автономистов подняли проблемы, вполне отвечавшие духу времени: о праве студентов самим составлять правила студенческой жизни, иметь собственную организацию и институт выборных старост для официальных сношений с советом профессоров. Наиболее радикально настроенные профессора выступили с требованием отмены аттестации по поведению и инспекторской должности, иными словами, они ратовали за снятие с Академий воспитательных функций. “В Академию поступают юноши в возрасте зрелом. Такие лица являются в высшую богословскую школу не для воспитания, которое в сущности для них уже закончено, а для завершения своего образования”²³, — говорилось в проекте автономистов. Надо сказать, что требование уничтожения инспекторского надзора стояло на одном из первых мест в многочисленных студенческих петициях. “Никто так не скомпрометировал себя и так не осрамил, как именно инспектора Духовных Академий”.²⁴ Например, в Московской Духовной Академии за 20 лет (с 1885 по 1905 годы) сменилось 13 инспекторов, из них 7 оставили свою должность со скандалом. “Перечитайте многочисленные очерки гимназической жизни и деятельности там инспекции, прибавьте сюда изрядную долю религиозного лицемерия и ханжества, представьте, что вся эта милая система применяется к взрослым людям в возрасте обычно от 21 до 24 и более лет”²⁵, — воскликнул профессор Московской Академии П.В. Тихомиров.

Мелочная строгость инспекторов, носившая нередко унижительный характер (требование брать у инспектора разрешение на послеобеденные прогулки, отмечаться в специальном табеле для выхода из стен Академии, денежные штрафы, шпионство и обыски и т.д.), вылилась в 1905 году в разбитые стекла инспекторских квартир.

Особому надзору инспекторов подлежала религиозная жизнь студентов (следить за посещением богослужений, соблюдением постов, отмечать, когда какой студент говел и причащался). Поэтому автономисты предлагали опустить в Уставе подробные параграфы о посещении богослужений, постах и говениях: “зачем говорить в Уставе о соблюдении постов, когда это общехристианское правило”²⁶. Старшее поколение профессоров, напротив, настаивало на подробной регламентации религиозной жизни студентов Ака-

²³ Церковный вестник. 1910. № 19. С.569.

²⁴ Духовная школа. М., 1906. С. 334.

²⁵ Там же. С. 335.

²⁶ Журналы и протоколы заседаний Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия. СПб., 1907. Т.4. С. 212.

демии, иначе "опущение подробных правил будет понято как прикрытое дозволение не исполнять их".²⁷ Неслучайно в новом академическом Уставе 1910 года совершению богослужения в академическом храме было посвящено пять параграфов. "Посещение богослужения в академическом храме обязательно для всех живущих в Академии", — говорилось в § 181 Устава. "Дважды в году все в Академии говеют и приобщаются Святых Таин", — гласил § 188. По-иному к вопросу о воспитательных функциях Академий подходили представители неопатристического течения. Жизнь учащегося Духовной школы, по их мнению, требует благоговейной молитвы. Деятельность инспекции должна быть направлена на совершенствование сердца студента. Понятию внешнего подчинения дисциплине, на котором настаивали охранители, неопатристы противопоставили послушание, понятие присутствия на богослужении — деятельное в нем участие. Указывалось на важность самим преподавателям служить примером для студентов в нравственном и духовном отношении. "Для возрождения Академии нужно переменить не Устав, а состав Академии, — говорил на заседании комиссии по пересмотру Устава 1909 года владыка Сергей (Страгородский). Мы можем написать самую подробную инструкцию для студентов. Но если мы не обеспечим для Академии наиболее церковного подбора начальствующих и воспитателей, тогда напрасно тратить труды на инструкцию".²⁸

Борьба партий по воспитательной части академического Устава основывалась на различных подходах к личности студента. Для автономистов студент Академии — в первую очередь, свободная личность, полноправный гражданин общества, который не нуждается в воспитании уже в силу своего сознательного возраста. Для охранителей студент — средневековый школяр, поведение которого требует строгого церковного контроля. Для неопатристов же студент — в первую очередь, чадо Церкви, избранное на высокое служение, которое должно стремиться усовершенствовать свою душу подвигами благочестия и послушания. Разница в подходах к личности студента Духовной Академии была непосредственно связана с тем, как понимались задачи высшей Духовной школы: если в качестве приоритетных выдвигались научные задачи — то готовить ученых специалистов (автономисты), если охранительные — то готовить кадры для идеологической опоры государственного и церковного строя (охранители), если миссионерские — то готовить высокодуховных пастырей для просвещения общества (неопатристы).

²⁷ Там же. С. 212.

²⁸ Журналы учрежденной при Св. Синоде Комиссии для выработки проекта нового Устава Духовных Академий. СПб., 1909. С. 248.

ТРИ ПУТИ РАЗВИТИЯ

Развернувшаяся в начале XX века борьба за реформу высших духовных учебных заведений наглядно продемонстрировала три пути, по одному из которых она должна была развиваться.

Поскольку проекты охранителей и автономистов рассматривали возможность преобразований исключительно в рамках старой системы, исторически себя не оправдавшей, то предлагаемая ими реформа, будь она реализована полностью, была бы поверхностной. Концепция же, выдвинутая представителями неопатристического движения, внесла новую струю в поиск адекватной системы богословского образования, предполагая полную замену существующего типа высших духовных учебных заведений.

Неопатристы не только поставили на обсуждение вопрос о преодолении разрыва между богословием и благочестием, богословской ученостью и молитвенным богомыслием, Духовной школой и обществом, но и предложили пути его решения. Предложения неопатристов противостояли рационалистическим методам ряда профессоров Академий — консерватизму охранителей, пытавшихся сохранить все в неизменном виде, и реформаторству автономистов, стремившихся в старые мехи влить молодое вино.

Именно неопатристы первыми начали серьезные поиски нового, построенного на святоотеческом фундаменте типа высшего духовного учебного заведения. Но поскольку обсуждение академической реформы было прервано революционными событиями, разработка новой концепции духовного образования осталась незавершенной.

ДУХОВНЫЕ ШКОЛЫ СЕГОДНЯ

Рассмотренная нами тема приобретает сегодня, когда готовится новая реформа Духовной школы, особую актуальность. Как раньше, так и теперь реформаторов подстерегает немало трудностей, преодолеть которые можно посредством изучения опыта предшествующих поколений. Главное, чтобы предстоящая реформа не стала поверхностной, затронув лишь вопросы учебных программ и планов. Сегодня даже мало будет пересмотреть методы преподавания, необходимо попытаться заново осмыслить весь путь, пройденный отечественными Духовными школами, и продолжить разработку концепции святоотеческого духовного образования, выдвинутую столетие назад неопатристами.

Неверно определенный вектор развития богословского образования может обернуться губительными последствиями не только для Духовной школы, но и для Церкви, как это показала история на примере кризисного состояния духовных учебных заведений на рубеже последних веков и массового богоотступничества русского народа после трагических событий 1917 года.

*Вера Тарасова,
5 курс Исторического факультета МГУ*

РЕФОРМЫ ДАВНО УЖЕ НАЗРЕЛИ...

На вопросы журнала "Встреча" отвечают преподаватели Московских Духовных школ

1. Насколько своевременна готовящаяся реформа духовного образования? Нужна ли она вообще, и что она должна изменить?

Доцент МДА священник Максим Козлов. Слово

реформа, конечно же, вызывает аллергию у всякого трезвомыслящего православного человека и, вообще, почти у всякого современного человека. О реформе нам говорят последние лет десять, и до чего реформаторы довели, в глобальном смысле этого слова, наше отечество, и что или кто ассоциируется со словом реформатор применительно к церковной жизни, я думаю, ясно каждому

из нас. Тем не менее реформа Духовной школы необходима, хотя это, конечно, совсем не означает реформу в современном смысле этого слова.

Реформа нынешняя не означает того, что мы утверждаем, что прежняя Духовная школа, такая, какой она была 5 или 25 лет назад, была нехороша. Это не так. Реформа означает, что с изменением внешних условий жизни Церкви и, соответственно, жизни Духовных школ, с возникновением новых реалий и новых вопросов на которые должен давать ответ священник, все это должно найти отражение в соответствующих планах и программах Духовных Семинарий и Духовных Академий. Но это именно дополнение, преобразование, изменение существующего — с опорой на все то лучшее, что в Духовной школе есть.

К этому лучшему я, прежде всего, отношу ее традиционность и стабильность, которые позволяют, скажем, нашим Московским Духовным школам, что бы ни происходило во внешнем мире, жить с некой уверенностью в том, что они выстоят, в том, что вызов, бросаемый внешним миром, будет принят. И вот эта традиционность и стабильность — это главная наша опора. Всякая церковная реформа, и реформа духовного образования в частности, наверное, должна проводиться с памятованием слов святителя Филарета Московского о том, что "важно не колебать того, что прочно стоит, с тем чтобы перестроение не обратило в разрушение".

Доцент МДА Н.К. Гаврюшин. Думаю, что реформа духовного образования может определяться двумя обстоятельствами: либо изменениями цели этого образования, либо изменением условий, в которых осуществляется преследование уже сформулированных целей.

В настоящее время об изменении целей образования как будто бы не говорит никто, и вопрос о реформе сводится, по-видимому, в первую очередь, к тому, что прежде сформулированные или подразумевавшиеся цели духовного образования предполагается реализовывать в новых социальных условиях. Социальные условия очевидным образом стали меняться уже в конце восьмидесятых годов, и о необходимости реформы образования мне приходилось говорить еще в "Московском церковном вестнике" в 1990 году. Полагаю, что социальные условия находятся сейчас в стадии настолько постоянных изменений, что какой-то один законченный проект реформы духовного образования в целом осуществить вряд ли возможно. Исходя из этого, мне кажется, что реформу духовного образования следовало бы начать с осознания целей, которые это образование преследует, но это возможно только в результате глубокой исторической рефлексии.

сии и богословского осмысления места Духовной школы в церковной жизни.

Мне представляется, что на сегодняшний день у нас скорее срабатывают стереотипы установления тех образовательных форм, которые сложились в дореволюционный период и которые уже тогда подвергались критике в церковной среде. В то же время я вижу, что сегодня мы еще недостаточно подготовлены,

чтобы осуществить такую непредвзятую, исторически обоснованную и богословски взвешенную оценку роли образования в церковной жизни...

Доцент МДА А.И. Сидоров. В определенном смысле всякие реформы никогда не "своевременны", ибо любая реформа — ломка чего-то устоявшегося, своего рода хирургическая операция. Сам я по натуре человек очень консервативный и не люблю никаких "ломок", всегда психологически для меня очень болезненных. Но стараюсь всегда осознавать и трезво оценивать реальную ситуацию. Поэтому, если честно признаться, как преподаватель Московских Духовных школ, уже более десяти лет подвизающийся в их стенах, я свыкся с ритмом их жизни и не очень хотел бы что-либо менять в нем, если только нет на то Божией воли. Однако в то же время я

2. Не могли бы Вы выделить положительные и отрицательные моменты уже известных положений реформы?

Священник Максим Козлов. Положительного много. Реформа должна внести коррективы и в состав преподаваемых дисциплин, и в количество часов учебной нагрузки, которая отводится для каждой из этих дисциплин, и в методические основы преподавания. Первое, что бросается в глаза, — увеличение часов на изучение языков: древних и новых. Больше это касается Академии, но и Семинарии тоже. А также увеличение количества часов на изучение общих гуманитарных предметов, связанных со словесностью, культурой, философией, что необходимо в реалиях современной церковной жизни для каждого священника.

Кроме того, исключительно важно, что в Академии будет введена специализация, то есть образование будет идти с учетом направления: богословского, исторического, канонического, библейского, в которых желают подвизаться будущие преподаватели. Важно и то, что Академия объявлена таким учебным заведением, которое должно готовить не просто священников, но преподавателей Духовных школ и церковных работников высшей

отчетливо вижу, что реформы давно уже назрели, ибо существенным образом изменились как внешние, так и внутренние обстоятельства бытия наших Духовных школ. Во-первых, так сказать, "монополия на духовное образование", в рамках которой они существовали, сейчас закончилась. Появились "конкуренты", в первую очередь, Свято-Тихоновский Богословский институт и Православный университет святого Апостола Иоанна Богослова, где я также преподаю. Данная конкуренция пока, словно в условиях "дикого капитализма", носит еще сумбурный характер, но, думается, что скоро каждое из названных православных высших учебных заведений найдет свою "экологическую нишу" и конкуренция обретет достаточно "цивилизованную форму". Тем не менее она останется. Хотелось бы надеяться, что эта конкуренция превратится в доброе соперничество, ибо все тружущиеся в указанных учебных заведениях делают одно общее дело — служат по мере своих сил Богу, только каждый исполняет свое служение особым образом. Во-вторых, Московские Духовные школы создавались (или, точнее, воссоздавались) в условиях официального атеизма, когда на них смотрели, словно на "православное гетто". Это в ряде моментов определило в них строй жизни, психологический настрой преподавателей и студентов, построение курсов лекций и т.д. Сейчас, как известно, многое изменилось в нашей стране, хотя благодушеествовать, конечно, непозволительно, ибо атеизм отнюдь не исчез совсем, а лишь сменил личину, не теряя своей антиправославной сущности.

Указанные обстоятельства, на мой взгляд, заставляют многое изменить в Московских школах. Как я думаю, при подобных изменениях следует придерживаться главного принципа: сохранять дух традиций этой школы, отказываясь от некоторых уже "обветшавших букв".

Очень важно и введение семинаров, которые позволяют студентам овладевать устной диалогической речью, совершенствовать свои диалектические способности, развивать риторические навыки и, наконец, привыкать к корректному оппонированию мыслям другого человека, даже тогда, когда он стоит на весьма не сходных с тобой позициях. Кроме того, семинары не позволят засиживаться студентам от зачета до экзамена, когда их можно слышать раз в полгода или же, напротив, слышать их весьма часто на уровне ни к чему не обязывающих комментариев или вопросов к профессору, носящих иронический и даже слегка провокационный характер. Делать это легко, и мы в студенческие годы этим увлекались, но не по этому надо судить о степени развитости студента.

Хорошо и то, что обучение в Академии разделяется на два этапа: трехлетний, после которого будет писаться кандидатская работа, и двухлетний, предполагающий возможность защиты магистерской после него, то есть полное высшее образование: магистратура или аспиран-

тура — это опять позволит делить обучающихся в соответствии с интересами и возможностями, реальной церковной нуждой на тех, кто потом будет трудиться в Семинариях, и тех, кто продолжит свою деятельность в высших духовных учебных заведениях нашей Церкви.

Что касается отрицательной стороны реформы, то это, скорее всего, опасения. С одной стороны, опасения, что не окажется достаточной экономической и кадровой основы для решительного и достаточно быстрого, а главное, повсеместного проведения этой реформы. В этом смысле получится по известной поговорке: “Хотели, как лучше, а вышло как всегда!” А с другой стороны, на местах, в провинции все это может увязнуть в обыкновенной косности.

Н.К. Гаврюшин. Мне известны далеко не все положения реформы, но из того, что я уже знаю, мне представляется положительным усиление роли философских дисциплин и языковой подготовки студентов, хотя окончательное суждение об этой программе должно, как мне кажется, определяться все-таки целями образовательного процесса с учетом последующей социальной роли, социального служения наших выпускников.

А.И. Сидоров. С конкретными разработками реформы я мало знаком, поскольку к ним меня непосредственно не привлекали. У меня есть своя концепция, суть которой состоит в том, что “цикличность” преподавае-

мых предметов в Семинарии и Академии явно исчерпала себя. Ее необходимо ломать. Семинария должна стать своего рода институтом, а Академия — как бы аспирантурой. Уже в Семинарии, начиная примерно с третьего или четвертого курса (при условии пятилетнего обучения), следует готовить будущих студентов Академии. Для этого, по моему мнению, необходимо всех наиболее способных и дисциплинированных семинаристов объединить в один класс, для которого целесообразно создать специфичную программу обучения с особым акцентом на языках. Естественно, что и послушания для этого класса должны быть особыми, так же, как и для студентов Академии. Думается, не следует здесь бояться “элитарности”, ибо то будет “элита труда и подвига”.

3. Можно ли уже сейчас предположить, насколько успешно будет проведена реформа и в какой степени она удовлетворит существующую потребность преобразований в Духовной школе?

Священник Максим Козлов. Для того чтобы реформа была успешно осуществлена, как видится мне, человеку, совершенно не причастному к административной деятельности, желательно решительное увеличение полномочий Учебного комитета по надзору, контролю и принятию решений в отношении всех провинциальных школ. Не так, чтобы решения Учебного комитета должны были переосмысливаться местным архиереем или утверждаться где-то выше. Если священноначалие доверяет Учебному комитету, то надо его снабдить соответствующими правами. Если это будет так, если мы сумеем жестко контролировать ситуацию и требовать выполнения принятых решений, то за прочее у меня нет оснований опасаться.

Вообще, реформа сделана добротнo. Трудились представители двух наших Академий, прежде всего, и тех Семинарий, которые желали видеть своих представителей в числе разработчиков этих реформ реально, а не номинально. Была проделана работа весьма интенсивная, тщательная, с учетом реалий нашей Духовной школы прошлого столетия, нынешней высшей светской школы в нашей стране и православных школ за рубежом. Самое главное — не начать теперь что-то переделывать, переосмысливать. Сейчас разработанный

план нужно принять к исполнению и постараться помочь осуществить его тем, кому это поручено.

Н.К. Гаврюшин. Я думаю, что сейчас довольно сложно предсказать, насколько успешно будет проведена реформа. Много, возможно, произойдет вопреки уже намеченным проектам, ибо динамика нашей социальной жизни не располагает к спокойным экстраполяциям уже имеющихся данных.

А.И. Сидоров. Успех реформы зависит, в первую очередь, от ее финансирования. Кроме того, от “психологической перестройки” преподавателей и администрации. Для преподавателей важно главным образом не скользить из года в год по уже давно накатанным курсам, наводя скуку на студентов и на самих себя, а быть постоянно в движении, в поиске. Но такое движение и поиск, то есть подготовка новых курсов или постоянное совершенствование старых, их обновление, требует, безусловно, времени. При нынешней системе нагрузок преподавателей это труднодостижимо. Нормальная нагрузка преподавателей должна быть 2–3 лекции и 1–2 семинара в неделю.

Воспоминания об Академии

(1910—1915)

Продолжение. Начало в № 2 (5) и 3 (6) за 1997 г.

ПРОФЕССОРА

АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ ВВЕДЕНСКИЙ

3 сентября состоялась первая лекция. Читал Алексей Иванович Введенский, профессор Систематической философии и Логики. Как сейчас помню: в аудиторию вошел полный, высокого роста с сединой человек и остановился посредине аудитории, недалеко от кафедры. Дежурный студент прочитал молитву "Царю Небесный". Алексей Иванович сделал поклон, взошел на кафедру, медленно опустился на стул, почмокал, как бы что говоря про себя, губами и начал свою неторопливую вступительную к курсу Систематической философии и Логики речь. Седеющая голова, важная медлительность, мягкий и уверенный тон сразу овладели нашим вниманием. С первых своих слов Алексей Иванович видел, что аудитория в его руках, что его слушают. Лекцию он читал на тему: "Пере-

лом в современном общественном сознании". Правда, мы далеко не все были согласны и с положениями, им выдвинутыми, и тем более с сделанными им выводами, но с лекции мы ушли очарованными им. В Семинариях иной стиль преподавания. Там мы были юнцы-подростки, здесь — юноши, с которыми начали разговор по-взрослому. Да к тому же эта лекция была первой, и понятно, что мы на этой лекции сидели разиня рот. Со второй его лекции был начат курс Систематической философии.

Алексей Иванович — человек незаурядного ума и способностей, с большой эрудицией, пользовался в академической корпорации большим весом. Его голос в академическом совете едва ли был не решающим.

В академической философской науке Московской Академии царил немецкий философ Якоби. Ф.Л. Голубинский, В.Д. Кудрявцев и А.И. Введенский — все они на протяжении целого столетия развивали тео-

рию Якоби о познании: Якоби в противовес кантовской критической философии противопоставил философию веры или непосредственного чувства. В то время как Кант идеям разума (Бог, идея бессмертия души) придавал только практический интерес, Якоби утверждал, что как таковые они в этой постановке не могут иметь твердой достоверности, так как они суть продукт разума, а доказывающий их рассудок движется от условного к условному, а не к безусловному, и тем самым высшую идею разума ставил в рядок вещей условных. Высшая идея не может быть доказана путем демонстративным, мозговым. Для этого нужен специальный орган познания, каковым, по Якоби, является вера, непосредственное убеждение, глаз созерцания — сердце. Этот глаз и был центром всей философии Московской Академии.

Ф.Л. Голубинский, определяя философию как любовь к мудрости (а не мудрость), утверждал, что мудрость дается религией, верой, и все философское познание возводил к Богу, переплетая философию с богословием. Мир в Боге, и Бог во всех, кто ищет и кто любит Его. Отсюда и термин “любомудрие”, философия любви.

В.Д. Кудрявцев развил положение Ф.Л. Голубинского о том, что у нас есть особый орган познания Божества, и полагал этот орган в уме человека. Бог и разум, вера и мышление, философия и религия — “едины (суть) усты”. Созерцай и веруй, и спасен будешь. Такова немудрая философия второго нашего якобинца.

А.И. Введенский не выдвигал на первый план теории органа созерцания, но за его философией оценки, аксиологии, стоит также вера. Он явление рассматривал с точки зрения достойного, критерием чему может быть аспект религии... Он утверждал, что наша философия должна пойти по своему самобытному пути, христианскому. “Если немецкая, а потом и французская философия, — говорил Алексей Иванович, — определяются как философии личности, то наша, русская, философия будет развиваться как стремление к преобразованию жизни, в которой монизм должен получить преобладание над дуализмом. Философия и жизнь пойдут по пути соборности сознания. Интересы этой философии должны концентрироваться вокруг вопросов “ценности” личной и общественной морали в свете христианского учения и опыта.” Вот его философия, его аксиология.

И все-таки, несмотря на искренность своего философствования, Алексей Иванович не выдержал натиска навалившихся на него вопросов и проблем христианского монизма в его постановке и счел за лучшее для себя и своей аксиологии заняться публицистикой. Он начал сотрудничать с редакцией “Московских ведомостей”, а затем стал редактором журнала “Душеполезное чтение”. Редактирование газеты “Московские ведомости” (с 1898 г.) и руководство журналом “Душеполезное чтение” (1902–1907 гг.) поглотили

ли в нем и философа, и ученого. А.И. Введенский пропал и для богословия, и для философии.

К нам, студентам, Алексей Иванович относился с большой терпимостью, и когда студенту грозила какая-нибудь неприятность, он нередко заступался за “греховодника” как у ректора, так и в совете.

АНАТОЛИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ СПАССКИЙ

В этот же день, 3 сентября, четвертая и пятая лекции были заняты А.А. Спасским, профессором кафедры Истории древней Церкви. В противоположность А.И. Введенскому, Спасский производил обратное впечатление. Длинный, чрезвычайно худой, с козлиной бородкой и испитым лицом, он и ходил с трудом, и плохо выговаривал слова. Говорили, что у него был прогрессирующий паралич. Лекции он читал по тетрадке, растягивая слова и мямля. Слушая его, мы почти ничего не понимали, что он говорил. О каких-нибудь записях нечего было и думать. Даже дежурный студент, обязанный вести журнал занятий, не всегда мог записать то, о чем он читал. Конечно, студенты не ходили на его лекции. Анатолий Алексеевич видел, сознавал свое безвыходное положение и бесконечно страдал. Он болел. Его книги, статьи написаны великолепным языком, легко читаются и запоминаются. На меня особо сильное впечатление производила ясность его изложения и простота слога. Это он делал классически, а для этого, конечно, нужно было быть не только образованным и ученым, но и культурным человеком.

ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ВОРОНЦОВ

Евгений Александрович был третьим профессором, которого пришлось слушать на первом курсе. Преподавал он еврейский язык. Вел он свои уроки внятно и просто. Иероглифы масорета сами лезли в голову и твердо оседали там “на постоянное жительство”. Буквы еврейского алфавита, обозначение гласных он преподносил нам в связи с историей происхождения и развития еврейского языка, останавливаясь на истории культуры еврейского народа. С.И. Соболевскому, профессору греческого, потребовалось повторить нам синтаксис преподаваемого им языка, и он прочел нам его за 3–4 лекции. Евгений Александрович только один алфавит еврейской письменности едва уложил в 10 лекций. Читал (говорил) он увлекательно, и я, не имевший ни расположения, ни любви к языкам вообще, слушал Евгения Александровича с большим удовольствием. На первых порах слушать его было трудно. Свою речь он “пересыпал” иностранными словами, обильно “оснащая” терминологией, присущей древним языкам, и потому процесс привыкания к его форме преподавания сопровождался большими для нас затруднениями.

Евгений Александрович знал и европейские языки, древние и древнейшие... Любимым его языком был еврейский, изучению которого он посвятил всю свою

жизнь. В язык и культуру древнего народа он, как говорят, ушел весь с головой, и сам сделался похожим на еврейского раввина.

Глубокий мистик и, как говорили, ясновидец, с кристально чистой душой, с постоянной улыбкой на лице, он был светел и ясен... Лысеющая голова, светлое, прозрачное лицо с большим лбом, окладистая с проседью борода, толстые губы — недоставало только еврейского акцента — и он был бы настоящим евреем, а он был только православным священником. Ходил он в круглой фетровой шляпе, с палкой. Почти ежедневно его могли видеть, обычно в послеобеденное время, тихо пробирающимся на монастырское кладбище к могилке своей матери, где он подолгу проводил свой отдых в молитвенном общении со своей родительницей.

СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ ГЛАГОЛЕВ

Сергей Сергеевич читал нам курс Основного богословия. Остроумный, иногда насмешливый и язвительный, он умел заставить студентов слушать его речь. Его лекции студентами посещались, хотя они и не всегда блистали убедительностью. Мне казалось, что Сергей Сергеевич иногда сам плохо верил тому, что предлагал нам как непреложное. Он иллюстрировал свою речь смешной жестикующей и обильными гримасами. А предмет — Основное богословие, апология христианства, пролог к учению церковной догмы — требовал от преподавателя не только жестикующей, но и обоснования. В эрудиции ему отказать было нельзя, но и остротами с профессорской кафедры отделяться тоже не всегда было удобно. Этим своим приемом Сергей Сергеевич пользовался там, где его аргументация слабела, а это бывало всегда в случаях, когда у Сергея Сергеевича не хватало смелости признать свою слабость. Поэтому он редко касался острых вопросов, скажем, вопросов о происхождении христианства, а больше общих, философских.

С.С. Глаголев — единомышленник А.И. Введенского и влиятельный член академического совета. Оба — академические заправилы, по милости которых многим нашим “инакомыслящим” профессорам доставалось изрядно. На нас, студентов, их ортодоксализм сказывался меньше, но профессорам он иногда обходился дороговато. Профессора, особенно молодые, частенько снимали перед “маститыми” свои шляпы и почтительно уступали дорогу “старшим — ординарным”.

Последнее десятилетие своего профессорства Сергей Сергеевич увлекался Джемсом. Его увлекала идея целесообразности, которая роднила его с аксиологией Введенского и позволяла выбирать только “Достойное” с большой буквы. Субъективизм — это неотъемлемое свойство души, которое позволяет проникнуть в сущность вещей и явлений. Прагматические идеи Сергея Сергеевича с кафедры были для нас, юнцов, новы. Глаголева в прагматизме удовлетворяло то, что он там нашел обоснование целесообразности. Примирить науку и религию для Сергея Сергеевича было делом трудным, и он был тем более доволен,

что прагматизм давал ему возможность этого примирения с действительностью. Ведь не все же в мире плохо и есть порождение дьявола. Истину как полезность или, по Введенскому, “достойное” он не активизировал, а принимал ее и, с верой в душе в свою правоту, плыл по течению, уверяя, что и “пары Паскаля” могут заслуживать внимания.

НИКОЛАЙ ЛЕОНИДОВИЧ ТУНИЦКИЙ

Немногоглаголивый и, скорее, скупой на слова, Николай Леонидович давал нам материал в чрезвычайно сжатой и ясной форме. История церковно-славянского языка и Палеография укладывались им в такие формы и были так ясно представлены, что у нас, внимательно его слушающих, не возникало никаких вопросов. Туницкий не блистал речью, не светился, как Е.А. Воронцов. Николая Леонидовича считали восходящей звездой Академии. Его мы любили, он это знал и отвечал студентам тем же. Правда, любовь его к нам была молчаливая, но при порядках того времени, иначе поступать и нельзя было, тем более, что Николай Леонидович принадлежал к оппозиции в академическом совете. К нам был требователен и подчас казался суровым.

У меня в памяти осталось одно его замечание о моей письменной работе, мало его удовлетворившей. На практических занятиях Николай Леонидович разбирал наши семестровые сочинения. Обычно на одну тему писало несколько студентов. По собственному нашему выбору один из группы читал свою работу с кафедры, “докладывал”, а прочие должны были выступать оппонентами. В нашей группе мы договорились, что “докладывать” буду я. Когда я встал, чтобы взойти на кафедру, Туницкий, полагая почему-то, что прочтет свою работу, отмеченную баллом “5”, Голубцов, вдруг обращается ко мне и говорит: “Почему Вы?” Ему хотелось, чтобы читал Голубцов. А так как порядок “докладывания” был установлен им самим, то за “почему” последовало: “Ну, хорошо, читайте!” Это “почему” и до сих пор еще звучит в ушах как оценка моего прилежания и предупреждение.

ПРОЧИЕ ПЕРСОНАЖИ

Помощник инспектора

НИКОЛАЙ ГАВРИЛОВИЧ ВЫСОЦКИЙ

Высоцкого мы не любили. Грубый, придиричивый, он вел себя, как настоящий “суб”. Карьеры в Академии он себе не делал, да и сделать не мог, способностями он не блистал, а к нам он не питал ни любви, ни уважения. Вся его фигура и манера обращаться со студентами как бы говорили: “Вот я вас!”

Я от него имел два замечания за ношение красной рубашки. Второе замечание — с предупреждением. Убрали его по корреспонденции, посвященной ему в газете “Колокол”. Корреспонденция, однако, была к нему несправедлива и обвиняла его в том, в чем он не был повинен, но его, к общему удовольствию студентов, убрали.

Эконом

ЛЕОНИД СТЕПАНОВИЧ РЯШЕНЦЕВ

Не принимали мы и Л.С. Ряшенцева. Это вторая фигура, которую вообще студенты не любили. А не любили его за то, что он хотел играть какую-то роль в Академии. Совался туда, куда бы ему и не следовало, делая замечания студентам по поводу их поведения, за нехождение в церковь. Налагал штрафы на служащих за то, что они допускали студентов в столовую в непоказанные часы и т. д.

Говорили, что он был родственником кому-то из влиятельных и близких к Академии лицам и чувствовал себя тоже “влиятельным” лицом в Академии. Многие из товарищей склонны были обвинять его в лихоимстве, но я не думал так. Нашего он не брал, но за нашей спиной, как это всегда и всюду бывало, он пользовался некоторым дивидендом, имел от “купцов” подарки и т. д. Обвинение в его “пристрастности” было отдушиной, протестом против его грубостей и заносчивости. За работой кухни он не следил. Рыбка не всегда была первой свежести, компот — подмоченный. Повара были в его непосредственном ведении и также не любили его и не хотели покрывать его промахи и недоглядки. В результате 18 ноября студенты отказались от ужина — объявили голодовку. Эконом самовольно заменил рыбу и рыбное горохом с гренками и жареной картошкой. “Бунтовщики” пришли в столовую, минут 10 молча посидели за столом, а затем встали, чинно пропели молитву “Благодарим Тя, Христе Боже наш” и тихо разошлись по своим келлиям. 22 ноября в столовой была вывешена прокламация, в которой указывалось на грубость эконома, своевольное обращение с меню, утвержденным ректором, на тухлую рыбу и гнилой компот. Прокламация призывала студентов потребовать удаления эконома с его должности... Словом, началась шумиха. Инспектор А.П. Шостьин ходил по номерам и беседовал со студентами, выяснял, увещевал, вздыхал, хлопал себя руками по бедрам и о своих изысканиях докладывал ректору, который, несмотря на то, что сведения о голодовке в Академии проникли в печать (“Утро России”), ограничился лишь общим выговором, что “он не потерпит голодовок, а за репрессиями-де у него дело не станет”. Очевидно, эконом был виноват в этом инциденте, а чтобы не раздувать дело, ректор ограничился тем, что только погрозил нам пальцем, и то из своего кабинета.

Врач

АРКАДИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ТАНИН

С большой любовью вспоминаю нашего академического “Тянина”. Хороший и добрый был человек и очень внимательный врач. Всегда ласковый, не ускоряя темпов и не повышая голоса, он уверенно и лечил, и баловал студентов. Надоест студенту академический стол — Аркадий Владимирович переводит его на больничный, а больничный стол всегда устанавливал он сам. Вздумалось студенту отдохнуть от обыденщины общежития, Танин кладет студента в больницу. Сту-

денты не стесняясь ходили к нему со всеми своими недугами и всегда находили у него радушный прием.

ЭПИЛОГ

Есть такое латинское выражение: “Non multa, sed multum” — не много, но много. Окидывая взором пройденный путь за первый год обучения в Академии, чувствуешь, как много нового и интересного прошло перед нами. Правда, это “много” не разнообразно, но для нас это было все же новым и, как всякое новшество, увлекательным. Неразнообразно потому, что академическая жизнь имела свои традиции, а обучение не всегда удовлетворяло желания. Превалировала во всем догма, и ответы на пытливые вопросы не допускали отклонений от той же догмы. Нам рекомендовалось, как и в Семинариях, только правоверное мышление, но жизнь шла своим чередом, вне зависимости от Устава 1884 года. Люди приходили и уходили. Они приносили отличные от догмы 1884 года мысли, появлялись богоискатели, а Академия стояла в стороне от бурлящей религиозной мысли за стенами Лавры. В Академии по-прежнему господствовало богословствование Горских и Голубинских, когда-то составлявших заслуженную гордость Академии. А.И. Введенский “перетряхивал” Голубинского и Кудрявцева. В начале своей профессорской кафедры он написал свою аксиологию и ревниво охранял ее истины от критических взоров студенческого и ученого мира. Студенты записали его лекции и отпечатали. Узнав об этом, Алексей Иванович поднял шум, отобрал издание, так как лекции были изданы без его ведома. Все экземпляры лекций собрать ему не удалось, но главного пособия при изучении его аксиологии студенты были лишены, да и сам факт борьбы с записями его лекций показателен. Глаголев С.С. также держался старых традиций и не выдвинул ни одной оригинальной мысли. Он читал нам лекции по основам христианского вероучения и продолжал “сражаться” с Буддой и Конфуцием, а богоискательство наших дней его мало занимало, а не он ли должен был нас вооружить знаниями, которые мы должны были использовать при выходе из Академии? Ректор епископ Феодор, свою магистерскую диссертацию (“О вере в Бога”) забрал из академической библиотеки и никому не давал!

Профессора почему-то больше любили копаться в архаической древности, чем вооружать подрастающее поколение новыми мыслями. Это, по-видимому, было спокойнее и позволяло укрыться от навязчивого протестантизма.

30 апреля начались переводные экзамены. Два-три дня для подготовки к экзамену, затем предстояние перед экзаменационной комиссией. 20 мая прошел последний экзамен, и я, пожалуй, довольный своим аттестатом, поехал в родной Кашин на летние каникулы. Огорчала “двоица” за работу у Туницкого, но... что же делать? Я взял у Туницкого для разработки новую тему, чтобы осенью представить ее взамен им забракованной, но судьба мне сулила другое. По энному параграфу нового Устава Академии, я должен был повторно остаться на первом курсе Академии. И остался.

СКУРАТ К.Е.,
 профессор Московской Духовной Академии,
 доктор Церковной истории

Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин — отец Востока и Запада

I. ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО КАССИАНА

Иоанн со вздохом отвечал: "Я никогда не исполнял своей воли и никого не научал тому, чего сам не делал". (Из предсмертного наставления аввы Иоанна в изложении преподобного Кассиана. — 66.)¹

Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин родился (ок. 350 г.) в Марселе Галльской области — в Западной Римской империи. Отсюда произошло и название его «Римлянин». Хорошо владевший латинским и греческим языками, преподобный Кассиан стал крепким связующим звеном христиан Запада и Востока. Духовное богатство Востока он переносил в сокровищницы Запада, представляя и там полнейший опыт аскетике, монашеских идеалов, выработанных и утвержденных подвижниками Египта и Палестины. В своем личном богословии он соединил спекулятивно-теоретическое воззрение Востока с реально-практическим направлением Запада. Много и долго подвизался он и на Востоке, и на Западе. Поэтому в равной степени почитается и здесь, и там. Можно сказать, что преподобный Кассиан Римлянин — святой отец и Восточной Церкви и Западной.

В юности преподобный Кассиан прибыл в Палестину, где в Вифлеемском монастыре принял монашество и получил первые наставления в подвижничестве. Но здесь задержался ненадолго. После двухлетнего подвига он, побуждаемый к новым духовным со-

вершенствам, отправился вместе со своим другом, отныне неразлучным, аввой Германом в монастыри Египта². «Посещая все славные монастыри в нижнем и верхнем Египте, они, как пчелы, собирая все лучшее, что видели в монастырских постановлениях и примерах жизни строгих подвижников, с более просвещенными и опытными старцами входили в собеседования о разных духовных предметах, которые старались усвоить» (III). Высота жизни египетских подвижников настолько пленила «духовных странников», что они готовы были навсегда остаться среди них, и лишь обещание в Вифлееме о скором возвращении туда «по обозрении египетских монастырей» (III-IV) понудило их оставить Египет. Впрочем, они провели там в подвигах и беседах семь лет. В Вифлееме они пребывали недолго — и снова отправились к увлекшим их духовной мудростью и святой жизнью аввам Фиваиды и Скитской пустыни. На сей раз они прожили в египетских пределах около трех лет.

В 400 году друзья отправляются в Константинополь. Главной их целью было увидеть и услышать знаменитого учителя Святой Церкви святителя Иоанна Златоуста, слава о котором распространялась везде. Святитель оценил их духовные стремления и преподобного Кассиана рукоположил во диакона, а Германа, как старшего возрастом, — во пресвитера. По достоинству они были приняты в Константинополе и предан-

¹ Стоящая в скобках цифра (или цифры) указывает страницу творений преподобного Кассиана по книге: *Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин. Писания. Перевод с латинского. Сергиев Посад, 1993.*

² Преподобный Кассиан именует Германа «святым аввой» и свидетельствует: с ним «у меня с самого начала монашеской жизни, с первых опытов духовного воинствования было нераздельное пребывание как в киновии, так и в пустыне, так что все для означения дружества и одинакового намерения нашего говорили, что в двух телах находятся один ум и одно сердце» (167).

ІРП ІОАННА КАССІ
АІХ РІМЛЯНИНА

ными святителю Иоанну служителями Церкви Божией. Об этом свидетельствует уже то, что когда враги святителя подняли на него гонение, преподобный Кассиан и Герман были введены в состав делегации, направленной в Рим к папе Иннокентию с ходатайством о защите невинного изгнанника и страдальца. Миссия эта не увенчалась успехом — святитель Иоанн был отправлен в ссылку. Более того, опала обрушилась и на всех друзей великого святителя. Потому преподобный Кассиан, посетив еще раз восточных подвижников для закрепления в сердце их наставлений, вернулся в свои родные края, в Марсель, в область папы, где был посвящен во пресвитера и где завершил свои земные дни († 435).

Недалеко от города Массилии преподобный Кассиан основал два первых монастыря — мужской и женский — по правилам палестинских и египетских киновий. Вследствие сего его относят к первым основателям монашества в Галлии. Вероятно, за устройство этих монастырей, за введенные в них порядки, послужившие потом образцом дисциплины в прочих западных монастырях, преподобный Кассиан удостоен почетного звания аббата, прилагаемого лишь к достойнейшим, совершеннейшим мужам.

Как западного святого отца преподобного Кассиана торжественно чтут в Массилии 23 июля. На Востоке же возносят ему молитвы 29 февраля (под этим чис-

лом см. в Четьих-Минеях его Житие). В невысокие годы церковная память Преподобного в Русской Православной Церкви переносится на 28 февраля.

II. ТВОРЕНИЯ ПРЕПОДОБНОГО ИОАННА КАССИАНА РИМЛЯНИНА

Теперь предлагаем, при помощи Божией... извиняясь сначала в обширности книги, которая, при всем нашем старании сократить повествуемое не только сжатою речью, но и многое пройти молчанием, вышла гораздо больше, нежели как мы предполагали (Преподобный Кассиан. Из 1-й главы к 9-му Собеседованию. — 323.)

Творения преподобного Кассиана вошли в сокровищницу святоотеческой литературы, представив западному монашеству полнейшее изложение аскетики в духе воззрений подвижников Востока. Уже святой Бенедикт Нурсийский (†543) использует их в своем уставе (“Правиле монашеской жизни”) и заявляет, что они “суть начертания добродетелей для добре живущих” и ведут “на верх совершенства”³. Давно они были известны и у нас на Святой Руси ее подвижникам и ревнителям иноческого чина, например, преподобному Нилу Сорскому (†1508)⁴. Но не все творения преподобного Кассиана сохранились. До нас дошли только три: 1. “О постановлениях киновитян” — в двенадцати книгах (написано в 417–419 гг.); 2. “Собеседования египетских подвижников” — двадцать четыре собеседования с пятнадцатью аввами разных монастырей (написано в 420–429 гг.) и 3. “О воплощении Христа против Нестория” — семь книг (написано в 430 г.).

Последнее из названных творений преподобного Кассиана особого интереса не представляет, так как является данью полемики своего времени. Написано оно было по просьбе архидиакона Римской Церкви Льва, впоследствии известного римского святителя (†461), и содержит святоотеческие мысли против еретика Нестория, а также и против пелагианской ереси. Интересным оно может быть для тех, кто желает узнать об отношении преподобного Кассиана к суждениям богословов Востока и Запада.

Значительно больше привлекают к себе первые два творения, мудро соединившие киновию с анахоретст-

³ Устав преподобного Венедикта. Гл. 73. Цит. По книге: *Святитель Феофан (Говоров)*. Древние иноческие уставы преподобного Пахомия Великого, святого Василия Великого, преподобного Иоанна Кассиана и преподобного Венедикта. М., 1892. С. 653.

⁴ См.: *Преподобный Нил Сорский*. Предание и Устав. Вступительная статья М.С. Боровковой-Майковой. 1912. Впрочем, преподобный Нил, в основном, ссылается на суждения преподобных Исаака Сирина (VII), Иоанна Лествичника (†649) и Григория Синаита (ок. †1346).

вом и поставившие аскетизм на служение Богу и людям, на службу любви. Потому-то они были сочленены в одну книгу в переводе на русский язык (М., 1892) и недавно, в 1993 г., опубликованы Свято-Троицкой Сергиевой Лаврой в репринтном издании.

Из введения к творению "О постановлениях киновитян" явствует, что этот труд был исполнен по просьбе епископа Аптского Кастора. Этот епископ, основав в своей епархии монастыри, пожелал устроить их по правилам монастырей восточных, преимущественно египетских. Естественно, что он обратился за содействием к Преподобному. В ответ на это обращение преподобный Кассиан, отметив по своему глубокому смирению недостойность и страх перед выполнением просьбы, рисует план своего труда. "Здесь я, — пишет он епископу Кастору, — не буду говорить о тех чудесах отцов, о коих я слышал или коих был свидетелем, потому что чудеса, возбуждая удивление, мало содействуют святой жизни; но только, сколько возможно вернее, расскажу о правилах монастырских, о происхождении восьми главных пороков и о том, как можно, по учению отцов, искоренить сии пороки... Лучше тех монастырей (т.е. египетских и палестинских. — К.С.), которые с начала апостольской проповеди основаны святыми и духовными отцами, не может быть никакого нового братства на западе в стране Галлии... Если замечу, что какие-нибудь правила египетских монастырей будут здесь неисполнимы ... то, сколько возможно, заменю их правилами монастырей палестинских или месопотамских, потому что если правила будут соразмерны с силами, то их можно будет исполнять без труда и с неравными способностями" (8).

Этому плану Преподобный и следует. Сказав в первых четырех книгах о внешнем укладе монастырей: о монашеской одежде (кн. 1), об общих молитвах ночью и днем (кн. 2 и 3), о правилах для отрекающихся от мира и о безусловном послушании по уверенности, что старец ничего ненужного не прикажет (кн. 4), Преподобный переходит к изображению борьбы против восьми главных пороков — страстей, посвящая описанию каждой из них отдельную книгу: о чревобезии или чревонеистовстве (кн. 5), блуде (кн. 6), корыстолюбии (кн. 7), гневе (кн. 8), печали (кн. 9), унынии или тоске сердца (кн. 10), тщеславии (кн. 11) и о гордости (кн. 12), хотя и последней "по порядку исчисления", но первой по времени происхождения, самой лютой, "свирепее всех предыдущих" страстей (143).

"Собеседования египетских подвижников" направлены к разным лицам. Первые десять Собеседований семи святых отцов посвящены родному брату епископа Аптского Кастора — епископу Леонтию (к тому времени скончавшемуся) и Елладию. Возможно, что Леонтий был епископом Аптским — преемником брата, а Елладий — настоятелем одного из монастырей. В предисловии к этим десяти Собеседованиям препо-

добный Кассиан напоминает содержание прежнего своего творения ("О постановлениях киновитян") и в общих словах указывает на то, о чем он намерен свидетельствовать сейчас: "Теперь от внешнего, видимого образа жизни монахов, который мы описали в первых книгах, перейдем к невидимому состоянию внутреннего человека, и речь от чина установленных молитв должна перейти к постоянству той непрестанной молитвы, которую заповедует Апостол (1 Сол. 5,17)" (166). Здесь преподобный Кассиан делает весьма важную оговорку, касающуюся всех его творений. "Прежде всего, — заявляет он от себя и своего друга Германа, — мы хотим предостеречь читателя как этих Собеседований, так и прежних писаний, чтобы, если по качеству своего состояния и намерения, или по общему житию, может быть, что-нибудь в них почтет невозможным и суровым, судил бы о них не по мере своей способности, а по достоинству и совершенству говорящих" (166).

Немного времени спустя после появления первых десяти Собеседований преподобный Иоанн Кассиан пишет епископу Арелатскому Гонорату и Евхерию (вероятно, настоятелю монастыря, впоследствии епископ Лионский) семь Собеседований трех святых отцов пустынножителей, "чтобы этими Собеседованиями восполнить то, что в прежних писаниях о совершенстве, может быть, темно выражено или опущено" (367).

Последние семь Собеседований пяти святых отцов, обитавших в пределах Нижнего Египта, преподобный Кассиан направляет "святым братьям (вероятно, настоятелям монастырей, как можно заключить из предисловия. 495–496) Иовиниану, Миневию, Леонтию и Феодору, дабы вступающие в святые обители "навыкли" устроить образ подвижнической жизни "лучше по заповеди тех, которые научились всему из древнего предания и долговременного опыта" (496). Тематика всех "Собеседований египетских подвижников" такова:

1) О намерении и цели монаха. "Конец нашего обета, — поясняет старец, — есть Царство Божие, а назначение наше, т.е. цель — чистота сердца, без которой невозможно достигнуть одного конца" (169);

2) О [духовной] рассудительности. Подается рассудительность благодатью Божией и учит "человека идти царским путем, удаляясь крайностей" (189,190);

3) О трех отречениях от мира. Они следующие: первое — оставление всех богатств и стяжаний мира; второе — уход от прежних нравов и пороков как телесных, так и душевных, и третье — отвлечение ума от всего настоящего и видимого и созерцание, желание только будущего, невидимого. "Эти три отречения все вместе совершить повелел Господь Аврааму, когда сказал ему: *Изыди от земли твоя, и от рода твоего, и от дому отца твоего* (Быт. 12,1)" (208);

4) О борьбе плоти и духа, как явлении, присущем

человеку в его земном пути, и о правильном ведении этой борьбы с помощью благодати Божией. Иногда Господь для нашей же пользы временно оставляет нас. Такое оставление Божие святой пророк Давид считал настолько полезным, что не молился о том, чтобы Господь никогда и ни в чем не оставлял его совершенно, а лишь просил, чтобы это оставление было в меру, по силам: *Не остави мене до зела* (Пс. 118,8). “Другими словами, он как бы так говорил: знаю, что Ты для пользы оставляешь святых Твоих, чтобы испытать их; ибо иначе враг не мог бы искушать их, если бы, хотя на время, они не были оставляемы Тобою! Потому не прошу того, чтобы Ты никогда не оставлял меня... Сколько спасительно для меня кратковременное Твое оставление для испытания постоянства любви моей, столько пагубно оставление конечное” (227);

5) О восьми главных страстях. Здесь преподобный Кассиан рассматривает страсти, восстающие на подвижника, в той же последовательности, как он делает это и в своем первом творении “О постановлениях киновитян” (см. кн. 5–12). К восьми главным порокам он присоединяет еще два: идолопоклонство и хулу. Когда пороки будут побеждены “добродетелями, воюющими против них, то место, которое занимал в нашем сердце дух похоти или блуда, потом займет целомудрие; какое захватила ярость, то присвоит терпение; какое занимала скорбь, причиняющая смерть, там возобладает спасительная печаль полная радости; какое попирала гордость, там почует смирение, и, таким образом, по изгнании каждого порока места их займут противоположные расположения, — добродетели” (258-259).

6) Об умерщвлении святых. Внезапное убиение сарацинскими разбойниками мужей высокой святости, подвизавшихся в пустыне Палестины, послужило поводом к размышлению о насильственной — страдальческой кончине праведника при постоянном действии Промысла Божия. “Муж праведный чрез смерть ничего не теряет... но что должно было приключиться ему по требованию природы, тому он подвергается по злобе врага не без награды в вечной жизни”. Мученик приобретает “обильнейший плод за свое страдание и мзду великого воздаяния”. Убийца же “справедливо накажется за зверскую жестокость” (266-267);

7–8) Немалое внимание уделяет преподобный Кассиан демонологии: действиям злых духов, их влиянию на человека. (О непостоянстве души и о злых духах; О начальствах и властях). Тех людей, которые подвергаются разным искушениям или которые даже одержимы нечистыми духами, не должно отвращаться и презирать. За них подобает непрестанно молиться и сострадать им всей душой. “А святое Причащение нашими старцами не запрещалось им, напротив, они думали, что, если бы возможно было, даже ежедневно надобно преподавать им его. Ибо не должно ду-

мать, что по изречению Евангельскому (которое неверно пытаются приложить к сему. — К.С.): *Не дадите святыни псам*, — будто святое Причащение поступает в пищу демону, а не в очищение и охранение тела и души. Будучи принято человеком, оно, как пламя пожигающее, прогоняет того духа, который в его членах заседает или скрывается” (300-301);

9–10) Девятое и десятое Собеседования (О молитве) посвящены молитве: раскрытию условий ее успешности, видов молитвы в соответствии с состоянием молящихся. “Если хотим, чтобы молитвы наши восходили не только до небес, но и превыше небес”, то должны очистить ум наш “от всех земных пороков и скверны страстей” (326). Для приобретения непрестанной молитвы рекомендуется частое повторение слов святого Псалмопевца: *Боже, в помощь мою вонми, Господи, помощи ми потщися* (Пс. 69,2). Этот стих “по достоинству выбран из всего состава Священного Писания. Ибо он объемлет все расположения, какие только могут относиться к природе человеческой и прилично прилагается ко всякому состоянию и всем случаям. Именно он заключает призывание Бога во всех опасностях, заключает смирение благочестивого исповедания, заключает постоянное бодрствование с заботливостью и страхом, содержит сознание своей слабости, чаяние услышания, надежду на настоящую и всегда присущую помощь” (357);

11) О совершенстве. Предлагается наставление о всецелой любви к Богу как высшему проявлению духовного совершенства. “Мы не иначе можем достигнуть сего истинного совершенства, как возлюбивши Бога единственно по побуждению любви, а не по чему-либо другому; поелику и Он прежде возлюбил нас единственно ради нашего спасения, а не по какой-либо другой причине” (373). “Что касается любви, то она ... из совершенных делает их некоторым образом более совершенными” (378);

12) О чистоте. В смысле совершеннейшего целомудрия — служит как бы дополнением к предшествующей беседе. Совершенство любви, приводящей к богоуподоблению, “не может быть достигнуто без совершенства чистоты” (381). “Совершенство целомудрия состоит в том, чтобы монах в бодрственном состоянии не допускал никакого услаждения похотью, чтобы, и покоясь во сне, не имел обольстительных грез” (400);

13) О покровительстве Божиим (или о том, как благодать Божия содействует совершению добрых дел). В данном Собеседовании подчеркивается необходимость помощи Божией труженику в его подвиге. Без благодати Божией человек “ничего не может сделать относительно своего спасения” (405);

14) О духовном знании. В нем указывается, что лучший путь к уразумению духовных истин лежит в нравственном опыте христианина. “Кто желает достигнуть созерцания Бога, тому необходимо со всем

усердием и силою сначала приобрести деятельное знание" (420). "Невозможно нечистой душе приобрести духовное знание, с каким бы постоянством ни трудилась в чтении. Ибо никто не вливает какую-либо благородную масть, или отличный мед, или какую-нибудь драгоценную жидкость в зловонный, испорченный сосуд. Кувшин, однажды пропитанный страшным зловонием, легче испортит даже самое благоуханное миро, нежели сам примет от него сколько-нибудь приятное благоухание; поелику гораздо скорее чистое повреждается, нежели испорченное исправляется" (434);

15) О Божественных дарованиях. Здесь показано, что сила дарований состоит не в чудесах, а в смирении и чистой любви. Поэтому-то святые отцы "не желали творить чудес; даже и тогда, когда имели сию благодать Святого Духа, они не желали обнаруживать ее, разве только в случае крайней и неизбежной необходимости" (441);

16) О дружестве. Видов дружбы, разным образом соединяющих человеческий род, множество. Но только один из них нерасторжим — тот, который основывается на сходстве добродетелей. "Совершенно справедливо мнение благоразумных мужей, что истинное согласие и неразрывное дружество может состояться только между людьми, имеющими одинаковые добродетели и намерения" (467);

17) Об определении. Здесь уделяется внимание таким случаям, которые в Нравственном богословии именуется *collisio officiorum*, и даются указания, как следует поступать в этих случаях. "Когда за открытие истины угрожает какая-нибудь большая опасность, — наставляет преподобный Кассиан словами аввы Иосифа, — тогда можно прибегнуть к обману, впрочем, так, чтобы при этом иметь смиренное сознание своей виновности. А когда нет крайней необходимости, то со всей осторожностью надобно избегать лжи, как смертоносной" (477). "Наши старцы, о вере которых свидетельствуют знамена апостольских добродетелей... полагали... лучше скрывать свою воздержность необходимою и смиренною ложью, нежели обнаруживать ее гордым объявлением истины" (485);

18) О трех древних родах монахов. На самом деле в собеседовании рассматривается их четыре: а) кинови-тяне (общежительные), б) анахореты (отшельники), в) сарабиты (отвергающие подчиненность игумену и правилам монашеского общежития, живущие по своей воле и на своем иждивении) и г) ищущие отдельные уединенные кельи, но так, чтобы "почитаться от людей" за свою жизнь. "Такое установление, — замечается в Собеседовании о последнем роде монахов, — такая холодность никогда не допустят им прийти к совершенству" (503);

19) О цели киновии и пустынножительства. Цель киновии состоит в распятии и умерщвлении своей воли, в освобождении от мирских забот. А совершенство пустынножителя состоит в том, чтобы соединить

со Христом свой дух, "сколько позволяет человеческая слабость" (521);

20) О времени прекращения покаяния и об удовлетворении за грехи. Это рассуждение о том, когда, каким образом человек может почувствовать себя оправданным, что он должен делать для удовлетворения за прощенное. "В совести нашей есть неложный свидетель, который еще прежде суда уверяет нас об окончании покаяния и дарования нам прощения". Если истреблено в сердце греховное желание, значит, прежние грехи прощены (532). Но "получивший прощение грехов должен удовлетворять за них ежедневными постами и умерщвлением плоти и страстей, ибо, по словам Священного Писания, *без пролития крови не бывает оставления* (Евр. 9,22)" (535);

21) О льготах в Пятидесятницу. Здесь говорится о сем предмете в смысле ослабления строгости поста на время от Воскресения Господа нашего Иисуса Христа до Сошествия Святого Духа на святых Апостолов. Высказывается также взгляд на значение поста в духовной жизни. "Один пост без других добродетелей не может принести пользы... От случайных причин он бывает не только напрасен, но даже ненавистен Богу, как об этом Он Сам свидетельствует у Иереми: *Поститься будут, не услышу прошения их* (Иер. 14,12)" (549);

22) О ночных искушениях. В этом Собеседовании решается вопрос, смущавший совесть подвижников. В связи с этим определяется различие между святыми и безгрешными. Между ними "большое различие. Ибо иное быть кому-нибудь святым, т.е. посвященным богопочтению, ибо это имя, по свидетельству Священного Писания, есть общее не только людям, но и местам, и сосудам храма, и жаровням. А другое быть без греха, что приличествует единственно величию одного Господа нашего Иисуса Христа, о Котором Апостол говорит, присвоя Ему как особенное преимущество, как нечто несравненное и Божественное: *Он не сделал никакого греха* (1 Петр. 2,22)" (575-576);

23) О словах Апостола: *добра, которого хочу, не делаю, а зло, которого не хочу, делаю*. Дается глубокое изъяснение этих слов святого апостола Павла из Послания к Римлянам (гл. 7, ст. 19-25). По утверждению преподобного Кассиана, приведенные слова относятся только к праведникам, а не к порочным людям. "Сказанное относится к одним совершенным и пристойно святости только тех, которые оказали заслуги апостольские" (583). Весьма ценно здесь рассуждение преподобного Кассиана о Таинстве святого Причащения. Как и в седьмом Собеседовании, он, завершая и сие двадцать третье Собеседование, призывает всех насколько возможно чаще принимать Святые Тайны, отмечая необходимость их для спасения. "Мы не должны устраняться от причащения Господня из-за того, что сознаем

себя грешниками; но еще более и более с жаждою надобно поспешать к нему для уврачевания души и очищения духа... Некоторые... живя в монастырях, достоинство, освящение и благотворность небесных Таинств оценивают так, что думают, что принимать их должны только святые, непорочные; а лучше бы думать, что эти таинства сообщением благодати делают нас чистыми и святыми. Они подлинно больше гордости высказывают, нежели смирения, как им кажется; потому что когда принимают их, то считают себя достойными принятия их. А гораздо правильнее было бы, чтобы мы с тем смирением сердца, по которому веруем и исповедуем, что мы никогда не можем достойно прикасаться Святым Таин, в каждый Господский день принимали их для уврачевания наших недугов" (605);

24) О самоумерщвлении. Здесь говорится о трудностях и радостях "царского" подвижнического пути. "По истинному учению Господа, царский путь приятен и легок, хотя и кажется жестким и шероховатым. Ибо когда благочестно и верно служащие понесут на себе иго Господне и научатся от Него, что Он кроток и смирен сердцем, то уже, некоторым образом сложив тяжесть земных страстей, при содействии Господа, найдут не труд, а покой душам своим... Следовательно, путь Господень имеет приятность, если по закону Его проходят" (628).

Заканчивает свои Собеседования преподобный Иоанн Кассиан обращением к слушателям и читателям: "Остается просить, чтобы меня, доселе колеблемого опасною бурей, духовное веяние ваших молитв сопровождало к безопасной пристани безмолвия" (633).

Знакомство с содержанием Собеседований преподобного Кассиана позволяет сделать вывод, что первые десять из них, написанные раньше — в период острой борьбы с пелагианством, умалявшим действие благодати Божией на человека, — подчеркивают ее необходимость в деле спасения. Собеседования же, появившиеся позже (после 427 г.), когда стали распространяться взгляды блаженного Августина Иппонского, принижавшего активность человека, поддерживают эту активность и обращают особое внимание на значение усилий человека в деле своего спасения при непрерывном действии и благодати Божией. Усматривать здесь противоречие в суждениях преподобного Кассиана несправедливо, ибо он лишь переносит акцент с одной стороны на другую.

Что касается формы изложения Собеседований, как будто преподобный Кассиан высказывает не свои наставления, а египетских подвижников, то объясняется она подлинным смирением святого⁵. Этим же следует

объяснить и то, что на протяжении всех Собеседований вопрошающим всех пятнадцати авв выступает не он сам, а его друг и спутник инок Герман. Только изредка он свидетельствует и о своем участии, но опять-таки не выделяя себя, когда говорит: "Мы в ответ на это сказали; мы это сделали для Царства Небесного" (168). "Мы пришли в его (аввы Пафнутия. — К.С.) келлию" (204). "Мы спросили этого блаженного Даниила" (224) и т.д.

* * *

Рассмотрев важнейшие творения преподобного Иоанна Кассиана Римлянина, можно с уверенностью повторить то, что было отмечено в самом начале данного обзора: преподобный Иоанн представил в них полнейший опыт аскетике, монашеских идеалов, выработанных и утвержденных подвижниками Египта и Палестины.

Сначала преподобный Кассиан в ответ на просьбу Кастора, епископа Аптского, представил творение "О постановлениях киновитян". В первой части его (1–4 книги) говорится о внешних правилах монастырского подвига, а во второй (5–12 книги) — об опаснейших пороках. В другом творении, превосходящем все его прочие письменные труды, в форме бесед (Собеседований) изложил многостороннее суждение о внутренней жизни подвижника. В последнем, по-преимуществу, усматривается оригинальность труда, самостоятельность, новизна.

Рассматриваемую тему можно завершить словами вдумчивого исследователя его творений архимандрита Феодора (Поздеевского)⁶: "В рассуждении об указанных предметах преподобный Иоанн Кассиан сумел коснуться и выяснить все стороны и вопросы подвижнической жизни, чем дал прекрасное удовлетворение аскетическим запросам того времени, которые были очень сильны на западе среди христианского, а частью и языческого общества, увлекавшегося мистицизмом"⁷.

(Продолжение следует)

зять суетность вредного тщеславия, если станем говорить истину от своего лица" (486. См. с. 485).

⁶ Впоследствии архиепископ Волоколамский (в схиме Даниил). Скончался в конце сороковых годов текущего века.

⁷ *Архимандрит Феодор (Поздеевский)*. Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин. (Его жизнь и богословско-аскетические воззрения). Казань, 1908. С.10.

⁵ Ср. следующее свидетельство 17-го Собеседования: "Ибо правильнее будет под таким видом солгать, нежели... выска-

Прежнее вернулось переосмысленным

Интервью с поэтом и писателем Виктором Афанасьевым

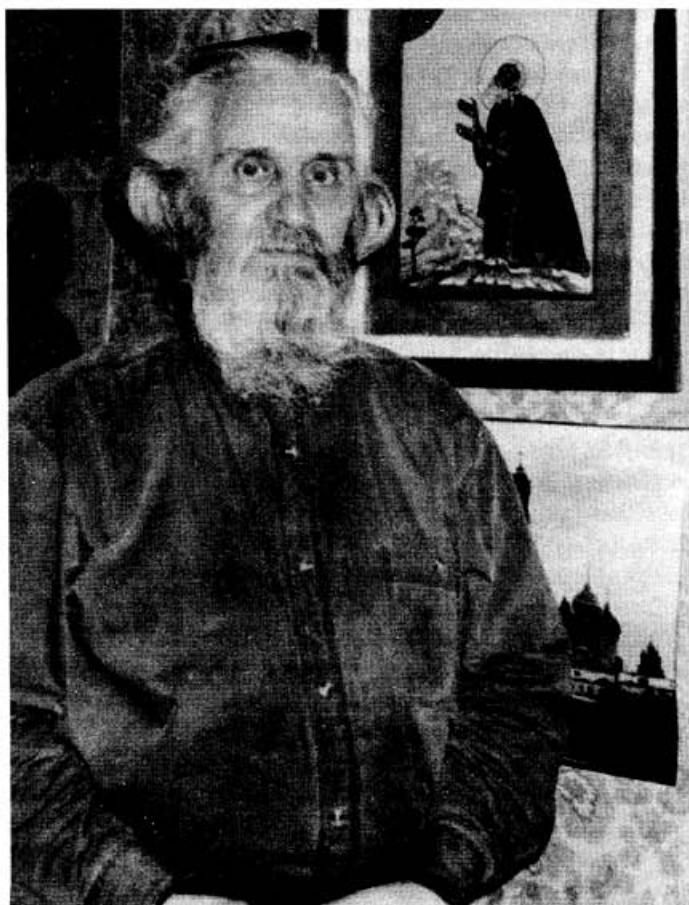
Тем, кто следит за книгами, появившимися с начала 1990-х годов на прилавках православных книжных магазинов, имя Виктора Афанасьева должно быть хорошо известно. Его знают, в первую очередь, как писателя (книги: "Дивный старец" — о преподобном Серафиме Саровском, 1993; "Жизнь святого Антония Великого", 1994; "Житие оптинского старца Варсонофия", 1995), широко известен он как церковный публицист, автор многих статей в "Журнале Московской Патриархии", журналах "Москва", "Литературная учеба" и др., а также как главный редактор издававшегося в 1991-1993 годах журнала "Глаголы жизни".

Сегодня В. Афанасьев предстает перед нами в новом качестве — как поэт. Поэтическая сторона его творчества еще мало известна широкой читательской аудитории, хотя уже вышел в свет первый сборник его стихов "Лествица", на который появились и первые отклики в церковной прессе (М. Дунаев. Православная беседа. 1997. №2). В настоящее время в издательстве "Отчий дом" готовится к выходу в свет еще один, значительно более обширный сборник его стихов под названием "Зреет жатва".

Подобная творческая многогранность, которая сама по себе — явление довольно редкое, неизбежно привлекает внимание читателя, особенно если учесть, что сам поэт определяет свое творчество как служение Богу через дар слова. "Пою Богу моему, дондеже есмь", — вот слова псалмопевца, которые могли бы звучать как доминанта всей жизни и творчества В. Афанасьева.

Несмотря на большую разницу в возрасте между поэтом и большинством наших читателей, его поэзия не оставит равнодушным никого из тех, кому дорога настоящая русская литература. Ведь его стихи несут в себе радость души, увидевшей Бога, встретившейся с Ним. В них нет ни надрыва, ни тягостного уныния, ни безнадежного отчаяния, столь свойственного современному поэтам, хотя покаянный мотив — один из главных у В. Афанасьева.

Чем же его поэзия может быть интересна современной верующей молодежи? В поэзии В. Афанасьева отражается молодость души, обновленной встречей с Богом, духовно ободренной Господом и готовой к духовной борьбе. Это ли не есть то состояние души, о котором пророк Давид говорит: "Обновится яко орля юность моя", и о котором уже и не подозревает наш мир?

Но вдвойне интереснее для нас становятся эти стихи, когда мы увидим, что непосредственность и живость восприятия мира, искупленного и преображенного Спасителем, сочетается у автора с душевной зрелостью и жизненной опытностью, то есть с тем состоянием, когда многое пережито и есть чем поделиться... Но, конечно же, читатель сам оценит предлагаемые его вниманию поэтические строчки.

Нам остается добавить, что подборка стихов, которая следует за интервью, была сделана Виктором Афанасьевым специально для журнала "Встреча" и публикуется впервые.

— Виктор Васильевич, не могли бы Вы кратко рассказать нашему читателю о своем жизненном и творческом пути?

— Мне шестьдесят шестой год. Уже есть основание говорить, что жизнь “прошла”, хотя — как смотреть... В последние шесть-семь лет жизнь моя неизмеримо более наполнена чем-то настоящим, чем целые десятилетия в прошлом. Сколько блужданий и поисков! Сколько ложных тропок... Да и обстоятельства жизни по большей части были весьма суровы. Вообще — сердце сжимается даже не от грусти, а от боли, когда оглянешься назад. Какое было время! И вот я отрок — голодный и раздетый, как и все в нашей семье... Меня одели в ремесленном училище. Учиться толком не пришлось. Мой трудовой стаж начался в 12 лет. Потом армия, работа на Крайнем Севере, в сибирской тайге. Я перепробовал множество профессий. Был и плотником, и кузнецом, и электромонтером, и переплетчиком, и механиком по лифтам. Все эти пути были очень тяжелыми, может быть, и потому, что я несмотря ни на что стремился к другому — именно к литературному творчеству. Стихи я начал писать в раннем детстве. Всегда много читал и уже юношей прекрасно знал не только русскую, но и мировую литературу. Печататься в периодике на периферии и в столице начал с 1949 года. В 1971 году я был принят в Союз Писателей как поэт. Семья наша была нецерковной. Я не был крещен в детстве. Но я всегда был убежден, что есть Бог и есть ответственность человека за свою душу. Вот не понимал только — зачем Церковь. Это вспоминать горько... Читал Толстого, Ренана, Эмерсона, Ганди... Воспитывался “нравственно”. Начал писать биографии поэтов первой половины XIX века — “вокруг Пушкина”: мне очень нравилась эта эпоха. Результатом весьма усидчивого труда в библиотеках и архивах явились мои книги о Жуковском, Козлове, Батюшкове, Языкове, Рылееве, сборник “литературных портретов” менее известных стихотворцев той поры. Выпустил ряд жанровых антологий по тому же времени (“Русская элегия XIX века”, “Стихотворная повесть XIX века” и т.п. — со вступительными статьями и комментариями). В общем много работ разного рода, издания сочинений разных авторов, публикации в периодике и другое, в том числе и богатый фотоальбом по Лермонтову. Последняя работа в этом плане — биография Лермонтова в серии ЖЗЛ издательства “Молодая гвардия” (1991), и после этого в моей литературной работе произошел переворот... Я пришел в Церковь. До этого я не мог и предположить, что Господь так властно меняет сознание и так щедро одаряет — и чем? Тем, без чего вообще нет жизни, нет смысла ее и нет вечного спасения! Жизнь не стала легче. Во многом даже труднее стала. Но явились столь дорогие вещи, без которых уже невозможно

жить. Прежнее сначала совсем ушло, но потом отчасти вернулось — переосмысленным. Книги мои стоят на полке — иной раз откроешь, взглянешь на некоторые страницы — и за голову схватишься... Да, как не хватало вот этого сегодняшнего, хотя и не совсем, может быть, очищенного сознания! Не помню — как, но начал я писать книгу о великом нашем святом — преподобном Серафиме Саровском (“Дивный старец”). Никогда не работал я вот с таким теплым чувством, особенным... Затем явились книги о святых Антонии Великом, оптинском старце Варсонофии, последнем настоятеле Оптиной Пустыни преподобномученике Исаакии Втором... В “Журнале Московской Патриархии” были опубликованы и тот же “Дивный старец”, и “Жизнь святого Антония Великого”, а также история явленной чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери (в двух номерах), очерк о старцах Оптиной Пустыни. Вот такая работа пошла у меня. Стихи же (а ведь я вступил в Союз Писателей именно как поэт) были давно оставлены, я их не писал лет, наверное, двадцать... Никак я не думал, что и это вернется, но также в ином качестве. Осенью 1995 года вдруг (именно так!) написал несколько стихотворений. Я даже смущен был: продолжать ли? И решил испросить благословения у близкого мне духовно оптинского иеромонаха и скитона начальника отца Михаила (Тимофеева). Послал стихи с твердой решимостью в случае неодобрения не писать их более. Но одобрение было получено. В следующем году вышел сборник стихов под названием “Лествица”. Сейчас готовится к печати и другой стихотворный сборник — “Зреет жатва”. А я продолжаю писать... Ну вот и всё, что могу я рассказать о себе.

— Спасибо. Вот, Вы на том переломе, о котором рассказали, начали переосмысливать сделанное ранее, то есть у Вас изменились представления о русской поэзии XIX века того периода, о котором были написаны Ваши книги и которому посвящены были Ваши антологии и многочисленные комментированные издания авторов. Каким же оно стало, это представление?

— Вы знаете, в истории и, в частности, в истории литературы издавна начали вырабатываться некие штампы — в этом была определенная даже преднамеренность... Мне сегодня бывает страшно подумать — сколько, стараясь прорваться к “правде” (какой?), впитал я в свой мозг и в свою душу лжи! Ложь катилась на народ — на читателя — широкой волной. Истоки ее в XVIII веке, когда в России наука и издательское дело находились полностью в руках масонов и всякого рода реформаторов католического, протестантского или деистского толка. Тогдашняя читающая публика — высший слой общества. Ну, это ныне

уже известно достаточно хорошо, в последние годы появилось немало правдивых работ. Этот высший слой как-то сразу и повально стал раболепствовать перед Западом. Какие одежды появились на бывших боярах! Парики, чулки, башмаки... “Французского” или “немецкого” покроя камзолы, кафтаны... И всё в доме — обстановка, посуда, еда, а главное, книги в шкафах — всё западных “просвещенных” авторов, толкующих о Боге на чуждый русскому человеку лад. В помещичьих усадьбах библиотеки были набиты масонскими и протестантскими изданиями на нескольких языках. Новиков и Лопухин, а с ними и директор Московского университета в конце XVIII века Иван Тургенев, и директор Дворянского пансиона при университете А. Прокопович-Антонский, масоны высших степеней, развили бурную издательскую деятельность. Шло наступление на Православие. Под влияние этих масонов попадали талантливые литераторы — Карамзин, Дмитриев, Жуковский... Трудно было некоторым из них выбраться потом из этого болота... Масоны наложили отпечаток на всю культуру начала XIX века, а ведь это было время, когда появились только н а ч а л а нашей классики. Коротко говоря, в моде стало все не русское, а либо “эллинское”, либо “байроническое”, либо... какое угодно. За способность перевоплощения русского поэта в испанца, итальянца или немца хвалили: “Пушкин — Протей!..” “Всемирная отзывчивость...” и тому подобное. Растекаться мыслью по всему миру и по всем векам считалось признаком высокой талантливости. Жуковский в молодости строил грандиозные планы переработки эпоса всех главных народов Европы... Большую дань отдал он “всемирности”, но в тяжелой борьбе сумел преодолеть погибельную напасть, стал православным человеком (как и Пушкин в конце жизни). Много можно говорить обо всем этом... Классическая проза наша вышла на первый план перед церковной, предлагая своих героев для подражания, свои идеалы, кощунственно заслоняя образ Христа... Но об этом уже есть работы М. Дунаева, И. Есаулова, В. Воропаева. Что касается именно православной струи в светской литературе, то она была всегда, начиная с образцов древнерусской литературы, потом Ломоносова, Державина, — есть ее след и у Пушкина, Лермонтова, сильнее — у поэтов близких к славянофильскому направлению русской мысли (Хомяков, Языков). Я начал в журнале “Православная беседа”, кажется, с 1991 года, с первых номеров, именно антологию вот такой православной русской поэзии XIX века (“Приидите, возрадуемся Господеви...”) — именно тогда появились подборки стихов Вяземского, Жуковского, Ивана Козлова. Потом продолжал эту антологию М.М. Дунаев, она не окончена и донныне. Почти у каждого русского поэта есть хоть несколько стихотворений в православном духе. Иные поистине замечательны и по сти-ху, и по своей высокой духовности... Но в творчестве

каждого из этих поэтов они занимают весьма малое место. Это очень печально. Другое дело, что во многих сочинениях если и нет открыто религиозной темы, но “подкладка” там именно православная: вот это чаще и дает право считать нашу классику православной (об этом написана книга И. Есаулова). В общем картина сложная. Поэты русские — за редкими исключениями — были людьми нецерковными, увлеченными абстрактными идеями (вроде борьбы добра и зла в мире). Верными Церкви и Христу и в сознании своем, и в творчестве были Гоголь, Иван Киреевский, К.Р. (Константин Романов, Великий князь). Можно назвать и еще несколько человек, но очень немного (поздний Пушкин, поздний Языков, Хомяков, даже Лермонтов, в последний год читавший “Добротолубие” и делавший выписки из посланий апостола Павла). Хочется еще добром помянуть хотя и не поэтов (о чем у нас речь), но прекрасных духовных писателей того времени, абсолютно замолчанных литературоведением — Андрея Муравьева и Авраамия Норова. Как видите, трудно даже вот так суммарно обрисовать ту литературную эпоху... Вернемся к вопросу о лжи: историки оболгали нас всех наших государей, начиная от первого помазанника Божия Иоанна Васильевича Грозного и кончая Государем мучеником Николаем Александровичем. Неимоверно расхвалены были декабристы за их революционную деятельность, но совсем замолчан важнейший вопрос об их покаянии перед Россией и Церковью: ведь многие из них искренне покаялись (даже Рылеев перед казнью). А ведь среди декабристов было немало стихотворцев. И мы можем найти у них не только бунтарские стихи, но и искренне религиозные (например у В.К. Кюхельбекера). Лгали не только советские ученые — нет! Лгали демократы прошлого века. Лгали такие историки, как Костомаров. Лгали напропалую литературоведы. Лгали преподаватели... Будто сговор был какой. Похоже, что и была такая преднамеренность — христорборчество... Сколько поколений не пришло из-за этого в Церковь! И вот я вообще не зачеркнул бы свои книги о поэтах XIX века, но многие страницы переписал бы. Хотя — дело сделано... А вообще, если честно, мне не хочется возвращаться к этим темам. Как бы то ни было — я их пережил.

— А сегодня? Существует ли у нас духовная — православная — поэзия?

— Да, есть поэты и хорошие... Это покойный поэт А. Солодовников, скончавшийся в 1970-х годах, его стихи изданы недавно. Вот у вас был разговор на страницах “Встречи” с прекрасной поэтессой Ниной Карташовой. Это высокий уровень. Так вообще — многие пишут сейчас на духовные темы, но это поток, в нем мало яркого, запоминающегося... Знаете, вряд ли я отвечу как следует на этот вопрос. Начинаешь думать, искать в памяти... Если есть замечательный поэт со своим голосом, разве будешь “вспоминать” о

нем, ах-де, вот забыл, как его... Но вот и не помню. Простите. Иеромонах Роман? Да, это прекрасный духовный "бард" (как ныне это называют), иные его песни очень умиляют душу, но отдельно от пения мне многие его стихи кажутся незрелыми, непрофессиональными. Это не в укор, он ведь не стихотворец, а инок, он делает очень доброе дело — молодежь принимает его песни хорошо. Добавим, что они хороши для определенного возраста (духовного): перед началом или в самом начале. Надеюсь, что я не сказал здесь ничего неприятного для отца Романа...

— **Свойственно ли поэту в какой-то степени пророческое служение?**

— Да, многих называли "пророками", но: светские люди светских людей. К Пушкину применяли это слово... Однако это вещь невозможная. Поэт — пророк? Ну что ж: преподобный Ефрем Сирийский — он переводится-то у нас прозой, но он всегда стихотворец и пророк! Его сочинения у нас недавно переизданы. Вот и проза, а какая бездна высочайшей духовной поэзии! Да что же, ведь и псалмы святого Царя Давида — пророческая поэзия, тут не надо ничего объяснять. Он величайший поэт всех времен и народов. В его "стихах" такая глубина, такая красота, что ее не исчерпаешь, сколько не читай (хотя и это переведено прозой, но какой! Это гениальный перевод: недаром так хорошо поются в церкви псалмы...) Гимны Симеона Нового Богослова... У Церкви огромное поэтическое богатство: песнопения Иоанна Дамаскина, Романа Сладкопевца и множества других святых авторов... Ну вот это — пророки. В миру, в свете — вряд ли возможно подняться на такую высоту духовного творчества... Ведь без духовного делания ничего этого не сотворится. И какого делания... Нет-нет, — не надо так ставить вопрос. Мирская гордыня может заблудиться и сказать невесть что о каком-нибудь пусть и хорошем, но младенствующем духовно поэте. Нет пророков среди поэтов XIX века. Нет и ныне.

— **А что Вас подвигает на поэтическое творчество духовного характера? Зачем оно вам?**

— Спасибо за вопрос! Только очень прошу верить мне, я скажу правду. Сначала о второй части вопроса. Раньше (конец 1960-х — начало 1970-х годов) я писал стихи и издавал сборники для читателя и думал, что пишу хорошо, а значит стану известным. Тут была изрядная доля честолюбия. Я знал об этом, но не считал это плохим, так как, читая многое, я читал и Адама Смита (который упомянут в "Евгении Онегине" А.С. Пушкина): он, трактуя об основах капиталистической экономики, очень вдохновенно и ярко высказывался о "прекрасном" и мощном двигателе в душе человеке — честолюбию. Оно, мол, горы своротит и сделает мир прекрасным... Я ловил похвалы... Меня хвалили маститые (в то время) поэты. Я считался учеником Павла Антокольского... Кроме того, я

самоучкой изучил французский язык и переводил таких поэтов, как Бодлер и Малларме. Это кошмар — по сегодняшнему моему разумению... А сейчас я пишу для себя. Даже не для того, чтобы перечитывать, как бы вдумываясь в собственный опыт. Нет. Вот есть состояние души — оно и запечатлелось. Но не разом и не без помарок (как, например, пишет, по ее словам, Нина Карташова), а чаще всего перемарывая много-много раз и слова, и строки... Иногда на одну строку уйдет едва ли не целый день. Изредка и сразу напишется... Неудобно вот так публично говорить об этом, но стихи у меня — часть моей работы над своей душой... Ну и в какой-то степени — "рукоделие". Всякий писатель, поэт — графоман! И я люблю бумагу, люблю вообще писать, и долго без этого занятия не могу! Я, кажется, отвечая на вторую часть вопроса, ответил и на первую...

— **В самом деле... Недаром и название Вашего сборника стихов: "Лествица"... Это духовная работа мысли, души... Не столько литературное творчество, сколько духовное делание мирянина... Что же, всякий православный человек употребляет все доступные ему благие способы для того, чтобы отрешиться от "ветхого" человека. А всё же, что такое духовная поэзия?**

— А она вот то самое и есть, о чем вы только что упомянули. Именно духовное делание, боюсь, не слишком ли высоко скажу, но это — род богомыслия... Я еще вот как подумал и с такой мыслью послал в Оптину стихи: если сможет монах читать, увидит в этом что-нибудь кому-то полезное, то значит они "духовные".

— **Скажите, насколько близки друг другу, по Вашему мнению, понятия патриотизма и православной духовности?**

— Когда в патриотизм вмешивается откровенная политика, страсть борьбы (до ненависти) — тогда о духовности не может быть и речи. А этого-то как раз очень много. Пусть тогда в стихах будет звучать и имя Самого Бога — все равно Его там не будет... Другое дело — чувство Родины, слитое с любовью к родной природе, созданию Божьему, к той земле, где мы родились и в которую ляжем... К видимому образу духовности — к православным церквям и монастырям, которые так родственно слиты с нашей, как говорят, неяркой, но, по-моему, необыкновенно прекрасной природой. Она открыта лишь духовному русскому взору, как одна из книг Господних. В этой связи вспоминаю архимандрита Антония (Медведева, 1792–1877), наместника Троице-Сергиевой Лавры, духовника святителя Филарета. Он долгие годы нес очень хлопотное служение. Но с каким трепетным вниманием относился он к природе! В его письмах везде сквозит она. Он в пчелках и бабочках, распе-

тах и закатах, березках, в ночном небе или первом снеге — везде видит Божью красоту и Божье поучение. “Человек есть малый мир, — писал он. — В нем тоже совершается нравственно и духовно то, что совершается в мире, видимом материально. В нем есть своя весна, свои цветы, свое лето, жары, свои осень и зима... В видимом мире отраду и обновление дает солнце, а в малом мире, человеке, — Бог! Бог есть солнышко нашей души”. Мне русская наша природа дает в таком вот именно духовном отношении очень много. Всеми силами души люблю ее. Как Божью, прекраснейшую в мире... Ее портят. Но портят и человека... Она была повреждена грехопадением человека и ныне страдает вместе с ним... То, что мы видим, — это остатки рая сладости, о чем говорил нередко своим ученикам преподобный Варсонофий, старец Оптинский. Не решаюсь цитировать себя, но все же:

От стужи зимой обмирая
И Богу молясь в полусне,
Мечтают деревья о рае,
О вечно цветущей весне, —
Там некогда жили растенья
Под небом всегда голубым
До нашего грехопаденья,
Ударившего и по ним.

Еще могут быть очень близки понятия духовности и патриотизма в стихах на исторические темы. История Святой Руси дает много такого материала — был бы соответствующий дар у поэта... У меня мало таких стихов, но есть — о начале Троице-Сергиевой Лавры (стихотворение), о преподобном Сергии, вернее, о его отрочестве (поэма), о Куликовской битве, точнее — об иноке Пересвете (поэма). Но это для меня менее свойственно, как я чувствую. Мне все-таки ближе все то, о чем я говорил выше.

— **Мне известно, что в последнее время Вы начали писать стихи для детей. Не есть ли это нечто упрощенное, как бы сниженное?**

— Да, я теперь и для детей пишу, а точнее, для отроков именно в возрасте 7–14 лет. Но какие это в моем представлении дети? Это благочестивые, любящие Церковь отроки и отроковицы. Их много! Это та драгоценная поросль, которой надо помогать всеми мерами. Это наше православное грядущее! Не дай Бог, кто из них, повзрослев, отойдет от идеалов своего детства, да, может быть, и далеко отойдет!.. Исполнится юноше 16–17 лет, там друзья, соблазны, всякие совратители... Больно думать об этом. А у этих-то детей почти нет равного их возрасту духовного чтения. Кое-что начало появляться: детские православные журналы “Пчелка”, “Купель”, “Зорька”, есть и книги, особенно переиздания старых. Я и сам лелею мечту о детском журнале и считаю крайне важным делом — послужить право-

славным отрокам. Ничего “сниженного” им давать я не собираюсь. Этого нельзя делать. Всерьез, но — доступно!

— **Как я понял и в чем уверен, Вы много на своем веку перечитали. Сейчас у Вас кардинальная смена чтения... Что Вы могли бы порекомендовать нашим студентам для прочтения с высоты вашего читательского и писательского опыта?**

— Да, смена решительная... За несколько лет мои книжные шкафы и полки обновились, пожалуй, почти на все сто процентов: то есть вместо множества, великого множества всяких книг появились книги духовные: творения святых отцов, жития святых, книги по истории Церкви, монастырей, по русской истории и так далее. Это происходило исподволь, постепенно... Я и сам не заметил, как исчезло почти всё старое. Остались некоторые поэты. Вот я думаю о своем прошлом: почему это мне в руки ничего из этого не попало тогда? В самом деле. И теперь дорожу “новыми” своими книгами, приумножаю при случае — и сколько нужнейшего... Вот она, настоящая-то литература! А не та, гордая и напористая, которая рвалась наверх, на свет и морочила нас...

Что прочесть? Можно назвать многое, но все же не буду делать рекомендательного списка, а назову одного автора — это преподобный Ефрем Сирийский, творения которого переизданы в восьми томах в 1993–1995 годах (издательство “Отчий Дом”). И еще “Псалтирь, или Богомысленные размышления, извлеченные из творений святого отца нашего Ефрема Сириянина и расположенные по порядку псалмов Давидовых” (переиздано в 1992 году) — это составлено святителем Феофаном Затворником. Вот это поистине чтение на каждый день, чтение духовно усладительное, а часто и поражающее неожиданными совпадениями с состоянием души читателя... “Псалтирь” преподобного Ефрема — высочайшая духовная поэзия, ее можно читать молитвенно. Недаром творения преподобного в древности нередко читались в храмах.

— **Что бы Вы хотели сказать в заключение?**

— Благодарю за вопросы, за доброе внимание. Вы очень счастливые люди: вам открыта такая возможность служения Православной Церкви, вы живете в святом доме Преподобного Сергия, пьете из святого духовного родника... Помогите вам Господь во всем добром!

*С В.А. Афанасьевым беседовал
Дмитрий Моисеев, 1 курс МДА*

ВИКТОР АФАНАСЬЕВ

СТИХОТВОРЕНИЯ для "ВСТРЕЧИ", 1997 год

* * *

Тебя в своем сердце убогом
И дома, и в храме святом
Просил я, о Боже, о многом,
Но чаще всего не о том.
Дай то, что всего мне дороже,
Чем жить и дышать я рожден, —
Подай мне любовь к Тебе, Боже,
И буду я с нею спасен!

* * *

С первого жизни дня
И до могилы вплоть,
"Любишь ли ты Меня?" —
Нам говорит Господь.

Спрашивает всех нас,
С каждым наедине.
В сердце Господень глас,
Где-то на самом дне.

Долог ли жизни сон?
Чу! колокольный звон —
Спящего будит он:
"Хочешь ли быть спасен?"

ОБЛАКА

Дремлет неба вышина
Неподвижной пеленой —
Голубая тишина
Над зеленой тишиной.

Там белее молока
Из надоенной бадьи
Кучевые облака —
Крутогрудые ладьи.

Вот сиреневая тень
Пробежала через сад —
Уплывает летний день,
Не воротится назад.

Те печальные ладьи
Не нагружены совсем...
Сердце вспомнило твои
Словеса, святой Ефрем:

Каждый день и каждый час —
Это жизни нашей часть,
И бегут они, но ждут,
Что возьмемся мы за труд...

Поглядел я вслед ладьям,
Сокрушился до зела:
Вся-то жизнь моя уж там!
Незаметно уплыла.

* * *

Вся на костях стоит Россия,
На прахе всех лихих годин,
И это люди всё такие,
Что Бог их ведает един.

Давно синодики истлели,
Иссякла память в род и род,
Но неужели в самом деле
Забытым может быть народ?

Мы без имен помянем ныне
Безвестных всех за все века, —
Их души там, в небесной сини,
Услышат нас наверняка.

Весь сонм их, с именем Христовым,
В тот час движением одним
Падет перед Его престолом
И нас помянет перед Ним.

* * *

Вспомнил я в эту полночь, увидев звезду,
Как молился Господь в Гефсиманском саду,
Как покорно склонялся на волю Отца,
Чтобы чашу страдания пить до конца...
И душа задрожала моя от стыда:
Почему я не помню об этом всегда?

* * *

Не вечен этот мир, не вечен,
В отличие от души моей,
Но только сердцем человеческим
Его люблю я все сильнее.
Люблю как Божие создание,
Как дом, построенный для нас,

В котором крестное страданье
 Терпел Всемилостивый Спас,
 Где мы Апостолам внимали,
 Где шли на муки за Христа,
 Где каялись и принимали
 Святыню Господа в уста,
 Где на широкую дорогу
 Мы шли, покинув тесный путь,
 Где, возвратившись снова к Богу,
 Рыдали, пав Ему на грудь;
 Где всё — цветы, деревья, реки,
 Деревни, храмы, города —
 Запечатлелось в человеке
 Как образ милый навсегда.

* * *

Тишина... Спит на зное лес...
 Да и птицы, видать, заснули...
 Что приветливее небес
 Голубых — где-нибудь в июле?

Вот и осень, и холода...
 Будто не было нам и лета...
 Что суровой небес, когда
 В облаках не видать просвета?

Еще жизнью земной дыша
 И готовясь еще в дорогу,
 Рвешься, грешная ты душа,
 Сквозь лазурь и ненастье к Богу.

УГОЛОК

Старый дом над речкой,
 Гребень крыши крут...
 Уголок за печкой —
 Временный приют.
 Здесь как будто келья, —
 Вот и крест святой...
 Над простой постелью
 Сохнет зверобой.
 Дни летят, как птицы,
 Тают вдалеке...
 Хорошо молиться
 В тихом уголке.
 Здесь душе свобода —
 Счастлива она,
 Что вокруг природа
 Господом полна.
 Оттого и милы
 Рощи и поля,
 Что духовной силы
 Здесь полна земля.
 И от неба тоже
 Взора не отвести,
 Потому что Божье
 Всё, что там ни есть.

Небо и растенья,
 Всё, что видим тут, —
 Уголок спасенья,
 Временный приют.

НА КЛАДБИЩЕ

Есть особенная отрада
 Для печалющейся души —
 За кладбищенскою оградой
 У могилки побыть в тиши.
 Отошла литургия в храме,
 По домам разошелся люд,
 А на кладбище-то, над вами,
 Хоры Ангелов всё поют...
 А под вами — хоть не родные,
 Да не больше ли чем родня —
 Православные чада России,
 Мирно ждущие Судного Дня.
 Вы прислушайтесь — голос праха
 Сердцу внятн, а не ушам, —
 Не тревожен он, нет в нем страха,
 Оттого и отрадно вам.

О ХОЖДЕНИИ

Путем гористым, что, белея
 Под солнцем, жег стопы огнем,
 Из Иудеи в Галилею
 Господь не раз ходил пешком.
 На бой о неверием и ложью
 Стран мира чуть ли не всего
 Ходили с посохом дорожным
 Пешком Апостолы Его.
 Такой же пеший труд подъемля,
 Переноса мороз и зной,
 Шли странники в Святую Землю
 И по путям Руси родной.
 Об этих путниках усталых,
 В душе несущих веры свет,
 Мы лишь читаем в книгах старых,
 А на дорогах их уж нет.
 Такое пешее хожденье
 К святыням в дальние места
 И труд был Богу в угожденье
 И память пеших троп Христа.

ДЕРЕВЕНСКИЙ ДОМ

Стих шорох ночного дождя,
 И сосен зарделись вершины,
 И солнце под крик петушиный
 Всё жарче пекло, восходя.
 Синели заречные дали,
 Вилась косогором тропа...
 А плотники бревна тесали,
 И пахла смолою щепы.

День за день трудились все лето,
 Всё ладя своим чередом, —
 И вот золотистого цвета
 Поднялся над речкою дом.
 Да, он потемнеет с годами
 От ветра, морозов, дождей —
 Не то ли бывает и с нами,
 Шадит ли природа людей?
 Под этой ветшающей сенью
 Неправда гнезда не вила —
 Здесь жили любовь и смиренность,
 И теплая вера жила.
 И вот, обветшавший сегодня,
 Он тленья и смерти сильней:
 Стоит в нем икона Господня,
 Лампада горит перед ней.
 То радости вечной отрада!..
 Не жаль мне, что жизнь протекла,
 Но думаю с грустью — лампада
 В душе моей всё ли светла?..

* * *

Помилуй, Владыко вселенной, —
 Мне глаз не поднять к небесам
 Душа моя — храм разоренный,
 И тот разоритель — я сам.

Я храм этот строю и рушу,
 И падаю день ото дня...
 Спаси мою бедную душу
 От дьявола и от меня!

* * *

Есть минуты, когда для меня
 Не мила никакая отрада, —
 Как бы душу мою хороня,
 Обступают ее силы ада.
 Всем знакома такая беда!
 Не спастись одному среди битвы —
 Не дают нам погибнуть тогда
 Друг за друга святые молитвы.

ДЕТИ-МУЧЕНИКИ

Четырнадцать тысяч смертей
 Кровавые косы точило, —
 Четырнадцать тысяч детей
 Убито за Господа было.
 Венцы, что от Бога им всем
 Даны были, дивно красивы!
 Но ужас твой, о Вифлеем,
 Прошел и по нашей России.
 Был Ирод-убийца и тут,
 Раздувшийся злобой не в меру,

Который принялся, как спрут,
 Душить православную веру.
 Тогда миллионы смертей
 И старых, и малых косили,
 А начали с царских детей —
 Надежды Христовой России.
 Шли дети путями отцов,
 К крестам прибывали их руки,
 И самых прекрасных венцов
 Их Бог удостоил за муки.
 С детьми Вифлеема сошлись
 Они у престола Господня...
 Их тысячи тысяч! Молись
 Им, отрок, живущий сегодня!

ТОБОЛЬСК

Спит Цесаревич... Нет
 Света у дочерей...
 У Государя свет
 Виден из-под дверей.

Письма ли пишет он,
 Молится ли он там,
 В думу ли погружен —
 Комната эта — храм.

И по России враг
 В мраке грядущих лет
 Не омрачит никак
 Тот Государев свет.

НОЧЬ

Какая тишина
 Под звездами ночными!
 Земля освещена,
 Как Божья церковь, ими.

Таинственно горят
 В небесном храме свечи
 И как бы говорят,
 Что их возжег Предвечный.

Ах, дивный этот час,
 Благоговенья полный,
 Пронизывает нас
 Молитвою безмолвной.

Молись, мой друг! Твой вздох,
 Раскаяньем согретый,
 С любовью примет Бог
 В чудесной церкви этой.

Старец Иосиф Исихаст

Безусловно, старец Иосиф Исихаст, или Пещерник (Спилеот), является одной из самых замечательных духовных личностей нашего столетия. Он показал своей жизнью, что и сейчас достижим тот уровень святости, который был у древних отцов. Он был учителем “умного делания”. Сам опытно изучивший искусство молитвы, и прежде всего умной молитвы, он делился своим опытом с другими. Он воспитал трех игуменов монастырей на Святой Горе. Один из его учеников, отец Ефрем, который написал это его краткое жизнеописание, сам основал за последние пять лет десять монастырей в Америке. Все это — плоды духовности старца Иосифа.

Конечно, чтобы представить во всей полноте образ старца Иосифа, недостаточно маленькой статьи. Однако пусть нижеприводимое жизнеописание старца послужит знакомству русского читателя с этим удивительным подвижником.

Вспоминаю, мне было пятнадцать лет, когда я направился в удел Божией Матери — на Святую Гору. На этот путь к монашеской жизни меня наставила моя добродетельная и монахолюбивая мать — ныне монахиня Феофания.

В первые годы несчастий оккупации¹, когда ради работы я прервал свое обучение в гимназии, в одну из двух церквей старостильников² в Волосе пришел служить священником один иеромонах-святогорец. Он был монахом у старца Иосифа Исихаста, как его называли. Этот иеромонах-святогорец стал для меня в то время многоценным советником и помощником на моем духовном пути. Он стал моим духовником, и благодаря его рассказам и советам через непродолжительное время я начал чувствовать, как мое

сердце отдаляется от мира и прилепляется к Святой Горе. Также когда он рассказывал мне о жизни старца Иосифа, что-то воспламенялось внутри меня, и жаркими становились моя молитва и желание познакомиться с ним.

Когда настало 26 сентября 1947 года, кораблик не спеша переносил нас из мира на святоименную Гору — кто-нибудь сказал бы, что он вез нас от берега переходящего к противоположному берегу — вечности. На ступеньках, ведущих к монастырю святой Анны, нас ждал благочестивый старец отец Арсений.

— Ты не Яннис из Волоса? — спросил он меня.

— Да, старче, — отвечал я ему, — однако откуда вы меня знаете?

— А, — сказал он, — старец Иосиф знает об этом от святого Иоанна Предтечи. Он явился ему вчера вечером и сказал: “Я несу тебе одного ягненка, прими его в свое стадо”.

Я всей мыслью обратился к святому Иоанну Предтече — своему предстателю, на рождество которого я родился. Я чувствовал глубокую признательность ему за эту его заботу.

¹ Греция в 1940 году была оккупирована немецкими войсками.

² Речь идет о раскольниках в Элладской Церкви, которые, не приняв ее перехода на григорианский календарь, отпали от тела Церкви. Сейчас существует множество “синодов” старостильников, которые предали друг друга анафеме и усугубили этот раскол.

— Ну, Яннис, пойдём, — сказал мне отец Арсений. — Пойдём, потому что старец ждёт нас.

Мы поднялись. Что за чувства! Сколько бы сил у кого ни было, он не смог бы описать их. В тот вечер в церквушке святого Предтечи, которая была высечена в пещере, я сделал поклон, знаменующий мое вхождение в послушание. Там в едва заметном свете моя душа своим особым образом узнала светлый образ моего святого старца.

В нашей общине я был самым младшим по телесному и духовному возрасту. Старец Иосиф был одной из величайших святогорских духовных величин нашего времени. Я прожил близ него двенадцать лет, обучаясь у его ног. Столько же времени он прожил после того. Бог удостоил меня прислуживать ему до самого последнего его святого вздоха. И он был достоин всякого служения: за множество его духовных трудов, за его святые молитвы, которые он оставил нам как ценнейшее духовное наследие. Я узнал его как истинного богоносца. Великолепный духовный военачальник, опытнейший в брани против страстей и демонов. Невозможно было, чтобы человек пришел к нему и не изменился, каким бы страстным он ни был. Достаточно было только оказать ему послушание.

Говоря о монахах, выше всего он ставил хриstopодражательное послушание. Для мирян он предпочитал советовать умную молитву, однако всегда под руководством опытного наставника, потому что он видел множество раз, как люди впадали в прелесть.

“Видишь человека, который не принимает советов или не придерживается советов? Подожди, скоро

увидишь его в прелесть”, — часто говорил он нам.

В соблюдении нашего аскетического чина он был самым строгим. Всей своей душой возлюбил он “пост, бдение, молитву”. Хлеб и немножко еды он употреблял всегда в меру. Не ел свежей еды, если знал, что что-то осталось со вчерашнего или позавчерашнего дня. Однако по отношению к нам, молодым, был умерен в том, что касалось поста. Ибо видел столько телесных немощей, что рассудил за необходимое поберечь нас. Однако, кажется, вся его снисходительность исчерпывалась этим снисхождением. В остальном он был жестко требовательным не потому, что

не умел прощать ошибки или терпеть немощи, но желал того, чтобы мы мобилизовали все силы души и тела в аскезе. Ибо он говорил: “То, что не даем, чтобы это использовал Бог, использует другой. Поэтому и Господь дал нам заповедь возлюбить Его от всей души и сердца, чтобы лукавый не находил места и покоя остановиться в нас”.

Каждую ночь мы пребывали в бдении. Это был наш устав. Он требовал, чтобы мы до крови боролись против сна и нечистых помыслов. Он сам пребывал в бдении в темноте своей келлийки вместе со своим неразлучным другом — непрерывной умной молитвой. Даже будучи в уединении, он показывал, что знает о том, что происходит снаружи: как мы движемся и как ходим. С одного взгляда читал наши помыслы. И когда видел, что у нас была нужда в духовном укреплении, рассказывал нам о различных удивительных подвигах отцов-святогорцев. Он был даровитейшим рассказчиком. Когда говорил, хоте-

лось слушать его постоянно. Однако несмотря на всю свою природную одаренность, когда он начинал говорить нам о Божественном просвещении, о состояниях благодати, часто выказывал неловкость, потому что бедный человеческий язык не мог помочь ему выразить глубину его опыта. Он становился, как безгласный, как будто был далеко от нас, не будучи в силах говорить о том, что находится на сверхневедомой, сверхсветлой, высочайшей вершине мистических смыслов там, где пребывают простые и абсолютные, неизменные и сокровенные таинства богословия.

Мой старец не изучал богословие. Однако богословствовал с величайшей глубиной. В одном из своих писем он пишет: "Истинный монах, когда в послушании и исихии очищает чувства, когда его ум утишается и сердце очищается, тогда получает благодать и просвещение ведения и становится весь свет, весь ум, весь ясность; и источает богословие, так что если записывают трое, то не успевают за потоком благодати, который исходит волнообразно и распространяет мир и крайнюю неподвижность страстей по всему телу. Сердце пламенеет от Божественной любви и взывает: "Удержи, Иисусе мой, волны Своей благодати, потому что я таю, как воск". И действительно, оно тает, не выдерживая. И ум захватывается в созерцание, и происходит смещение, и человек пресуществляется и становится одним целым с Богом, так что не знает или отделяет себя от Него, подобно железу в огне, когда оно раскаляется и соединяется с огнем".

Из этих его слов видно, что Божественный мрак, который ярко освещается нетварным светом, не был неведомой и недоступной ему областью, он знал его как место и способ Божьего присутствия, как сокровеннейшее таинство, как сверхсветлый и сверхъяснейший свет. И это потому, что мой старец умел молиться. Много раз, когда он выходил после многочасовой сердечной молитвы, мы видели его лицо изменившимся и светлым. Не было ничего удивительного в том, что тот свет, в котором постоянно омывалась его душа, время от времени омывал также видимо и его тело. С другой стороны, светлый нимб святых есть не что иное, как отражение нетварного света благодати, который сияет и блещит золотом внутри них.

Чистота старца была чем-то удивительным. Помню, когда я входил вечером в его келлийку, все благоухало. Я чувствовал, как благоухание его молитвы наполняло собой все, что его окружало, воздействуя

не только на наши внутренние, но и на внешние чувства. Когда он беседовал с нами о чистоте души и тела, всегда в качестве примера приводил Божию Матерь.

"Я не могу вам описать, — говорил он, — насколько приятны Богородице целомудрие и чистота. Она есть единая чистая Дева и поэтому хочет, чтобы все мы были такими, и любит таких". И затем говорил: "Нет более благоуханной жертвы для Бога, сколько чистота тела, которая приобретает кровью и жестокой борьбой". И завершал: "Отсюда поспешите, очищая душу и тело, не принимайте никаких нечистых помыслов".

Если говорить о молчании, — ни одного слова он не говорил без нужды. Особенно в Великую Четырдесятницу, когда они были одни вдвоем с отцом Арсением и хранили молчание всю неделю. Разговаривали только с вечерни субботы до повечерия воскресенья, а остальное время недели — в молчании. Сообщались мыслями. И так как он видел в подвиге молчания большую пользу, то и нам запрещал разговаривать между собой — только по совершенной нужде можно было нарушать молчание. Когда Старец он посылал нас за пределы нашей пещеры для какого-то послушания, то от не разрешал нам разговаривать ни с кем. Помню, когда я возвращался, он всегда подробно расспрашивал, сохранил ли я абсолютное послушание и молчание. За два-три слова в нарушение заповеди мое первое правило было двести поклонов.

Однако этот небесный человек умел с таким умением излечивать страсти своих послушников, что они могли, оставаясь просто рядом с ним, становиться другими людьми. Но мало кто оставался. Многие уходили, ибо нелегко было оставаться рядом с ним. Особенно моему смирению его отеческая любовь дала такое воспитание, что многим, если услышат, это покажется невероятным. Например, за двенадцать лет, что мы прожили вместе, я считанные разы слышал свое имя в его устах. Чтобы позвать меня, он использовал все оскорбительные слова и все соответствующие украшающие эпитеты. Однако сколько любви в этих умышленных издевках, сколько непорочного интереса за этими оскорблениями! И сколь признательна моя душа теперь за эти хирургические вмешательства его чистейшего языка!

Мы прожили в пустыни достаточное количество лет. Однако от различных невзгод почти все заболели. Старец в молитве получил повеление спуститься ниже, как и произошло. Климат там был мягче, тру-

ды — умереннее, и мы пришли в себя, за исключением старца: он был болен на протяжении всей своей жизни. Хотите — от поста, хотите — от трудов бдения, от потов молитвы или от действия искушений, в любом случае от всего этого он дошел до того, что весь стал одной сплошной раной. Однажды я спросил его: “Старче, зачем вы теперь так поститесь, после столького истощения?” И он мне ответил: “Сейчас, дитя мое, я пощусь, чтобы наш благой Бог дал вам Свою благодать”.

Однако, несмотря на его телесные болезни и страдания, в нем чувствовалась такая душевная плодovitость и блаженство, что, затрудняясь описать это состояние, он говорил, что в нем находится нечто такое, как рай.

Наконец, пришло и время его отшествия. Своей смерти он ждал всю свою жизнь, потому что его пребывание здесь было борьбой, трудом и болью. Его душа жаждала упокоения, и тело тоже. И на нас, несмотря на то, что с самого начала он взрастил в нас постоянную память смерти, очень большое впечатление произвело его свывание со “страшнейшим таинством смерти”. Было видно, что он готовился к торжеству. Настолько его сознание уверяло его в Божией милости. Однако в последние дни он опять плакал больше обычного. Отец Арсений говорил ему, чтобы утешить: “Старче, за всю свою жизнь вы совершили столько трудов, столько молитв, столько плача и опять плачете?” Старец посмотрел на него и застонал: “Э-э, отче Арсение! Истина то, что ты говоришь, однако и я человек. Думаешь, я знаю, было ли угодно то, что я делал Богу? Он есть Бог: не так судит, как мы, люди. И, может, опять вернемся сюда, чтобы рыдать. Что успеет сейчас каждый из нас. Насколько пребывает в печали и плачет, настолько утешится”.

Его любовь к Божией Матери была выше всякого описания. Лишь только он упоминал Ее имя, как из его глаз начинали течь слезы. Он долгое время просил Ее, чтобы Она забрала его и чтобы ему отдохнуть. И Всецарица услышала его. За месяц раньше Она сообщила ему об его отшествии. Тогда Старец позвал меня и сказал, что нужно приготовить. Мы ждали.

Накануне его успения, 14 августа 1959 года, повидать его приехал господин Схинас из Волоса: они были очень хорошо знакомы.

— Как ваши дела, старче, — спросил он его, — как здоровье?

— Завтра, Сотир, уйду на вечную родину. Когда услышишь колокола, вспомнишь мои слова.

Вечером на всенощном бдении праздника Успения Богородицы Старец сколько мог пел вместе с отцами. На Божественной литургии, когда причащался Пречистых Таин, сказал: “Снаряжение Жизни Вечной”³.

Рассвет 15 августа. Старец сидит в своем мученическом креслице во дворе нашей келлии. Ждет часа и секунды. Он уверен в том, что ему сообщила Богородица, однако, видя, как время проходит и солнце поднимается, он начинает чувствовать нечто похожее на смущение, волнение от задержки. Это последнее посещение лукавого. Он зовет меня и говорит: “Дитя мое, почему Бог задерживает взять меня? Солнце поднимается, а я до сих пор здесь!” Видя, как мой старец скорбит и почти беспokoится, я осмеливаюсь сказать ему: “Старче, не смущайтесь, сейчас мы сотворим молитву, и вы уйдете”. Его слезы прекратились. Отцы, каждый со своими четками, сотворили усиленную молитву. Не прошло и четверти часа, и он говорит мне: “Позови отцов сделать поклон, потому что я уйду”. Мы сделали последний поклон. Вслед за этим он возвел свой взгляд горе и упорно смотрел около двух минут. Затем повернулся и, полный трезвости и невыразимого душевного изумления, сказал нам: “Все совершил, уйду, удаляюсь, благословите!” С этими словами он склонил голову направо, два-три раза тихо открыл и закрыл уста и глаза, и на этом все завершилось. Он предал свою душу в руки Того, Которого воделел и Которому работал от юности.

Это была смерть истинно преподобническая. Он поселил в нас чувство воскресения. Перед нами было мертвое тело, и нужно было скорбеть, однако внутри себя мы переживали воскресение. И это чувство больше никогда не исчезало: с тех пор им сопровождается всякое воспоминание о приснопамятном святом старце.

*Архимандрит ЕФРЕМ,
игумен святой киновиной обители Филофей
на Святой Горе Афон.*

*Перевод студента богословского факультета
Афинского университета Сергея Говоруна.*

³ Означает то, что необходимо в дорогу.

В ТЕМНИЦЕ БЫЛ, И ВЫ ПРИШЛИ КО МНЕ...

---

125 ЛЕТ ТЮРЕМНОМУ ХРАМУ

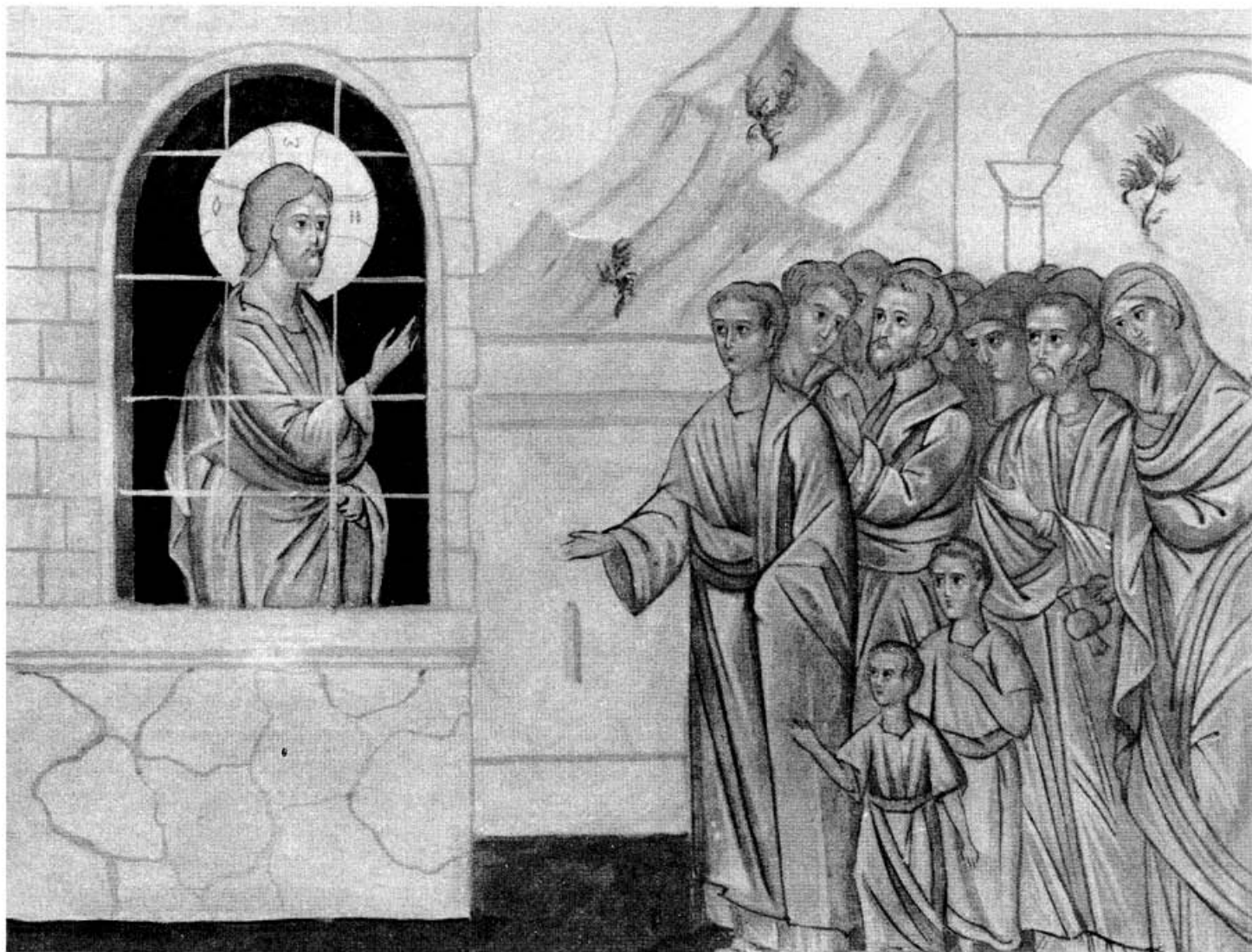
Более века назад, в 1872 году, в тюремном замке Сергиева Посада был освящен храм в честь иконы Божией Матери “Утоли моя печали”. Дальнейшая судьба этого храма весьма схожа с судьбами тысяч русских церквей: пришла богоборческая власть, и у храма было отнято его единственное предназначение. Этот храм, являющийся частью одного монолитного здания сергиево-посадской тюрьмы, стал камерой для заключенных. Такая необходимость вполне понятна — любая богоборческая идеология дает моральное право на преступление, о чем говорил еще Ф.М. Достоевский: “Если нет Бога, значит, я — бог. А значит, все дозволено”. Но если даже не дозволить “всего” под угрозой Уголовного Кодекса, если оставить прежние высокие христианские требования к нравственной жизни человека (а в действительности они были значительно снижены) и при этом “отделить” человека от Церкви, то ясно вырисовывается ужасающая картина жестокого государства. Ведь когда Православная Церковь требует от своих членов соответствующего образа жизни, то она и подает в своих Таинствах благодатную помощь для достижения этого совершенного состояния. Она же и врачует наказанием грех, который совершается гордой самоуверенностью, отрицающей эту помощь, или небрежным малодушием, неспособным ее принять. Но за что наказывает человека безбожное государство, лишившее его единственного средства, которое дает ему возможность достичь высокого нравственного

идеала? С какой картиной ассоциируется такая ситуация? — Посаженную на цепь собаку бьют за то, что она не бежит.

В этом смысле показательно, что какими бы средствами не боролось с преступностью безбожное государство, результат был обратным. Вот небольшой, но красноречивый пример. Небезызвестные петербургские “Кресты” были построены до Октябрьского переворота 1917 года в расчете на содержание 1000 заключенных. Советская власть эту норму увеличила до 3300 человек. Но в начале 1992 года в ней содержалось 6500, а в первом квартале следующего — 8000 заключенных. По свидетельству начальника следственных изоляторов Москвы Анатолия Семеновича Голубева, в Бутырской тюрьме даже в 1937 году содержалось заключенных меньше, чем осенью 1992 года. Вполне естественно, что ошеломляющий рост преступности (так же естественно порожденный богоборческой идеологией, не позволяющей выйти из этого замкнутого круга) потребовал ни много ни мало разрешения этой проблемы через увеличение числа мест лишения свободы.

Среди большинства сотрудников пенитенциарных учреждений бытует укоренившаяся убежденность, что исправить содержащихся в них людей невозможно, что не поможет здесь ни Церковь, никто другой: преступников нужно изолировать. Но, к счастью, и из этого печального правила есть исключения: капитан внутренней службы Елена Лео-

нидовна Усова — человек, который видит в заключенных не только преступников. Вот, что она рассказала о том, как началось сотрудничество сергиево-посадского СИЗО с Троице-Сергиевой Лаврой и МДА:

“Работа началась в марте 1989 года с беседы лаврских монахов с сотрудниками изолятора. А в конце года поступило много заявлений от заключенных с просьбой, чтобы пришел священник. Тогда обратились к наместнику Лавры архимандриту Феогносту, чтобы эти встречи стали постоянными. И с 12 ноября 1989 года каждый понедельник и вторник нас посещают лаврские духовники. Вначале им выделили маленькую комнатку, где стали исповедовать и крестить. Но камеры у нас большие, поэтому этой тесной комнатки было недостаточно. Тогда подняли архив в Лавре и выяснили, что здесь когда-то был храм. Старые сотрудники

СИЗО указали это место, они еще помнили это помещение с росписями. Сохранилось описание этого храма, эскизы иконостаса. Здесь размещалась обыкновенная камера. В декабре полностью освободили это помещение, а 27 января 1990 года была уже первая служба. Еще через несколько дней — первый престольный праздник. Службу в этот день возглавил архимандрит Феогност. С тех пор каждую неделю у нас бывает Божественная литургия. С этого же времени стали посещать СИЗО и студенты Академии, так как одним батюшкам — отцу Трифону и отцу Никодиму — это было не под силу, так как и крещений было много, и исповедей. Да и несовершеннолетних у нас много — около 100 человек. Вот и решили, что более доверительные беседы будут у них (несовершеннолетних — А.Б.) с ровесниками”.

Со своей стороны могу свидетельствовать, что взаимоотношения между нами сложились действи-

тельно доверительные. Но вот, что думают сами заключенные о наших встречах (на мои вопросы отвечают ребята из одной камеры, которую я посещал в течение двух лет).

— **Есть ли польза от того, что в СИЗО действует храм?**

Евгений, 17 лет: “Есть, конечно: душа радуется, разнообразие, общение”.

Олег, 16 лет: “Помогает излить душу. Приходишь загруженный, уходишь разгруженный”.

— **Какая польза тебе лично от посещения храма?**

Евгений: “Мать написала, что болеет, дома плохо... Любое письмо приносит расстройство. А здесь, в храме, успокоишься”.

Сергей, 17 лет: “Дедушке операцию сделали, я за него здесь помолился”.

Олег: “Это не только смена обстановки и отдых от камеры, но это отдых для души. Сама обстановка храма влияет”.

Евгений: “Возвращаешься в камеру и продолжаешь обдумывать то, о чем говорили в храме”.

— **Какие недостатки наших встреч? Ваши пожелания.**

Олег: “Мало, редко приходите”.

Евгений: “Только вопрос подготовишь, ждешь, ждешь — нету, как только вылетит из головы — приходите”.

Сергей: “Чаще приходите”.

С этими же вопросами я обратился и к Е.Л. Усовой.

— **Насколько полезны для заключенных эти встречи?**

— У нас изолятор, а не колония, текучесть до 1000 человек в год. Но все же можно заметить, что в камерах несовершеннолетних стало меньше стычек, хотя они живут по своим законам. Раньше у нас было много членовредительства: вены вскрывал каждый второй, глотали домино, перекрученные накрест гвозди, стекло. Сейчас это, к счастью, ушло.

— **Каковы Ваши замечания и пожелания?**

— Мы здесь работаем, получаем деньги. Вы ходите в свое свободное время. Вы сами знаете, насколько тяжелые бывают беседы. Так что только большое спасибо можем сказать. Приходите чаще.

“Приходите чаще”. В этой просьбе вовсе не упрек в небрежении к заповеди Апостола: *Помните узников, как бы и вы с ними были в узах* (Евр.13,3). Как бы часто ни приходил сюда, всегда слышишь эти слова. Для тех, кто бывал в этих условиях, “где капают едкие капли со свода”, это “приглашение” больше, чем понятно.

Александр Яровой (3 курс МДА) делится своими впечатлениями от работы в СИЗО: “Чувствуешь себя неуверенно, когдаходишь за эти высокие стены со своеобразной архитектурой и атрибутикой. Петляя по узким и бесконечным коридорам с чутко отзывающимися на звуки шагов плитами, я всегда задаюсь вопросом — сколько же здесь этих дверей с однообразным металлическим клетчатым орнаментом, приветствующих нас громким лязганьем своих засовов. Чувствуешь, что никто сюда по доброй воле не входит, и в такие минуты не создаешь себя исключением. Но становится стыдно за такие чувства, когдаходишь в камеру и видишь появившиеся улыбки ни лицах ребят, а в глазах возникающий интерес. А чтобы было полноценное

общение, чтобы найти живой путь от сердца к сердцу, нужно или их поставить на свои позиции, или самому понять их мировоззрение. В этом общении и сам получаешь огромную пользу, когда видишь, что в их душах находят свое место слова Священного Писания. Но этих посещений, к сожалению, так мало в общем потоке того, что сейчас происходит с их душами, столкнувшимися с миром за колючей проволокой”.

Мне же общение с этими ребятами всякий раз напоминает мысль Ф.М. Достоевского: “Они нехороши потому, что не знают, что они хороши. Когда узнают, то не будут насиловать девочку. Надо им узнать, что они хороши, и все тотчас же станут хороши, все до единого” (“Бесы”). И действительно, можно видеть, как, выходя из камеры в храм, у них меняются лица, взгляды. Сами они говорят, что во время этих встреч вспоминают нормальную человеческую речь, которая полностью заменяется в камере блатной “феней”. Почему так — смог ответить профессор протоиерей Глеб Каледа на основании своего богатейшего опыта работы в Бутырке: “Храм — это воля в заключении”. Нередко можно заметить, как во время этих бесед в тюремном храме у кого-нибудь из подсудимых заблестят глаза и он прилагает немало усилий, чтобы сдержать слезы. Но больше всего меня поразило в этих беседах другое.

В камере, которую я посещал два года, содержались ребята 16–17 лет. Большинство из них окончили всего 5–6 классов средней школы. Но при этом тематика волнующих их вопросов удивительно глубока и сильно отличается от вопросов, которые мне задавали в вузах. Если представителей будущей интеллигенции в первую очередь интересовались, можно ли студенту Семинарии жениться или под каким знаком зодиака я родился, то их “необразованные” сверстники прежде всего ищут ответ на вопрос о смысле жизни.

Конечно, этот вопрос звучит по-разному и с разным блеском в глазах. У одного наворачиваются

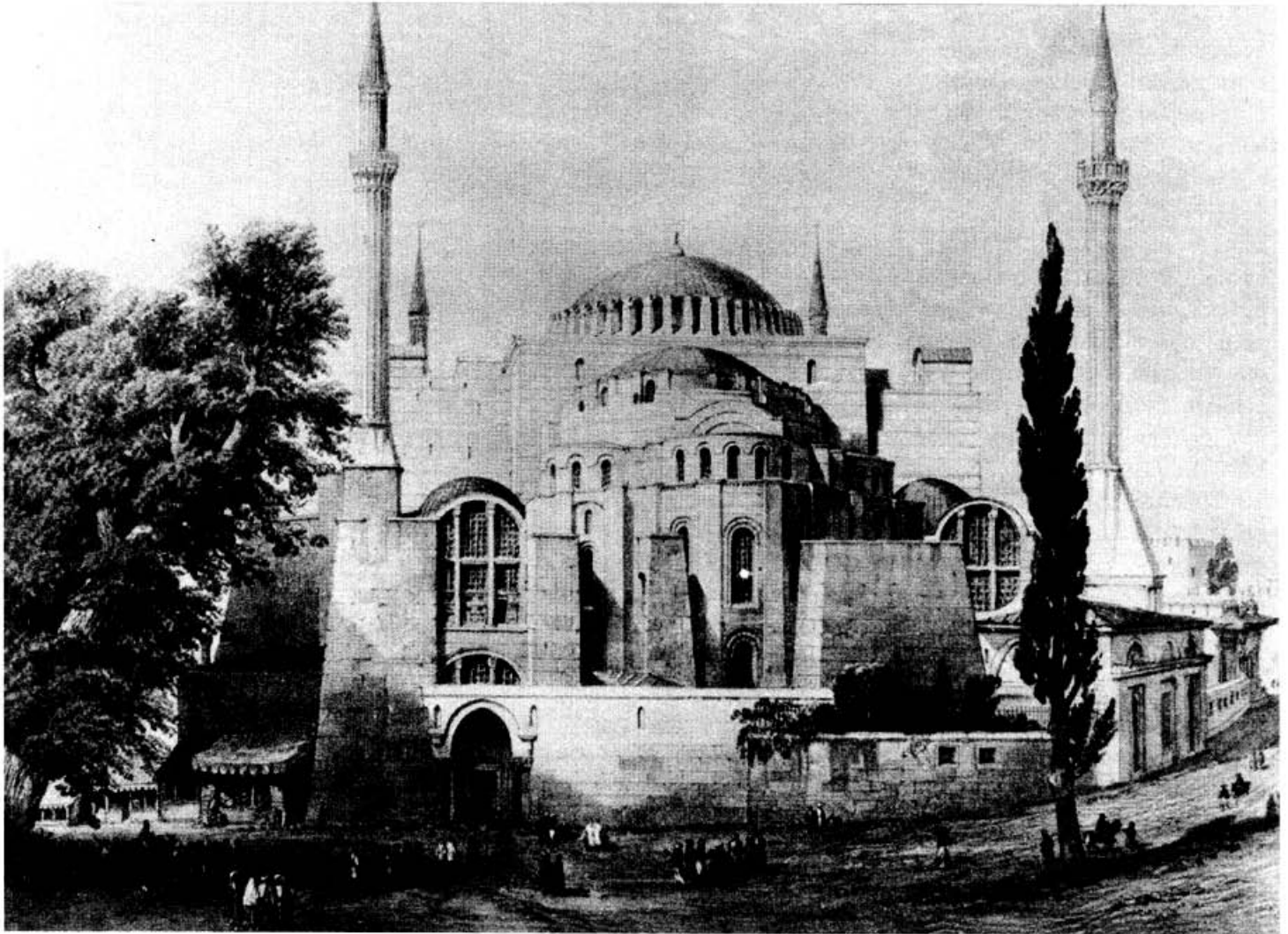

слезы с сожалением о бессмыслице прожитых лет, а другой с блеском яростной злобы упрекает Бога за Его якобы несправедливость к нему лично, говоря: “Ну куда смотрит ваш Бог? Если у меня мать пьет, а отец сидит, и мне нечего было есть, оттого я и пошел воровать, так что — меня за это сажать надо?” (Роман, 15 лет). И вот тут уже, вспоминая свои безмятежные 15 лет, хочется молчать. Это желание молчать охватывает и когда, оставшись один на один с больным шизофренией 16-летним подростком, выслушиваешь его рассказ о том, как он извращался, убивая взрослого мужчину. Нелегко отвечать и тому, кто попросил тебя сходить к нему домой и напомнить его родителям о том, что у них есть в тюрьме сын, а ты, повидав их, понимаешь, что они забудут о нем так же, как вспомнили. Но в таком молчании замечаешь, как рождается любовь ко всем им.

На этом можно было бы закончить рассказ о тюремном храме и его “прихожанах”, но проблема заключенных этим отнюдь не исчерпывается, а скорее даже обостряется. Пройдут “сроки”, все они выйдут на свободу. Но как их встретит общество? Не будет ли погашена искра веры и надежды на Бога, возжженная в тюремном храме? Смогут ли они найти свою дорогу в храм уже без колючей проволоки или через некоторое время вернуться назад?.. Ответить на эти вопросы призваны, наверное, именно мы.

Александр Болонников, 3 курс МДА

К истории возникновения Евфимовского раскола в Константинополе

Основной проблемой в изучении этого своеобразного церковного формирования является отсутствие опубликованных источников, и, как правило, историки Церкви обходят эту проблему стороной. Хотя и существуют издания так называемой Турецкой Православной Церкви, но они малодоступны и весьма тенденциозны. В основу настоящего очерка положены воспоминания Минаса Минаидиса, опубликованные во "Фракийском ежегоднике".

Деятельность основателя так называемой Турецкой Православной Церкви Евфима была тесно связана с политической деятельностью основателя турецкой республики Мустафы Кемалю Ататюрка. Евфим Карахисаридис был священником в Кески-Мадене — богатом городке восточнее Ангиры (Анкара). Он был туркоязычным греком, закончил турецкую школу (Султание Мехтеби)¹.

После захвата Смирны (Измир) греческими войсками 2 мая 1919 года Мустафа Кемаль бежал из Константинополя в Малую Азию. Позднее, когда он начал политическую деятельность (1920), то свои материальные потребности он восполнял за счет греческих крестьян района, расположенного между Севастией и Анкарой. Жители этих деревень не выехали и занимались примитивным сельским хозяйством. Свои сбережения они содержали дома в виде различных украшений, религиозных символов и т.д.²

Итак, Кемаль организовал различные группы из лиц с сомнительным прошлым и отправил их на задание в христианские села. Эти группы, как правило, действовали в ночное время, для своих целей они прибегали к различного рода пыткам и держали в страхе все христианское население округи. Собирая начальный капитал нового государства, разумеется, соучастники Кемалья обогащались и сами.

Как только в приходе Евфима стало известно о турецких набегах на христианские поселения, он предложил старейшинам, во избежание насилия со стороны турок, самим предложить им свою помощь. Предложение Евфима было принято, немедленно были собраны из каждой семьи различные золотые и серебряные украшения, обручальные кольца, перстни, кресты и другие вещи, которые были переданы Евфиму, уполномоченному встретить соратников Кемалья.

Евфиму удалось войти в контакт с турками и передать им плод “добровольного сбора от жителей Кескин-Мадена” с просьбой не беспокоить обитателей городка.

Этот факт стал известен Кемалю, который пожелал познакомиться лично со священником. Во время встречи, состоявшейся между ними в Севастии, Кемаль попросил Евфима продолжить подобную миссию для экономической поддержки нового государства, собирая подобные приношения и в других христианских селах. Предложение было принято, и Евфим начал свои поездки из деревни в деревню в сопровождении нескольких своих единомышленников³. В своих проповедях он восхвалял Кемалю и заявлял, что христиане в Турции являются турками, обращенными из ислама в христианство, и при этом он даже не считал зазорным оскорблять национальные чувства греков. Постепенно дружба между основателем новой Турции и его право-

славным воспевателем укреплялась и завершилась тем, что Евфим стал религиозным вождем всего христианского населения на территории, захваченной Кемалем⁴.

Во время первого официального соглашения между Францией и Кемалем представителя французского правительства сопровождали католические клирики, которые посоветовали турецкой стороне не притеснять христиан, а потребовать от них отделения от Вселенской Патриархии.

В соответствии с этим Евфим получил от своего патрона новое задание отколоть православное население на своих территориях от Патриархии подобно тому, как он сам “откололся” от султана.

Евфим вначале обосновал свой “Религиозный центр православных христиан Востока” в монастыре Зинтзи-Нтере неподалеку от Кесарии, где 160 годами ранее митрополит Кесарийский Иоанн основал Семинарию и женскую гимназию. Во время владычества Кемалю там действовала только Семинария.

В это время на территории, захваченной Кемалем, из православных иерархов находились только митрополиты Родопольский Кирилл и Иконийский Прокопий, а также епископ Севастийский Гервасий, канонически зависящий от митрополита Амасийского Германа, находившегося в Константинополе. Из них митрополит Родопольский Кирилл был другом соратника Кемалю Кара Бекира, который покровительствовал ему, хотя и не давал вмешиваться в политические дела подобно Евфиму⁵.

В свой центр Евфим силой привез митрополита Иконийского Прокопия, которого определил главой независимой Православной Церкви Востока. Впоследствии митрополит Прокопий совместно с епископом Севастийским Гервасием рукоположили архимандрита Мелетия в титулярного епископа Паттарского, и таким образом был основан синод из трех архиереев. Этот синод под давлением Евфима был вынужден провозгласить упразднение Вселенской Патриархии и учреждение новой автономной и независимой Церкви Востока. Постановления этого синода были зачитаны генеральным секретарем отцом Павлом Франгопулосом с амвона⁶.

Митрополит Иконийский Прокопий после душевных потрясений, связанных с антицерковной деятельностью, в которой его принудили принять участие, заболел и скончался.

Впоследствии Евфим уже не ограничивался приношениями мирян, но начал сбор храмовых украшений на содержание правительства Кемалю.

Между тем, после малоазиатской катастрофы Кемаль старался захватить и умертвить патриарха Мелетия, и удобный случай ему представился, когда Патриарх изложил некоего Дамианидиса, расхитившего кассу

¹ Μνησίδη Μ. Ο Παπά Ευθύμ // Θρακική Επετηρίδα. - Τ.Δ. - Κομοτηνή, 1983. - σ. 342

² Там же. С.342-343.

³ Там же. С.343.

⁴ Μνησίδη Μ., Ук. соч. С.342.

⁵ Там же. С.342-343.

⁶ Там же. С.343.

храмов района Галата. Дамианидис, собрав группу уголовников из Галата, совершил налет на Патриархию. Перерезав телефонные линии, они ворвались в кабинет Патриарха и захватили его. У въезда в Патриархию их ждали машины турецкой тайной полиции, которые должны были отвезти их в Никомидию к палачу митрополита Смирнского Хризостома, некоему Нуретдину. Но, к счастью, в последний момент прибыла англо-французская полиция, которая и освободила Патриарха⁷.

Мелетий, увидев, что его жизнь находится в опасности, оставил Патриархию 10 июля 1923 года и отправился на Афон без объявления своего ухода с Патриаршего Престола⁸. Оттуда он разослал письма к предстоятелям Православных Церквей с просьбой признать временное перемещение Вселенской Патриархии из Константинополя на Афон.

В своих ответах славянские Церкви заявили, что они признают Вселенскую Патриархию только в случае ее пребывания в Константинополе. После этого Мелетий отправил 20 сентября заявление о своей отставке⁹, и Синод избрал Местоблюстителем престола митрополита Кесарийского Николая и начал подготовку к выборам нового Патриарха. И здесь снова появляется Евфим, решивший продолжить свою деятельность и в Константинополе. Синодальные архиереи были уведомлены из турецкой печати о том, что Евфим едет в Константинополь, и были озадачены вопросом, что он собирается делать и как им вести себя по отношению к нему. После обсуждения они решили закрыть глаза на всю его предыдущую антиканоническую деятельность и принять его как "спасителя христиан Востока"¹⁰.

Турецкая и греческая печать Константинополя в день приезда характеризовала Евфима как спасителя народа. Также делегация Патриархии встретила его на железнодорожном вокзале Хайдар-Паша и торжественно сопроводила его в гостиницу Перан-Палас как официального гостя Патриархии.

На следующий день он был с почестями принят в официальном синодальном кабинете. Евфим с почтением приветствовал Местоблюстителя престола митрополита Николая и напомнил ему, что тот в свою бытность митрополитом Анкирским рукоположил его во диаконы и священники, также он приветствовал с почтением и остальных синодальных архиереев. Синод предложил Евфиму взять на себя обязанности представителя Патриархии при турецком правительстве, что им было принято. Затем Синод возвел его в сан протопресвитера и определил

его апокрисарием в Ангаре (Анкаре) с высоким жалованием¹¹.

Отправляясь на новое место своего служения, Евфим попросил Синод не торопиться с выборами Патриарха. Синод после отъезда апокрисария решил, что последний будет заниматься с ответственностью своими новыми обязанностями и не будет вмешиваться в церковную политику. Синодалы также не придали значения словам Евфима о задержке с выборами Патриарха, но, как потом выяснилось, в этом и заключалась цель его приезда в Константинополь. Через два дня после отъезда Евфима Синод собрался для выборов Патриарха¹².

Турецкое правительство немедленно вновь отправило Евфима в Константинополь с целью воспрепятствовать выборам Патриарха. Евфим быстро явился в Патриархию, и ворвавшись в синодальный зал, крича на турецком языке и размахивая своим посохом, изгнал всех архиереев и служащих из патриаршего дворца. При этом он ударил и оскорбил митрополита Никейского Василия. Когда последний обратился в полицию, то получил ответ, что полиция не занимается "дружескими ссорами"¹³.

В течение трех дней Евфим тщетно ожидал в Патриархии, что православное население Константинополя его поприветствует, но ни один христианин не появился в Патриархии.

На четвертый день утром стало известно, что Евфим вместе со своими приспешниками покинул Патриархию ночью. В этот день православное население Константинополя совместно с архиереями собралось в патриаршем храме, где был отслужен благодарственный молебен. Все служащие Патриархии приступили к своим обязанностям. После того как Евфим и его споспешники оставили Патриархию, выяснилось также, что они прибрали к рукам множество икон, облачений, крестов и даже дорогую мебель. К счастью, ризница, в которой хранились драгоценные императорские саккосы, не пострадала, несмотря на следы попыток взлома¹⁴.

Неожиданный уход Евфима из Патриархии был вызван тем, что он не получил поддержки от православной полноты, а также заявлениями посольств христианских государств к турецкому правительству.

Во время указанных событий имел место Всеправославный Съезд (1923г.), в котором принимали участие представители различных Православных Церквей, собравшиеся для обсуждения вопросов, касающихся всей полноты Православия. Участники этого съезда, естественно, осудили деятельность Евфима¹⁵.

⁷ Μνῆσιν Μ., Ук. соч. С.344.

⁸ Αναχώρησις του Οικουμενικοῦ Πατριάρχου Μελετίου Δ'//Εκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια, 43 (1923) σσ. 247-248, 366-367.

⁹ Μεθόδιος Αξωμης, Από τό Ημερολόγιο του Πατριάρχου Μελετίου//Εκκλησιαστικός Φόρος 53 (1971), σ. 391-499.

¹⁰ Μνῆσιν Μ., Ук. соч. С. 344-345.

¹¹ Там же. С.345.

¹² Μνῆσιν Μ., Ук. соч. С. 345.

¹³ Там же. С. 345-346.

¹⁴ Там же. С.346.

¹⁵ Πρακτικὰ καὶ Αποφάσεις του εν Κωνσταντινουπόλει Πανορθόδοξου Συνεδρίου. ΚΠ, 1923; Βαρέλλα Ε. Διορθόδοξοι και Οικουμενικά Σχέσεις του Πατριαρχίου κατά τον Κ' αιώνα, Θεσσαλονίκη, 1994, σ. 104

Священный Синод впоследствии постановил лишить сана Евфима¹⁶ и избрал новым Патриархом Константинополя митрополита Халкидонского Григория¹⁷.

Вскоре после указанных событий, в июле 1924 года, лишенный сана Евфим захватил храм Пресвятой Богородицы Кафатианис (т.е. Кафской, Кафа — современная Феодосия, одна из древних митрополичьих кафедр константинопольского Патриаршего Престола в Крыму). Там он совместно с двумя своими сообщниками, также лишенными сана священниками, начал совершать литургии на турецком и греческом языках¹⁸. Никто из прихожан с этого момента более не посещал этот храм, который, несмотря на это, стал центром так называемой Турецкой Православной Церкви под возглавлением Евфима.

После учинения раскола Евфим нуждался в пастве и персонале. В качестве паствы он сумел обратить к себе старух, недовольных введением нового календарного стиля, а также своих земляков, находившихся в городе. Последний он обольстил тем, что спасет их от обмена населением (т.е. от высылки из Турции), — для этого требовалось только, чтобы они подписали документ, что они являются не греками, а турками. Также он провозгласил, что ромей Малой Азии и Константинополя не имеют греческого происхождения и являются турками. Свою церковь он назвал Турко-православной (Turk — Orthodox — Kilisesi), то есть “церковь православных турок, которые были обращены в христианство”¹⁹. Подобный взгляд оспаривает академик В.Г. Гордлевский: “Трудно допустить массовый переход тюрок в Малой Азии в христианство в эпоху сельджуков Рума; скорее уж теоретически это могло случиться раньше, когда тюркские племена служили Византии...”²⁰

Прихожане захваченного раскольниками храма начали судебное разбирательство, но не выиграли его. В день, когда должно было состояться слушание дела, председателю суда был передан официальный документ Министерства юстиции и религий, который закреплял храм Пресвятой Богородицы Кафатианис за Евфимом как возглавителем новой Церкви и его турецкой паствой, и суд таким образом был объявлен некомпетентным в рассмотрении данного вопроса²¹.

После этого Евфим начал требовать от клира храма Христа Спасителя не совершать таинства для прихожан, которые были приписаны к захваченному им хра-

му Богородицы. Получив отказ, он захватил также и этот храм. И, таким образом, в районе Галата осталось только два канонических храма святителей Николая и Иоанна, последний из которых не является даже приходским²².

Вскоре после указанных событий Евфим объявил, что он был рукоположен во епископа двумя архиереями и начал сам совершать хиротонии. Он имел хорошие доходы от имущества захваченного им храма, а также и дотации от турецкого правительства.

В 1942 году раскольниками были захвачены патриаршие благотворительные учреждения в Валукли²³.

После смерти Евфима его преемником стал его сын Евфим II. Сам Евфим и позднее его сын совершали торжественные крестные ходы с оркестрами, показывая свободу вероисповеданий в Турции, в то время как приходы Вселенского Патриархата не имели возможности совершать подобные шествия, кроме как в церковной ограде.

В 1965 году сыновья раскольника Евфима захватили также и храмы святых Николая и Иоанна в районе Галата²⁴.

После кончины Святейшего Патриарха Афинагора начались очередные провокации со стороны представителей так называемой Турецкой Православной Церкви. На этот раз они потребовали удаления Вселенской Патриархии из Турции, обосновывая свои требования тем, что последняя находится под иностранным влиянием и является очагом антитурецкой деятельности²⁵.

Из рассмотренного материала видно, что эта группировка откололась от Вселенского Престола по политическим причинам с санкции турецкого правительства, которое вообще желало бы избавиться от присутствия Вселенского Патриархата в Турции как оплота греческого самосознания. Для достижения своей цели основатель этой группировки опустил даже до фальсифицирования исторических фактов, заявив о том, что христиане Малой Азии и Константинополя являются этническими турками, обращенными в христианство, хотя в истории широко известны лишь обратные явления насильственного обращения православных христиан в ислам на территориях, захваченных турками (та же Малая Азия, Черноморское побережье, Балканы). И как можно себе представить обращение в иную религию из ислама, который определяет для вероотступников смертную казнь. Известен также и феномен криптохристианства, когда православное население под турецким давлением наружно принимало ислам, оставаясь христианином. Данная турко-православная группировка и в настоящее время пользуется известным покровительством со стороны турецкого правительства как подвластная турецкому правительству структура, являющаяся “противовесом” канонической Константинопольской Патриархии.

*Константин Ветошников,
аспирант Фессалоникийского университета*

¹⁶ Σταυρίδου Β. Οι Οικουμενικοί Πατριάρχαι, 1860- Μέχρι σήμερα, 2τ, Θεσσαλονίκη. 1977-1978, τ. 1, σ. 484.

¹⁷ Υπόμνημα Εκλογής του Γρηγορίου Ζ' του από Χαλκηδόνος// Ορθοδοξία 34 (1959) 28-29.

¹⁸ Σταυρίδου Β. Ук. соч. С.484

¹⁹ См. Корелов И.А. Иноязычные греки (урумы) на территории Грузии // Известия АН ГССР. Серия история искусства. Тбилиси. 1990, № 2. С. 135.

²⁰ Гордлевский В.Г. Избранные произведения. 1962. Т 3. С.140. Также Араджони М.А. К вопросу о некоторых концепциях этногенеза торкоязычного позднесредневекового христианского населения юго-западного Крыма. История и археология юго-западного Крыма. Сборник научных трудов. Симферополь, 1993. С. 144.

²¹ Μnvaίδn Μ. Ук. соч. С.348.

²² Там же. С.348.

²³ Σταυρίδου Β. Ук. соч. С. 556

²⁴ Там же. С. 613-615.

²⁵ Скурат К.Е. История Поместных Церквей. М., 1994. С. 60.

Жертвенник Неведомому Богу

В каждом народе Бог промыслительно предуготовляет почву для сеяния Своего Слова. Он избирает особых людей, дает им дерзновение возвещать это Слово. В Деяниях Святых Апостолов перед нами возникает образ такого избранника в лице апостола Павла, жизнь которого после чудесного обращения стала одной непрерывной проповедью Евангелия, непрерывным свидетельством о Христе. Он находил возможным благовествовать о спасении всем — будь то знатный гражданин, воин, раб или соплеменник в рассеянии. Не были исключением и жители Афин, у которых среди множества идолов находился алтарь Неведомому Богу. Именно здесь, перед собранием эллинских философов, была произнесена одна, не совсем обычная речь Апостола, речь о Неведомом Боге, чей жертвенник находился близ Ареопага.

В экзегетической литературе существуют различные мнения о происхождении этого жертвенника. Одни утверждают, что жертвенник, на который указал апостол Павел в своей проповеди, не был чем-то необычным и единственным в своем роде¹. Павсаний, путешественник II в., в "Описании Эллады" упоминает о жертвеннике с подобным названием в святилище на Олимпе².

Иные, ссылаясь на Диогена Лаэртского и других античных писателей, высказывают мнение, что жертвенники были первоначально безымянны, а впоследствии, когда народная память утрачивала имена богов, которым они были посвящены, на них начертывали "Неведомому богу"³.

Третьи думали, что это — алтари неведомому для греков Богу иудеев, хотя эта мысль подвергается сомнению ввиду особой тщательности эллинов в определении имен божеств⁴. Для них знать имя бога значило обладать им⁵.

Четвертую точку зрения высказывают блаженный Иероним и Экумений. По их мнению, на алтаре была надпись: "богам Азии и Ливии, богу неведомому и гостеприимному"⁶.

Каждое из вышеприведенных мнений имеет аргументы как за, так и против. "Хотя несомненно можем утверждать, что невозможно, чтобы апостол Павел в Афинах и перед афинянами неверно определил то, что все видели и знали, — невозможно также, чтобы и повествователь, слышавший от самого Апостола подробности события, допустил неверности; значит, указываемые жертвенник и надпись были, хотя о смысле

надписи доселе можно делать только одни предположения"⁷. Да и, скорее, неважно идти по пути такого исследования. Главное, что Господь положил в Своем Промысле апостолу Павлу начать проповедь именно с упоминания о жертвеннике Богу, Которого афиняне не зная чтить⁸. Но говоря о Боге, предуготовившем эту проповедь, было бы безынтересно знать, как этот жертвенник появился среди других языческих святилищ.

История его возникновения весьма замечательна и поучительна, и началась она задолго до прихода апостола Павла в Афины. В 632 году до Р.Х.⁹ в этом городе вспыхнула эпидемия. Святой Исидор Пелусиот пишет о ней: "...Афины посетила язва и попопала их в такой мере, что не щадила и самых тонких тканей"¹⁰.

Ужас нависшей над городом трагедии заставил Ареопаг совершить приношения всем имевшимся в пантеоне богам, которых, по свидетельству Петрония, было настолько много, что легче было встретить бога, чем человека¹¹. Но ожидаемого избавления от мора так и не произошло. Диоген Лаэртский, как бы продолжая повествование Фукидида, пишет: "В это время афинян постигла моровая болезнь, и пифия¹² повелела им очистить город; и они послали корабль с Никием, сыном Никерата, на Крит за Эпименидом. Эпименид приехал в 46-ю Олимпиаду (596 год до Р.Х. — и. А.), совершил очищение города и остановил мор вот каким образом. Собравши овец, черных и белых, он пригнал их к Аресову холму и оттуда распустил куда глаза глядят, а сопровождающим велел: где какая ляжет, там и принести ее в жертву должному богу. Так покончил он с бедствием; а в память о том искуплении и поныне в разных концах Аттики можно видеть безымянные алтари. Некоторые же говорят, что причиной мора он назвал Килонову скверну и указал избавление от нее; и когда умерли двое юношей, Кратий и Ктесибий, несчастье миновало. Афиняне постановили дать ему талант денег и корабль для возвращения на Крит; денег он не принял, но меж кноссянами и афинянами утвердил дружбу и союз"¹³. О жертвоприношениях и союзе между Афинами и Кносом, заключенном Эпименидом, также свидетельствует в "Законах" Платон¹⁴.

Что касается афинян, то они во время этой эпидемии столкнулись с самой важной проблемой, о которой пишет святой Исидор Пелусиот: "Совершая

служение мнимым своим богам, не получили никакой пользы: то размыслив, что, может быть, иной какой-либо Бог, Которому они не воздали чествования, послал язву, построили храм и капище, написав: Неведомому Богу, и принеся жертвы, немедленно были уврачеваны"¹⁵. Этого не могли не знать и те, к кому обратился святой апостол Павел в проповеди. Также они не могли не осознавать, что где-то есть Бог, Которого они еще не знают и Который значительно могущественнее, нежели вся их скульптурная коллекция идолов, не имеющая силы защитить своих почитателей от всех неприятностей.

Становится понятным, что Эпименидов алтарь случайно стал стержнем проповеди апостола Павла. Святой евангелист Лука сохранил нам только два имени уверовавших во Христа эллинов: Дионисия Ареопагита и Дамари¹⁶.

Эта история имела важное значение для дальнейшего благовествования. Ведь жертвенник Неведомому Богу после апостольской проповеди стал чем-то вроде камня, о который сокрушились все остальные божества, божки и культы. Здесь, у Эпименидова алтаря был подписан приговор бездушным истуканам задолго до известной речи одного "суеслова" в афинском ареопаге.

Иеромонах Андрей (Мороз), 3 курс МДА

Примечания

¹ Флавий Филострат. Жизнь Аполлония Тианского. М., 1985. С.119.

² Павсаний. Описание Еллады. СПб., 1887-1889. С.470.

³ Глаголев Д., священник. Второе великое путешествие святого апостола Павла с проповедью Евангелия. Тула, 1893. С.206.

⁴ Там же. С.206-207.

⁵ Михаил (Мудьюгин), архиеп. Введение в Основное богословие. М., 1995. С.96.

⁶ Воскресное чтение. 1872. Т.2. С.289.

⁷ Там же. С.289.

⁸ Деян. 17,23.

⁹ Словарь античности. М., 1989. С.261.

¹⁰ Барсов М. Сборник статей по истолковательному и назидательному чтению Деяний Святых Апостолов. СПб., 1994. С.583.

¹¹ Фаррар Ф.В. Жизнь и труды святого апостола Павла. СПб., 1893. С.358.

¹² Пифия — жрица-прорицательница в храме Аполлона в Дельфах (дельфийский оракул). Сидя на треножнике, вдохновляемая Аполлоном и в состоянии экстаза, пифия сообщала предсказания, которые жрец переводил в стихотворную форму. (см. Словарь античности. М., 1989. С.434).

¹³ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1986. С.89.

¹⁴ Платон. Творения. Т.ХIII. Законы. Пг., 1923. С.39.

¹⁵ Барсов М. Сборник статей по истолковательному и назидательному чтению Деяний Святых Апостолов. СПб., 1994. С.583.

¹⁶ Деян. 17, 34.

От Львиного Сердца — в львиные когти

Латинское господство на Кипре в 1191 – 1571 гг.¹

Эпоха крестовых походов не принесла мира народу Кипра. Незадолго до завоевания Константинополя крестоносцами этот остров становится объектом пристального внимания со стороны североевропейских рыцарей.

1191 год стал роковым для киприотов. В это время легендарный король Англии Ричард Львиное Сердце вторгся на остров Кипр и в скором времени превратил его в свое владение, но ненадолго. Отправившись на Восток, король продает остров тамплиерам. В 1192 году Кипр становится собственностью бывшего Иерусалимского короля (в Палестине существовало государство крестоносцев — Иерусалимское королевство) Ги де Лузиньяна, основавшего новую династию — Лузиньянов, правившую островом в течение трех последующих веков (до 1489 г.).

Образованное на Кипре государство крестоносцев вполне восприняло западноевропейскую систему феодального землевладения, которая была господствовавшей на родине Лузиньянов — во Франции. Местное греческое население подвергалось жесточайшей эксплуатации со стороны рыцарей-феодалов. Оно было обречено на исполнение всякого рода повинностей в пользу завоевателей.

Нешадная эксплуатация киприотов сопровождалась национальным и религиозным гнетом. В крайне стесненном положении оказалась Православная Церковь, так как рыцари исповедовали католицизм и насильно старались обратить коренных жителей острова как «схизматиков» в свою веру.

После потери крестоносцами своих завоеваний на Ближнем Востоке Кипр становится, пожалуй, единственным посредническим центром, осуществлявшим торговую связь между христианской Европой и мусульманским Востоком. Именно Кипр, на котором сохранилось до конца XVI века латинское господство, превращается в место острого соперничества трех крупнейших центров

Средиземноморья: Венеции, Генуи и Барселоны, основанных на острове свои торговые фактории.

Взаимоотношения римо-католицизма и Православной Церкви в первые десятилетия после завоевания Кипра крестоносцами

Господство крестоносцев-католиков обернулось для жителей Кипра непоправимыми последствиями. Это были годы экономического упадка и духовного порабощения. Уже на начальном этапе пребывания западноевропейских рыцарей на острове Римская Церковь начала активную деятельность по внедрению католицизма среди коренного населения. Первым делом была учреждена латинская архиепископия (как, впрочем, и на Ближнем Востоке) с центром в городе Левказия (совр. Никозия) и три епископства в Пафосе, Лимасоле и Фамагусте. Латинские клирики не брезговали пользоваться изъятым из православных храмов и монастырей имуществом, которое теперь передавалось в безвозмездное пользование католическим миссиям.

С 1220 года начинаются открытые притеснения православного клира. Большое значение при выборах настоятелей православных монастырей теперь имел голос латинского епископа. Издаются даже указы, препятствующие вступлению новых монахов в православные монастыри.

В 1260 году папа Александр IV издал буллу, которой предписывалось сократить количество православных епископов на Кипре до четырех, соответственно католическим. Сохранились епархии в Левкозии, Пафосе, Неаполе и Аммохостосе (Фамагусте). Православные кипрские архиереи были вынуждены подписать декларацию о подчинении папе Римскому, указом которого была упразднена и православная архиепископия Кипра.

Сопrotивление греков-киприотов католической экспансии

Политика латинизации не могла не вызвать сопротивления со стороны православного населения Кипра. Первый отпор был дан некоторыми представителями право-

¹ В традиционной кипрской историографии период латинского господства (1191–1571) обозначен особым термином «франкократия». Но в российской исторической науке этот термин считается неутвердившимся и поэтому при изложении данного материала мы будем оперировать более обычным выражением «латинское господство».

славного духовенства, которые отказывались служить на престоле, где перед этим служили католики.

Архиепископ Исаия в 1209 году ездил в Константинополь для разрешения неотложных проблем, вызванных негативными действиями католиков на Кипре, после чего ему запрещено было вернуться на родину (напомним, что Константинополь уже несколько лет в это время находился также в руках крестоносцев). Та же участь постигла следующего архиепископа Неофита, вынужденного бежать с верным ему духовенством в Малую Азию.

Во время латинского господства на Кипре многие православные приняли мученическую смерть. Жестокой смерти после трехлетнего тюремного заключения были преданы 13 монахов Кантарского монастыря. В 1231 году все они были сожжены на костре. Это событие вызвало большой резонанс в православном мире. Никейский патриарх Герман II (1222–1240) послал киприотам два письма, в которых он призывал их как верных чад Православной Церкви оставаться непоколебимыми в исповедании отцовской веры. Им же была послана жалоба Римскому папе Григорию IX, в которой описывались те бесчинства, которые творились от имени Римского Престола. Но последний дал понять, что источником всех бед является отделение Православной Церкви от Римской. Все же впоследствии уже кипрскому архиепископу Герману Писимандру, который с тремя епископами поехал в Рим, удалось пресечь наиболее вопиющие злодеяния католиков на острове, но ненадолго.

Кипрская Православная Церковь под гнетом римо-католицизма после упразднения православной архиепископии

В условиях, когда Кипрская Церковь была обезглавлена и лишена своего предстоятеля, начинается новая эпоха преследований православной веры на острове.

Православная иерархия Кипра была полностью подчинена латинскому архиепископу. Православным епископам приходилось в обязательном порядке присутствовать на годовых епархиальных собраниях и без возражений принимать их постановления. Им вменялось в обязанность платить налоги как деньгами, так и различными вещами. Особые правила предписывали православным архиереям при богослужении целовать руки своих католических “собратьев”, что должно было показывать превосходство римского священства перед православным.

Церковное судопроизводство было фактически сведено к решению малозначащих вопросов. Из компетенции судов были изъяты дела, касающиеся правонарушений католиков.

Все это, естественно, побуждало православных отстаивать свои исконные права. Иногда народный гнев выливался в настоящие восстания, как например, в 1313 году, когда доведенные до отчаяния жители Никозии замыслили поджечь дворец латинского архиепископа Родиса. Нечто подобное повторилось в 1360 году, но папскому легату Петру Фоме удалось арестовать некоторых зачинщиков бунта и заключить их в кафедральный собор

святой Софии. Тщетно заключенных пытались обратить в католичество. Народ освободил узников, сломав двери собора. Благодаря подоспевшему военному отряду легату удалось спастись бегством.

Эти и другие события послужили причиной того, что начинается смягчение положения православных на Кипре. Несмотря на упорное сопротивление Рима, королевская власть, особенно после свадьбы короля Петра (1358–1359), начинает улучшать свои взаимоотношения с Православной Церковью.

Еще большую защиту и поддержку нашли киприоты в лице Елены Палеолог, дочери властителя Морей и герцога Спарты Феодора II Палеолога, племянницы последнего императора Византии Константина XI Палеолога. Елена в 1444 году стала второй женой короля Кипра Иоанна II (1432–1438) и защищала православных вплоть до своей смерти (1458). Стараясь поддержать права Кипрской Православной Церкви, она была готова даже пойти на разрыв с Римским папой Евгением IV (1431–1447). Примеру Елены Палеолог последовала и ее дочь королева Карлотта (Шарлотта) (1458–1464).

Но близился конец правления Лузиньянов на Кипре, и в 1489 году остров оказался в руках всемогущей Венеции, превратившей этот райский уголок в свою колонию. Снова для Православной Церкви наступили годы гонений.

В 1521 году папа Римский Лев X (1513–1521) издал грамоту, обязывавшую Кипрскую Церковь подчиниться решениям Флорентийского собора (1439). В своем старании навязать киприотам соборные постановления папа пошел даже на некоторые привилегии для них, которые привели к почти полной независимости Кипрской Православной Церкви от находившейся на острове латинской иерархии. В 1526 году другой папа Климент XIII (1523–1534) обновил и утвердил грамоту Льва X. Несмотря на все это православные киприоты не принимали решений собора и с равнодушием относились к предоставленным привилегиям. Почти четырехсотлетнее господство римо-католиков на Кипре не принесло его народу успокоения. Все это время киприоты не переставали бороться за свою государственную, а главное духовную независимость от Рима. Об этих исторических фактах полезно вспомнить в эпоху, когда все большую популярность приобретает экклезиология “разных, но равных ветвей” и “Церквей-сестер”.

Можно только восхищаться тем мужеством, той внутренней силой, с которой Кипрская Православная Церковь преодолела все трудности и беды в описываемый период. Ни гонения, ни мученическая смерть клириков и народа, ни изгнание церковных пастырей не смогли сломить религиозный и национальный дух киприотов, сохранивших и православную традицию, и греческий характер. Все это стало возможным благодаря глубоко укоренившейся в сердцах киприотов еще с времен великой Византии любви к отеческой православной вере.

Латинское господство над Кипром закончилось в 1571 году.

*Иеродиакон Исаия (Киккотис),
аспирант МДА*

СУДЬБА “ИРГИЗСКОЙ ИСПРАВЫ”

Из истории старообрядческого раскола

По единодушному мнению всех историков раскола, Саратовский край стал прибежищем старообрядцев — как беспоповцев, так и приемлющих священство — уже во второй половине XVII столетия. Массовое же поселение старообрядцев в этих местах началось во второй половине XVIII века.

До этого времени малочисленное население было сосредоточено исключительно по берегам Волги, а вся остальная территория представляла либо непроходимые густые леса в правобережье, либо дикие степи в Заволжье. Эти леса и степи были надежным убежищем для всякого рода бродяг, искателей приключений и государственных преступников, сумевших избежать правосудия. На северо-востоке Саратовского края до начала нашего века были различимы поросшие травой и сглаженные сохой земляпашца так называемые сиротские дороги, которые тянулись от Волги через Большой Иргиз и выходили на общий Сырт и Уральские горы. Эти сиротские пути были проложены “людьми сирыми”, то есть преступниками, преследуемыми сектантами и раскольниками, которые, оставив родные и отчизну, бежали в степи, на Урал, в Хиву.

В окрестностях Малыковки, как и в ней самой, в конце XVIII века образовались многочисленные и устойчивые поморские общины. Впервые в малыковской округе это согласие появилось уже во второй половине XVII столетия в селе Воскресенском, где вскоре образовался Воскресенский поморский скит, имевший несколько десятков келий.

В 80-е годы XVIII века Волгск стал центром поморского согласия в Саратовской губернии, здесь были известны поморские семейства купцов Рошковых, Невитовых, Галкиных, Будниковых, Синициных и другие. Кроме частных домовых молелен, существовали и общие: у мещанина Лушникова и у вдовы мещанки Дарии Ивановой.

Высочайшая милость

Во второй половине XVIII столетия раскольники получили неожиданное официальное позволение селиться на берегах Большого Иргиза. Высочайшая милость была объявлена в манифесте императрицы Екатерины II от 4-го декабря 1762 года: “Бежавшим из своего отечества поданным возвращаться позволяем и обнадеживаем, что хотя б по законам и следовало учинить наказание, но однако ж все их до сего преступления прощаем, надеясь, что они, восчувствовав к ним сии наши оказываемые матернии щедроты, потщатся, поселясь в России, пожить спокойно и в благоденствии в пользу свою и всего общества...”

Манифест был подкреплен указом от 14 декабря, где говорилось, что раскольники, во-первых, прощались не только за побеги, но и за все совершенные преступления, во-вторых, имели свободу в ношении бород и выборе пла-

тья, в-третьих, имели возможность записаться к помещикам, в государственные крестьяне или быть зачисленными в купеческое сословие (большинство раскольников выбрало третий путь) с сохранением двойного раскольничьего налога (это последнее дискриминационное установление было вскоре отменено самой Екатериной). В соответствии с указом раскольники, пожелавшие вернуться в отечество, на шесть лет освобождались от всех податей и работ. Кроме того, указ 14 декабря предписывал командующим на приграничных заставах охранять “пешеходствующих” старообрядцев от возможных обид и притеснений, беспрепятственно пропускать их скарб, не отбирая ничего, снабжать паспортами и т.д. Указ называл и земли, куда могли бы переселиться старообрядцы. Для выходцев из Польши с реки Ветки были указаны территории саратовского Заволжья, общим размером более 70 000 десятин.

Таким образом, выходцы из Польши оказались обладателями Иргиза, десятков тысяч десятин плодородной земли, изобилующей водой, лесами, лугами — всем, что, хотя и сильно оскудев, до сего дня составляет бесценное достояние Саратовской губернии. Старообрядцы Ветковских скитов в числе 120 семейств, добравшись до Иргиза основали несколько сел: Криволучье, находящееся в 50 верстах от Волги; недалеко от него Балаково, в 74 верстах от устья Каменки; и еще выше, в 80 верстах, село Мечетное — нынешний Пугачев. Вышедшие с Ветки раскольничьи монахи не захотели жить рядом с крестьянами и удалились в леса, где, выкопав землянки, устроили скиты.

Монашеский Иргиз

Возле Криволучья, собрав единомышленников, уже в 1762 году основал скит выходец из Польши Авраамий, бывший некогда крестьянином Казанской губернии. Авраамиевский скит, который после строительства в нем церкви стал называться Нижне-Воскресенским монастырем, был расположен в прекраснейшем месте Иргиза, на острове длиной в пять верст и шириной в версту. Омываемый водами богатого рыбой Монастырского озера, остров весной почти полностью покрывался водой, и только сам скит оставался на верху холма символом Церкви, которую не в силах потопить “воздвигаемое бурю напастей житейское море”.

В 1789 году в Нижне-Воскресенском монастыре была освящена деревянная церковь во имя Воскресения Христова, выстроенная на средства Василия Алексеевича Злобина. В 1795 году попечением того же Злобина выстроена теплая тоже деревянная церковь во имя Рождества Божией Матери с приделом во имя Иоанна Богослова.

Другой польский выходец именем Исаакий основал скит выше по Иргизу напротив Каменки и тоже назвал его своим именем. Исаакиевский скит оказался для ищущих

единения еще более привлекательным, чем Авраамиев. Он также омывался с одной стороны Иргизом, а с другой — большим озером Калач. В 1762 году здесь поселился Исаакий, а вместе с ним 25 его товарищей, взыскающих истинной веры. Через два десятка лет этот скит сменит свое название и будет именоваться Верхне-Успенским, а затем Верхне-Спасо-Преображенским.

В 1770 году в этом монастыре появилась первая на Иргизе часовня в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы, которую построил беглый поп Иаков, присланный из Стародуба настоятелем Михаилом Калмыком, бывшим тогда главой всей поповщины.

В 1780 году к существовавшей в скиту часовне был пристроен алтарь, и получившаяся церковь была освящена в честь праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы. В 1783 году была выстроена другая Успенская церковь, обе они сгорели дотла в 1798 году и были заново построены на щедрое пожертвование в 12000 рублей императора Павла. Введенская церковь сохранила свое название, а на месте Успенской появилась церковь во имя Преображения Господня.

В пяти верстах от исаакиевского скита в 1774 году обосновалась некая матушка Маргарита, дочь сибирского купца Матфея Ильина, с несколькими монахинями, жившими в отдельных кельях. Эти кельи и дали начало будущему женскому Покровскому монастырю.

Последний мужской Иргизский скит появился напротив слободы Мечетной двумя годами позднее, в 1764 году. Его основателями стали прибывшие с той же реки Ветки иеромонах Пахомий, монах Филарет и еще 17 братьев неизвестного звания. Этот скит назывался и Пахомиевым, и Филаретовым, и Средне-Никольским монастырем.

Пахомий и Филарет выстроили и в 1790 году осветили Никольскую церковь, а в 1798 году они воздвигли другую теплую церковь во имя Покрова Божией Матери. Двадцатилетнее уединение почитателей Пахомия и Филарета было нарушено в 1785 году, когда совсем рядом с ним некая вышедшая из той же бездонной Польши матушка Анфиса основала женский скит, который впоследствии получил имя Средне-Успенского женского монастыря.

В 1815 году Анфисин скит весь сгорел, но научившиеся “дружить” с властями старообрядцы выхлопотали у саратовского губернатора Алексея Давыдовича Панчулидзева разрешение восстановить монастырь. К 1818 году монастырь был полностью восстановлен.

Хотя в первое десятилетие своего существования иргизские скиты были весьма малочисленны — общее число насельников едва достигало ста человек, — они уже начали привлекать к себе немало бродяг, для которых раскол был средством выполнения разного рода тайных преступных замыслов. Просвещенная Екатерина все еще переписывалась с Вольтером и Дидро, покровительствовала вольнодумству и искренне желала стать заботливой матерью доставшемуся ей “волею фортуны” русскому народу. Философствующая императрица и не подозревала, как опасны оставленные без начальственного надзора раскольники, как щедро отблагодарят ее прощенные и облагодетельствованные ею старообрядцы.

Пугачевщина

Отдаленность иргизских монастырей, полное отсутствие полицейской власти, густые леса и труднопроходимые сиротские дороги привлекали многих подданных Екатери-

ны, которые были не в ладах с законом. Польша, которая, кажется, была придумана только для порождения самозванцев, в 1772 году наградила Россию новым чудовищем. Донской казак Емельян Пугачев, преследуемый на родине за уголовные преступления, нашел выгодным для себя присоединиться к расколу и бежал на Ветку. Здесь в течение 15 недель он подробно изучил идеологию старообрядцев и, услышав о безопасности и безбедности иргизского жития, с подложными документами возвратился в отечество.

В Нечетной слободе он вызвал подозрение своими соблазнительными изречениями у мальковских дворцовых крестьян и по прибытии в Мальковку был связан верно-подданными братьями Иваном и Василием Злобиными, допрошен, закован в кандалы и отправлен в Казань. Начальство Казанского тюремного замка не отличалось бдительностью, и Пугачеву удалось бежать. Оказавшись в Пахомиевом скиту, он открыл себя его настоятелю Филарету, назвавшись скрывающимся императором Петром Третьим и пообещал раскольническому старцу сан Московского Патриарха. Филарет благословил разбойника, и “бунт бессмысленный и беспощадный” разразился едва ли не на половине территории России.

Как ни искало впоследствии правительство Филарета, какие секретные экспедиции ни посылались для его поимки, хитрый иргизский монах ускользал, “яко исчезает дым”, из рук правосудия. Назвавшись Афанасием, он сумел бежать в один раскольничий скит костромской губернии близ села Молвитина, где благополучно скончался в полной безопасности.

Пугачевщина разнесла весть об иргизских скитах по всему юго-востоку России, и с этого времени число жителей в скитах стало умножаться все более и более. Самую широкую известность они приобрели при настоятеле Сергии, который за свою деятельность получил имя иргизского строителя.

Иргизский строитель

Сергий был сыном московского купца Петра Юршева, ревностного раскольника из числа беглопоповцев. Петр Юршев печально прославился во время известного московского холерного бунта 1771 года. Взбунтовавшаяся толпа, подстрекаемая разного рода проходимцами, в том числе и раскольниками, буквально разорвала на части московского архиепископа Амвросия (Зертис-Каменского), который не покинул паствы во время эпидемии, увещевая москвичей не предаваться отчаянию. К числу прямых виновников смерти митрополита истории раскола относят отца будущего “иргизского строителя”. Сам Сергий, в миру Симеон, после смерти отца бежал в московские леса, где и принял иноческий постриг. Просидев некоторое время в московской тюрьме по обвинению в учинении беспорядков, Сергий отправился к своим единомышленникам в Польшу, однако, пробыв на реке Ветке совсем немного, вернулся в Отечество с твердым намерением стать главой иргизской общины.

Прикинувшись непомнящим родства (манифест 1762 года распространялся только на раскольников, покинувших Россию до воцарения Екатерины), Сергий попросил пограничных стражей, выдававших ему паспорт, указать в нем, что при нем имеется походная церковь, хотя это был простой кусок холста, намотанный на палки. Простодушные пограничники снабдили авантюриста требуемым до-

кументом, и в 1776 году Сергей оказался на Иргизе, где поселился в Исаакиевском скиту. Будучи человеком энергичным, грамотным и на удивление трезвым, Сергей очень скоро добился уважения со стороны всех иргизских насельников. Принявший настоятельство над скитом после смерти Исаакия монах Матфей по дряхлости добровольно отказался от настоятельства, и на его место был избран Сергей.

Из приличия Сергей некоторое время отказывался от предложенной чести, в чем его поддерживала и мать его Марина (в иночестве Макрина), тоже переселившаяся с младшим сыном и дочерью на Иргиз. Кандидат в настоятели хорошо знал нрав своих единоверцев, и потому, прежде чем согласиться с назначением, он взял с монахов присягу в беспрекословном повиновении и жизни по заповедям Христовым.

Став настоятелем, Сергей завел общую трапезу, написал устав скитского жития и построил небольшую часовню, которая удивительно быстро сгорела, и Сергей испросил дозволения у властей построить новую, но вместо часовни выстроил настоящую пятиглавую церковь с колокольней. Вместе с этим он раздобыл одного беглого иеромонаха и беглого же белого священника.

Ворованных антиминов на Иргизе хватало, и скоро в Верхнем скиту стала служить подпольная литургия, которая привлекала сотни ревнителей благочестия, получавших здесь освященные запасные дары, которые разносились ими по всей раскольничьей России. Иеромонах и священник не успевали служить всех заказных треб, и скит Сергия быстро богател.

Сергий прекрасно осознавал необходимость легализации построенной церкви. В 1780 году он предъявил местному начальству паспорт, в который была записана полотняная церковь, и смиренно попросил дозволения отслужить лишь несколько литургий якобы для пополнения "запаса". В хлопотах приняли участие именитые волжские купцы, в том числе и известный любовью к старому обряду Василий Алексеевич Злобин. Не обошлось и без подношений, на которые Василий Алексеевич никогда не скупился. Разрешение было получено. Деревянная пятикупольная, а отнюдь не полотняная Введенская церковь была легализована, и слово "несколько" в отношении обеден, которые было разрешено отслужить, растянулось по-русски до бесконечности.

Вскоре осмелевший Сергей построил и вторую церковь, которая была освящена во имя Успения Божией Матери 19 декабря 1785 года.

Перемазовщина

В подражание Сергию настоятели других иргизских монастырей также построили церкви. Раскольники со всей России устремились на Иргиз, неся туда немалые пожертвования.

Братия увеличивалась в числе большей частью за счет беглых крестьян и преступников. Сергей сделался фактическим настоятелем всех иргизских монастырей и одним из влиятельнейших деятелей поповщины во всей России.

При Сергии иргизские монастыри становятся центром так называемой перемазовщины. Раскольники, приемлющие священство, долго не могли прийти к согласию, по какому чину нужно принимать беглых попов в раскол. Каждая община действовала по своему усмотрению. На Ветке, откуда старообрядцы пришли на Иргиз, убежавших

от никоновской Церкви попов первоначально перекрещивали, причем, чтобы сохранить благодать священства неповрежденной, беглых иереев погружали в купель в полном священническом облачении. Потом это фантастическое действие заменилось мнимым крещением, когда иерея только обводили вокруг купели, вычитывая положенное чинопоследование, но не погружали в саму купель. Затем такого мнимокрещеного священника заново помазывали миром, самочинно сваренным попом Феодосием. Руководитель керженских раскольников (Нижегородский край) диакон Александр объявил миро Феодосия недействительным, и на Керженце беглых иереев мазали якобы древним миром, сохранившимся от патриарха Иосифа, а вследствие естественной убыли, постоянно разбавляемым елеем. Последователи купца Феодора Сулова вообще отказывались считать священниками попов, крещенных обливанием или получивших рукоположение от малороссийских архиереев-обливанцев. Наиболее трезвые из старообрядцев принимали переходящих от господствующей Православной Церкви священников только через проклятие никоновской ереси.

Наконец, московские представители поповщины, обосновавшиеся на Рогожском кладбище, сварили в 1777 году собственное миро и требовали, чтобы все поповцы ехали за ним в Москву.

Стародубские поповцы благодатность рогожского мира отвергали. Заседавший на Рогожском кладбище в течение трех месяцев (от ноября 1779 года до января 1780 года) собор старообрядцев отверг святость сваренного мира, но определил миропомазание беглых попов как обязательное таинство для их перехода в старообрядчество.

Среди трехсот делегатов собора оказалось немало представителей иргизских монастырей и мальковских раскольников. Собор, по обыкновению, завершился новым расколом. Составившие новый толк перемазовщины рогожские, иргизские и керженские старообрядцы прокляли несогласившихся признать благодатность рогожского мира стародубцев, запретив молиться и разделять трапезу с новоявленными еретиками.

"Иргизский строитель" Сергей по поручению собора написал апологию перемазовщины "Обыскательное рассуждение". Влияние этого сочинения на поповцев было чрезвычайно велико, и Иргиз приобрел монополию "поповской исправы".

Эта "исправа", состоящая в перемазывании тысячекратно разведенным иосифовым миром и обучении беглых попов строгому уставу, сосредоточилась, главным образом, в сергиевом Верхне-Спасо-Преображенском монастыре.

Альтернатива старообрядчеству

Возвышение Сергия вызвало зависть со стороны настоятелей других иргизских монастырей. Возник конфликт между Сергием и настоятелем Средне-Никольского монастыря Антонием. Последний признавал действительность хиротонии беглых попов, крещенных обливанием и единократным погружением, а Сергей категорически отвергал такую точку зрения.

По этому поводу в Преображенском монастыре 19 декабря 1785 года состоялся "всеиргизский собор", на котором присутствовало, кроме иргизских насельников, двадцать три представителя купцов и мещан из Саратова, Волгска и Хвалынска. Победителем на нем стал Сергей.

Всероссийская слава "иргизской исправы" все же не вскружила ему голову. Иргизский строитель, увидев неправоту беглопоповского движения, стал первым, кто задумался о приведении Иргиза к единоверию. Этот душевный переворот Сергея обстоятельно описывает саратовский епископ Иаков (Вечерков), присоединивший к Православной Церкви более двадцати тысяч старообрядцев и крестивший до двух тысяч калмыков и евреев.

Специалист по сектоведению, Преосвященный оставил "Записки о раскольниках беглопоповской секты в Саратовской губернии", частично изданные в журнале Казанской Духовной Академии "Православный собеседник" за 1857 год уже после смерти владыки (им же составлены интереснейшие "Записки о молоканах и хлыстах", опубликованные в том же журнале в 1858 и 1860 годах).

Преосвященный Иаков пишет, что чем больше Сергей усиливал утвердить правоту раскола и чем более распространялась слава о нем между его последователями, тем живее он стал чувствовать, что вся слава его основана на неправде и измене Истине. При свете благодати Божией он ясно стал видеть, каковы были попы, им защищаемые, каково было братство, самовольно присвоившее себе имя Святой Церкви.

Смотря на безнравственную жизнь лжесвященников иргизских монастырей, Сергей не мог не понимать, что они приходили к нему по корыстолюбию или скрываясь от правосудия. Он видел, что и монастырское братство состояло из безнравственных бродяг, ленивых беглецов и даже из преступников, ссылаемых в Сибирь.

Как-то во время крестного хода на праздник Первого Спаса, — сообщает преосвященный Иаков, — Сергей стал свидетелем безобразной сцены, когда некая женщина бросилась на председателя, несшего на голове Честной и Животворящий Крест, обвиняя его в клятвопреступлении и в том, что он бросил без пропитания жену и малых детей.

Сергий, конечно, сумел поправить дело, объявив женщину сумасшедшей, но, по собственному его признанию, совесть заговорила в нем с того времени громче, и он решил найти законного священника для своего общества.

Поиски Сергея обратили его внимание на единоверие, которое вводил в пределах Астраханской епархии, куда до образования в 1799 году Саратовской епархии входила значительная часть дриходов Саратовской губернии, епископ Никифор (Феотоки). Преосвященный Никифор, прибывший в Астраханскую епархию в 1786 году в момент наивысшей славы Сергея, написал окружное послание, в котором призвал раскольников соединиться с Церковью. Автор множества сочинений по физике и математике, владыка Никифор привнес в богословие столь неопровержимую логическую ясность, что многие читатели окружного послания были поражены силой аргументов ученого архиерея. Сергей созвал настоятелей и уставщиков всех иргизских скитов и составил "Вопросы" к ревнителю единоверия.

Когда в 1790 году преосвященный Никифор не поленился приехать в Саратовскую губернию и не побоялся встретиться с раскольниками, Сергей с уставщиком своего скита Прохором явились к нему и подали заготовленную бумагу. В ответ на это епископ Никифор написал специальное сочинение "Ответы на вопросы иргизских раскольников и рассуждение о святом мире" (первое печатное издание вышло в Москве в 1800 году), оказавшее-

ся не менее убедительным, чем окружное послание.

Преосвященный Никифор оказался для Сергея тем авторитетом, который убедил его присоединиться к единоверию. Помощником Сергея в этом стал знаменитый гражданин Волгска Василий Алексеевич Злобин. Будучи человеком самых широких убеждений, он искренне желал видеть приверженцев старых обрядов членами единой Православной Российской Церкви. Это стремление встретило неожиданное препятствие в лице жены Злобина Пелагии.

Московский митрополит Макарий (Булгаков) пишет, что фанатично настроенная Пелагия Злобина, услышав разговор своего супруга с Сергием, решила во что бы то ни стало не допустить соединения старообрядцев с Православной Церковью. Когда Сергей отправился в Петербург для законного воссоединения Иргиза с Православной Церковью, Пелагия Злобина расставила по всем дорогам своих караульных, чтобы они по пути схватили и убили его. Бог не попустил свершиться злодеянию, и Сергей вместе с Василием Злобиным испросили у митрополита Гавриила (Петрова) двух православных иеромонахов для законного служения в иргизских монастырях. Когда исполнивший свой замысел Сергей возвращался в Волгск, в Москве происками безумной Пелагии он был схвачен раскольниками и несколько дней пробыл под арестом на Рогожском кладбище. Московский градоначальник князь Прозоровский выручил Сергея и сопровождал его до самого Иргиза.

Возвратившись на Иргиз, Сергей обнаружил, что все его единомышленники сделались противниками единоверия. Приехавшие с ним два православных иеромонаха и иеродиакон жили без всякого дела за пределами монастыря у жены брата Сергея. Однажды ночью в настоятельские кельи, где вновь поселился Сергей, ворвались келарь и два монаха, которые, называя Сергея предателем, бросились на него и стали душить. Племянник Сергея бросился в Волгск к исправнику, который поспешил в монастырь. Сергей был найден запертым в чулане.

Несмотря на уговоры исправника братия наотрез отказалась повиноваться Сергию. Настоятелем Иргиза был избран уставщик Прохор (бывший саратовский купец Петр Калмаков). Разочарованный Сергей отправился вместе со всеми своими родственниками в Стародубские слободы, где введение единоверия проходило успешнее. Через некоторое время он был рукоположен в сан иеромонаха и сделался настоятелем единоверческого Успенского монастыря в Белоруссии.

При Прохоре иргизские монастыри еще более упрочили свое положение. Они владели более чем 12 тысячами десятин земли. Прохор сумел построить несколько новых церквей. Император Павел пожертвовал 12000 рублей на восстановление сгоревшей в Верхне-Успенском монастыре церкви.

Когда церковь была построена, то среди всех имевшихся в наличии антиминсов, которые все были краденые (освящать антиминсы может только архиерей), не нашлось ни одного Успенского, поэтому новая церковь была освящена в честь Преображения и Верхне-Успенский монастырь стал называться Верхне-Спасо-Преображенским. В 1828 году в нем было 87 келий, в женском Покровском монастыре в это время было 100 дворов и 200 келий, в Никольском — 61 келья, в Средне-Успенском женском монастыре — 89 дворов и 145 келий, в Нижне-

Воскресенском — 61 келья. Увеличивалось и число монашествующей братии. К 1828 году — ко времени восстановления Саратовской епархии — общее число насельников иргизских монастырей достигало 3000 человек. Кроме того, в монастырях были богатые библиотеки и роскошные ризницы. Иногда, правда, случались и кражи, ненадежные беглые попы, несмотря на исправу, нередко прихватывали с собой весьма ценные сувениры. Так был похищен вклад Пелагии Злобиной, драгоценный кокошник, который стоил около сорока тысяч рублей.

Император Павел Петрович относился к старообрядцам еще более благосклонно, чем его покойная матушка. В 1797 году он поручает владимирскому губернатору П.С. Руничу посетить Иргиз. Рунич быстро сдружился с иргизскими старцами. Его стараниями раскольнические монастыри получили освобождение от рекрутской повинности и другие не менее важные льготы.

Первые Саратовские архиереи относились к старообрядцам довольно милостиво. Преосвященный Гайй (Такаов), прибыв в Саратов и убедившись, что край заражен расколом, предпочел поселиться в Пензе — втором своем кафедральном городе. Следующий саратовский епископ Моисей (Близнецов-Платонов) был увлечен единоверием и к иргизским инокам относился сочувственно. Владыки Афанасий (Корчанов) и Иннокентий (Смирнов) высказывались о пользе богослужения старообрядцев. Такой же точки зрения придерживался и весьма неуживчивый, недливающий со светской властью, потворствовавшей расколу епископ Амвросий (Орнатский).

“Единоверческая кампания”

В 20-х годах XIX-го века все изменилось. Преосвященного Амвросия сменил обладавший железной волей серб Иринея (Нестерович). Мягкосердечный и неустойчивый к подношениям губернатор Панчулидзева был отдан под суд и заменен князем Александром Борисовичем Голицыным. Последний при безоговорочной поддержке Министерства внутренних дел взялся за решительное искоренение раскола. Высочайшим указом от 2 августа 1828 года иргизские монастыри были поставлены под надзор местного губернского начальства. Было запрещено принимать новых лиц в монастыри, а уже живущим отлучаться из них.

Либеральные времена Екатерины, Павла и Александра Благословенного сменились суровой эпохой Николая Павловича. Введением единоверия занимались теперь не благодушные архиереи вроде владыки Никифора (Феотоки), а генерал-губернаторы и армейские офицеры.

В 1828 году Святейший Правительствующий Синод в целях тотальной борьбы с расколом принял решение о выделении из Пензенско-Саратовской епархии самостоятельной — Саратовской и Царицынской. В Саратов приехал новый архиерей — преосвященный Моисей (Богданов-Платонов).

В том же 1828 году в Нижне-Воскресенский монастырь явился саратовский губернатор князь Александр Борисович Голицын и взял с иноков подписку о присоединении к единоверию. Хотя иноки стали затем отказываться от этой подписки, Нижне-Воскресенский монастырь был в 1829 году все же обращен в единоверие. Упорствующая братия в количестве 60 человек была частично сослана в Сибирь, частично сдана в солдаты. “Единоверческая кампания” приутихла в 1830 году, после того как энергичного

А.Б. Голицына на посту губернатора сменил терпеливый В.Я. Рославцев.

Сменивший через год Рославцева губернатор Переверзев оставил о себе в Саратове самые дурные воспоминания. Не обладая обаянием Панчулидзева, он брал взятки еще более беззастенчиво, прямо покрывая раскольников и сектантов-скопцов.

При таком положении дел единственным серьезным противником Иргиза оставался назначенный в 1832 году на Саратовскую кафедру преосвященный Иаков (Вечерков). Будучи, безусловно, одним из самых образованных и деятельных саратовских архиереев, владыка Иаков почитался еще при жизни едва ли не за святого. Преосвященный Иаков предпочитал действовать кротостью, увещал старообрядцев, побывал в двух иргизских монастырях, беседовал с начетчиками, создал “Общество благочестия”, которое превратилось впоследствии в официальную миссию.

Тем не менее при покровительстве Переверзева “иргизский Иерусалим” продолжал процветать. Правда, по внутреннему укладу жизни он все больше напоминал Вавилон. Здесь по-прежнему скрывались беглые преступники, непомерное винопитие и буйство все больше порождало иноков, а нарушение седьмой заповеди распространилось до невозможности скрывать преступления.

Конец “Иргизской исправы”

В 1835 году Переверзев был смещен, и епископ Иаков обрел союзника в лице нового губернатора А.П. Степанова, человека решительного, бывшего адъютанта Суворова. Дело пошло по-военному скоро. 8-го февраля 1837 года отряд христоролюбивых воинов вместе с известным саратовским протоиереем Гавриилом Чернышевским прибыл к воротам Средне-Никольского монастыря. Переговоры никаких результатов не принесли, и через несколько дней на Иргиз явился сам губернатор. Иноки решили стоять насмерть, и ученик Суворова, не решившись стрелять в безоружных людей, возвратился в Саратов. Министерство внутренних дел, однако, настаивало на более решительных действиях. Сам Государь упрекнул Степанова за нерасторопность, и участь Иргиза была решена. 12-го марта состоялся решительный штурм. Храм был окружен народом, лежавшим в несколько рядов, крепко сцепившись друг с другом.

Ввиду полной невозможности растащить лежащих, губернатор приказал стрелять холостыми снарядами. Пслышалась пальба из ружей, вовсю действовали нагайки и приклады, были пушены в ход пожарные трубы. Через несколько часов монастырь был опустошен. В 1843 году он был превращен в женский единоверческий монастырь.

В 1841 году столь же решительно приступили к присоединению Верхне-Спасо-Преображенского монастыря. Покровский и Успенский женские монастыри были при этом упразднены совершенно. Так, к началу сороковых годов было покончено с “иргизской исправой”. Примерно в это же время в беглопоповском движении образовался раскол, связанный с приобретением беглого архиерея, запрещенного в служении Боснийского митрополита Амвросия. Впрочем, это уже тема нового исследования.

священник Михаил Воробьев